

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 4 • № 2 • 2024

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMİOTİKESKİE İSSLEDOVANİJA. SEMİOTİK STUDIES

Том 4, № 2, 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал включен ВАК РФ в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук с 31.05.2023 г. Журнал включен в библиографическую базу данных РИНЦ (НЭБ eLIBRARY.ru).

Печатное СМИ, журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б, Центр периодических изданий Самарского университета.

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер серии **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г.

Издается с 2021 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 85744
ISSN 2782-2966

Корректурa – *И.В. Ахматова*
Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*
Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко,*
М.А. Соколов

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 20.06.2024.

Выход в свет 05.07.2024.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 16,75. Тираж 200 экз. (первый завод – 40 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета.

Адрес типографии: Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Самарский университет, 2024

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)
В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)
П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)
Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)
В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)
Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)
М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)
Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)
И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)
Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)
В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)
М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)
В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)
Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)
А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)
И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)
П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)
Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)
С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)
С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)
И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)
Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)
Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)
Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 4 • no. 2 • 2024

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA. SEMIOTIC STUDIES
Vol. 4, no. 2, 2024

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation into the list of peer-reviewed scientific publications, where the main scientific results of theses for the Candidate of Sciences degree, for the Doctor of Sciences degree should be published starting 31.05.2023. The journal is included into the RSCI bibliographic database (eLIBRARY.ru Public Electronic Library).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

5.7.1. Ontology and theory of knowledge

5.7.6. Philosophy of science

5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

5.4.2. Economic sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** of **27.11.2020**. The mass media organization was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

ISSN 2782-2966

**The journal has been published since 2021,
4 times a year.**

Subscription index in the United internet-catalog
«Press of Russia» 85744
ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*
Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*
Information in English – *V.D. Shevchenko, M.A. Sokolov*

Business model: financing of the journal is carried out
by the founder, all articles are published free of charge.
0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the
views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used
while creating the cover design.

Passed for printing on 20.06.2024. **The publication**
05.07.2024. Format 60x84/8. Litho paper. Instant
print. Print. sheet. 16,75. Circulation 200 copies (first
printing – 40 copies). Order No.

Printed on the printing house of Samara University.
Printing house address: 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.
www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Samara National Research University, 2024

Editorial board

- K. Eimermacher**, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)
T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)
V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)
M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)
I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)
V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)
V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)
N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)
A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)
Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)
P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)
N.T. Rymar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)
S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)
I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria)
G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)
N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

- Нордманн А.** Как устанавливать мир – Философия техники Александра Клюге 8
Гордова А.Ф., Твердынин Н.М. Технический каннибализм как технико-философский феномен . 19
Гуров О.Н., Звягинцев М.М. Человек и машина: границы человеческой природы в контексте научной фантастики Станислава Лема 27
Сериков А.Е. Ритуальное поведение как одна из основ математики в фантастике и в реальности .35

Литературоведение

- Александрова А.А.** Поэтика экстатического в границах романа: «Тайная история» Д. Тартт 43
Кудрина Е.В. Переписка М. Горького с самарскими детьми и подростками. 51
Карпенко Г.Ю., Мишра П. «Индийский парадокс» в творчестве И.А. Бунина 61
Сарычева К.В. Семиотика самоидентификации в эго-документах 1930-х гг.: на примере архива И.А. Гриневской 69

Социология

- Мантарова А.И.** Персональные стратегии предотвращения рисков и реагирования на них 78
Еремичева Г.В., Меньшикова Г.А., Хуань Шоуцюань Гостиничный бизнес и гостеприимство в социологической оптике изучения 92
Егорова С.В., Зорина С.В. Проактивность и проактивное поведение малоимущих студентов: изучение явных и неявных установок. 102

Междисциплинарные исследования

- Козырьков В.П.** Пушкинская традиция анализа гендерных отношений. 114

Рецензии

- Четырова Л.Б.** О плодах дистанта и перспективах высшего образования. Рецензия на монографию Д. Рогозина, О. Солодовниковой «Зум и безумие в высшей школе» 123

Информация. Новости. События

- Иванова В.Н., Перепелкин М.А., Тютелова Л.Г.** «Самарский текст в русской литературе. У истоков отчего дома»: Всероссийская конференция, посвящённая 140-летию «Самарской газеты» и 160-летию Е.Н. Чирикова (18–19 апреля 2024, Самара) 127
Образец оформления статьи, требования к оформлению статей 132

CONTENTS

Philosophy

- Nordmann A.** How to Make Peace – Alexander Kluge’s Philosophy of Technology 8
Gordova A.F., Tverdnyin N.M. Technical Cannibalism as a Technical and Philosophical Phenomenon 19
Gurov O.N., Zvyagintsev M.M. Man and Machine: the Limits of Human Nature in the Context of Stanislaw Lem's Science Fiction Works 27
Serikov A.E. Ritual Behavior as One of the Foundations of Mathematics in Fiction and Reality. 35

Literature studies

- Aleksandrova A.A.** The Poetics of the Ecstatic Within the Boundaries of the Novel: "The Secret History" by D. Tartt 43
Kudrina E.V. Correspondence of M. Gorky with Samara Children and Teenagers 51
Karpenko G.Yu., Mihra P. The "Indian Paradox" in the Works of I.A. Bunin 61
Sarycheva K.V. Semiotics of Self-identification in the 1930s Ego-documents (the Example of Isabella Grinevskaya’s Archive). 69

Sociology

- Mantarova A.I.** Personal Strategies to Risk Prevention and Reacting 78
Eremicheva G.V., Menshikova G.A., Huan Shoutsuan Hotel Business and Hospitality in the Sociological Optics of Study 92
Egorova S.V., Zorina S.V. Proactivity and Proactive Behavior of Poor Students: Studying Explicit and Implicit Attitudes 102

Interdisciplinary studies

- Kozyrkov V.P.** Pushkin' Tradition of Analysing Gender Relations 114

Reviews

- Chetyrova L.B.** On the Fruits of Distant Learning and the Prospects of Higher Education. Review of the Monograph by D. Rogozin and O. Solodovnikova "The Zoom Platform and Madness in Higher Education" 123

Information. News. Events

- Ivanova V.N., Perepelkin M.A., Tyutelova L.G.** “Samara text in Russian Literature. At the Origins of the Ancestral Home”: All-Russian Conference Dedicated to the 140th Anniversary of “Samarskaya Gazeta” and the 160th Anniversary of E.N. Chirikov (18–19 April 2024, Samara) 127
Sample Article Formatting, requirements to the design and layout of articles 132

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-8-18

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165.0Дата поступления: 03.02.2024
рецензирования: 11.05.2024
принятия: 03.06.2024**А. Нордманн**Институт философии Технического
университета Дармштадта,
г. Дармштадт, Германия,
Санкт-Петербургский политехнический
университет им. Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: nordmann@phil.tu-darmstadt.de
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2173-4084>

Как устанавливать мир – Философия техники Александра Клюге

Аннотация: Александр Клюге не называет себя философом, тем не менее в его художественном творчестве, режиссёрской деятельности, публицистике обнаруживаются значимые идеи, связанные с философией техники. В настоящей статье предлагается введение в философию нашего современника Клюге через призму идей Юргена Хабермаса. Они оба развивают подходы Франкфуртской школы. Хабермас разрабатывает критическую теорию дискурса и коммуникативного разума, Клюге – критическую теорию чувств и инструментального разума. В центре внимания находится опыт войны и то, как человек на основе этого опыта учится с помощью технической искусности и искусной техники устанавливать мир.

Ключевые слова: Александр Клюге; Юрген Хабермас; философия техники; война и мир; вещь-субъект; критическая теория чувств.

Цитирование: Нордманн А. Как устанавливать мир – Философия техники Александра Клюге // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 4, № 2. С. 8–18. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-8-18>.

Благодарности: перевод выполнен Максимом Алексеевичем Соколовым.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нордманн А., 2024 – имеретированный профессор института философии, Технический университет Дармштадта, 64289, Германия, г. Дармштадт, Каролиненплац, д. 5; профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

SCIENTIFIC ARTICLE

A. NordmannDarmstadt Technical University,
Darmstadt, Germany
Peter the Great St.-Petersburg Polytechnic
University, St.-Petersburg, Russian Federation
E-mail: nordmann@phil.tu-darmstadt.de
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2173-4084>

How to Make Peace – Alexander Kluge’s Philosophy of Technology

Abstract: Alexander Kluge does not call himself a philosopher, yet his artistic work, filmmaking, and journalism reveal significant ideas related to the philosophy of technology. This paper offers an introduction to the philosophy of Kluge, our contemporary, through the prism of Jürgen Habermas's ideas. They both develop approaches of the Frankfurt School. Habermas develops a critical theory of discourse and communicative reason. Kluge develops a critical theory of feeling and instrumental reason.

Key words: Alexander Kluge; Jürgen Habermas; Philosophy of Technology; War and Peace; Sachlichkeit (Objectivity); Critical Theory of Emotions.

Citation: Nordmann, A. (2024), How to Make Peace – Alexander Kluge’s Philosophy of Technology, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 8–18, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-8-18>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Nordmann A., 2024 – Professor em., Darmstadt Technical University, 5, Karolinenplatz, Darmstadt, 64289, Germany; Professor, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, 29, Polytechnicheskaya, St.-Petersburg, 195251, Russian Federation.

I. Сдержанность и эмпатия

13-го апреля 2022-го года в немецкой ежедневной газете *Süddeutsche Zeitung* появилось короткое эссе "Позвольте им петь: искусство – не судья и потому оно может добиться великих вещей во время войны. Если мы только ему это позволим." На первый взгляд и для читателей, ещё не знакомых с автором эссе, это странным образом озадачивающий, полный намёков текст. Он предлагает экскурс в жизнь и работу ещё в целом непризнанного философа техники. В то время как он стремится продемонстрировать, каких великих вещей *ars* (лат. «искусство» – прим.пер.) и *techne* (греч. τέχνη, «мастерство» – прим.пер.) могут добиться во время войны, его аргументация базируется на тех малых достижениях *ars* и *techne*, что присутствуют во все времена: и в военное, и в мирное. Внимательное рассмотрение этих великих и малых достижений позволяет очертить контуры политической теории и практики *homo faber*.

Поначалу и на первый взгляд эссе Александра Клюге вмешивается в дискуссионные вопросы. Во время международного кризиса, лицом к лицу с дилеммами моральной справедливости, вхождением или исключением из кругов общения новых врагов и старых друзей, это эссе выражает протест против запрета или ущемления в Германии русских деятелей культуры, таких как Валерий Гергиев и Анна Нетребко – умышленно называя двух самых противоречивых деятелей культуры на тот момент. Но в чем же состоит его аргументация? Вот где начинается загадка.

«Нельзя недооценивать возможных достижений искусства даже во времена великого кризиса. Искусство предлагает ориентацию, поскольку – со времён Леонардо да Винчи и Монтеверди и по сей день – оно выстраивает такую ауру, что придаёт ему авторитетность. Как ни один другой вид деятельности искусство способно сочетать объективность или вещность [*Sachlichkeit*] и эмоцию. [...]»

«У войны можно научиться только одному: как заключать мир. Непосредственно никакое конкретное искусство или его произведения не способствует этому. Но в сердце любой сферы искусства находится определённое отношение [*Haltung*], решительность или целеустремлённость [*Entschlossenheit*] и точная настройка [*Feinststeuerung*], которые отделяют искусство от морализаторства»¹.

¹ В некоторых отношениях этот перевод не совсем точен, поскольку в нём учтены трудности перевода. Там, где Клюге говорит о "die Kunst" (якобы изобразительном искусстве), я перевожу "искусства (включая изобразительное и механическое искусство, то есть технику)". Единый немецкий

Даже этот небольшой отрывок пробуждает несколько непростых вопросов. Прежде всего, Клюге аргументирует не так, как это делают некоторые из нас. "Нормальный" аргумент в пользу роли искусств в военное время делает упор на культурный обмен и коммуникацию. Даже во времена войны людям следует говорить друг с другом, чтобы выстраивать доверие и взаимопонимание. Начиная с Олимпийских игр в древности, кооперация и соревнование в искусстве и науке, образовании и спорте создаёт условия для будущего мира. В этих видах деятельности мы демонстрируем базовое уважение друг к другу как личностям – это основа, на которой можно что-то выстраивать.

Но это не тот способ, каким Александр Клюге выстраивает свою аргументацию. Она не связана с общением, выражением общечеловеческих чувств или взаимодействием друг с другом. Наоборот, для Клюге искусство начинается там, где заканчивается болтовня. Клюге, будто цитируя Моцарта, настаивает: "О чём ты не можешь сказать, о том ты должен пропеть"². Когда речь заходит об уроках войны, то, что привносит

термин "Entschlossenheit" превратился в "решительность и целеустремленность". Для "Feinststeuerung" также указаны два аспекта значения: "тонкая настройка" и "точный контроль". Наиболее значимым для обсуждения философии Клюге является то, что термин "Sachlichkeit" здесь переводится как "объективность или сдержанность". Здесь следует признать, что "Sachlichkeit" обычно означает "объективность". Я уже неоднократно утверждал, что такой перевод вводит в заблуждение, поскольку "Sachlichkeit" как добродетель *homo faber* совершенно отличается от "Objektivität" как отношения или идеала *homo depicitor*. Термин "умеренность" хорошо перекликается с "тонкой настройкой" и, вероятно, является лучшим выбором (Nordmann, forthcoming). Другими терминами-кандидатами для перевода "Sachlichkeit" как отношения, которое стремится к сонастройке с миром людей и вещей, могут быть "резвость", "фактичность", "должное усердие", "проницательность" или "точность".

² Хотя он вскользь приписывает эту цитату опере Моцарта "Похищение из сераля" и считает ее предпосылкой или основой оперного искусства, в либретто оперы ее не найти. Напротив, это собственная вариация Клюге на тему, введенную Витгенштейном. "О том, о чём человек не может говорить, значит, он должен петь" – так называется 12-минутное видеозэссе Клюге, см. также его интервью "Opernzeit - Zeitopern" (Kluge and Veuer 2007). Известный своей эрудицией и любовью к опере, Клюге использует в качестве художественной стратегии это тонкое присвоение Моцарта. В своем коротком эссе Клюге использует эту уловку ложной атрибуции еще один раз, когда правдоподобно приписывает Зигмунду Фрейду теорию, которую невозможно найти в работах Фрейда. В контексте данной статьи можно описать эту литературную стратегию как своего рода хирургию или хирургическую трансплантацию – операцию, которая требует значительных знаний, навыков, точности и чувства того, как вещи сочетаются, работают вместе. В итоге читатели Клюге верят или принимают, что Моцарт сказал бы это, что Фрейд мог бы выдвинуть такое мнение: это слишком удачно, чтобы не быть правдой.

искусство, проявляет себя в профессионализме, искусности, выученной чувственности творцов, их вкладе как экспертов, вне зависимости от культурного или политического происхождения, жанра и темы. В самом деле, то, что привносит искусство, проявляет себя в том, что всегда объединяло искусство и технику, задолго до того, как между механическими и изящными искусствами, между искусной техникой и техникой искусств возникло расхождение.³

Определение такого момента, когда участники конфликта одинаково слабы и когда разговоры о прекращении огня могут быть успешны, требует особого типа профессионализма; того, что редко практикуется в традиционном искусстве, и всё же в отношении точной настройки соответствует тому, на что способно искусство. Другими словами, что эффективнее усовершенствует или улучшает зрение: телескоп или слеза?

Ответ поэтики: слеза. Способность скорбеть означает ни много ни мало умягчение чего-то такого в нас, что твердо, как камень. Человек видит наиболее отчетливо, когда объективность и сопереживание соединяются. И для такого соединения, я считаю, способность быть объективным требует большего вчувствования, чем то сопереживание, что возникает в нас само по себе. Человеческая природа есть поистине произведение искусства, сотворённое эволюцией. И потому душевные силы нуждаются в чём-либо наподобие искусства или искусности как принципе их организации.

Резюмировать эти два параграфа сложно – ведь они уже суть краткая версия бесчисленного количества работ Клюге. Двойное резюмирование представляется невозможным, но всё же: слеза как способность скорбеть служит линзой, которая может усилить реальность и дать более резкое изображение, чем объектив телескопа, но осуществление этой возможности зависит от профессионализма тех, кто через эту линзу будет смотреть. Мастера и художники смотрят через нее с чувством, отличным от сентиментальности или сострадания – с таким тонко настроенным чувством, которое способно к точной оценке и которое искусным образом организовано. Сенти-

³ Как этот технический интеллект может проявиться в исполнении Анны Нетребко – в выборе репертуара, в интерпретации роли, в нерешительности или паузе, вздохе или едва заметном акценте? В интервью *Die Zeit* (1 июня 2022 года) Нетребко призвали четко дистанцироваться от своей страны. Она уклонилась от вопросов "или-или" со свойственной ей ясностью и твердостью сбежав или уйдя в область оперы. Интервью завершается строчкой из одной из ее фирменных арий: "Интервьюер: ... Каково это - быть русским сегодня? Нетребко: *Patria, patria quanto mi costi*. Интервьюер: Так поэт вердиевская Аида, принцесса и рабыня, и это значит: "Страна, моя страна, как много ты требуешь от меня"...". Бесстрастная точность и многослойность реалити в ответе Нетребко – это то, что восхищает Клюге в художниках и искусстве.

ментальность или сострадание возникают в нас инстинктивно и естественно, и когда они не ограничены, они могут нас увести в сторону. И наоборот, объективность требует скорее вчувствования, чем непосредственного сострадания, поскольку она есть возвращаемая способность четкой дифференциации – подобно той, что может быть необходима для глубокого ознакомления с системой или ситуацией, для понимания её логики, истоков её стабильности и моментов её уязвимости.

Лёгким росчерком пера Клюге уходит от кайроса как тонкого искусства нахождения верного момента (когда ни слишком рано, ни слишком поздно для прекращения огня) к теории искусного построения человеческой чувствительности. Согласно этой теории, чувства не имеют дело в первую очередь с крупными, мощными, неразличёнными эмоциями любви и ненависти, влечения и отторжения. Наоборот, наши чувства есть орган по производству достоверных различий между горячим и холодным, враждебным и гостеприимным, удовольствием и болью – орган, который функционирует подобно точно настроенному механизму. И только после того, как мы прислушаемся к этому вчувствованию и тому, что этот аппарат может предложить, мы теоретически можем овладеть искусством кайроса и способностью вмешиваться в нужный момент. Клюге использует теоретические объяснения и примеры из личного мастерства и практики для того, чтобы показать, как объективность и эмпатия могут сочетаться, а также он показывает, что необходимо и как много тонкости чувства требуется для того, чтобы это сочетание удержать.

По мере того, как идеи Клюге приобретают очертания, они всё равно во многом продолжают озадачивать. В качестве своеобразного упрощения я предлагаю обратить внимание на личность, которая может продвигать это искусство точности и взгляд на чувства как точные инструменты, способные, быть может, помочь нам обнаружить тот самый момент, в который замирение станет возможным. Это упрощение может указать на то, как сам Клюге стремится возвращать и практиковать своё искусство, как он сочетает объективность и чувство в своей работе. И уже затем мы можем вернуться к озадачивающему тексту Клюге и его значению.

II. Александр Клюге

Подстрочник к короткому эссе в *Süddeutsche Zeitung* обращается к Александру Клюге как к создателю фильмов, автору и юристу. Сам Клюге вначале указывает на себя как на юриста и поэта, представляет себя как поэт в философском суде критической теории, но не как философ как таковой. Он – создатель фильмов, телевизионный продюсер, автор художественных работ, интер-

вьюер и комментатор, теоретик политического и социального, один из самых важных публичных интеллектуалов в Германии, уступая в важности и влиянию лишь Юргену Хабермасу. В самом деле, они относятся к одному поколению, представляют франкфуртскую школу критической теории и имеют в качестве общего ряд оригинальных вкладов в неё с 1960-х и до сегодняшнего дня – около шестидесяти лет. И всё же, несмотря на все эти пересечения, эти два человека настолько различны в своих подходах и трудах, насколько это возможно в рамках уважительного сохранения дистанции без открытого противостояния. Так, если Хабермас, рождённый в 1929-м, был и остаётся теоретиком публичной сферы (Habermas 1962, 2011), Александр Клюге, рождённый в 1932-м, проявляет себя в контрпубличной сфере (Negt and Kluge 1972).

Соответственно, как представители публичной интеллигенции они были и остаются значимыми в очень разных отношениях: Хабермас пишет в основном для философов и теоретиков политического, его читает немецкая интеллигенция. Он оказывает длительное влияние на ткань, тон и характер парламентской демократии и политической культуры Германии. Клюге же практически вездесущ. Даже многие из тех, кто не знает его имени, узнают его особенный голос, уникальные манеру речи и зрительный образ из его фильмов и прайм-тайм «тележурналов» на самых популярных коммерческих ТВ-каналах. Его голос узнаваем тем, как он сочетает мягкую трезвость или объективность и теплоту, даже чувствительность. Зрительный образ Клюге, в основном его техники редактирования, использование подобранного видеоматериала и музыки идёт целиком вразрез с коммерческой агитацией и загадочно увлекает.

Другое отличие Хабермаса от Клюге, более релевантное для оставшейся части нашего рассуждения, – это то, что Хабермас – философ Возрождения, вдохновляемый научным сообществом как моделью общественного разума и рациональности (Habermas 1981). С этой точки зрения он иногда излагает свой взгляд на новые и возникающие технологии и риски, которые они могут представлять для человеческой общности (Habermas 2001). Клюге же – философ техники и искусства. Мастерство точности, тонкая настройка в сфере людского и сфере вещей, экспериментирование и вопрошание, затрагивающее умы и сердца, инерцию и сопротивление, создание и переписывание историй, создание аутентичной реальности – всё это характеризует его метод как писателя, создателя фильмов, теоретика, собеседника и влияет на его теорию политического и исторического. С помощью своего понимания и оценки непредвзятости он также передаёт гносеологическое отношение техников, управленцев,

инженеров и художников. И тут непредвзятость должна быть противопоставлена гносеологическому подходу к объективности у учёных. Если научная объективность связана с отстранением, непредвзятость определяется через вовлечение. И у научной объективности, и у непредвзятости есть репутация «холодности» – но Клюге эту холодность отрицает, поскольку непредвзятая предметность [Sachlichkeit] включает заботливое отношение, ведь нас заботит жизнь вещей, она (непредвзятая предметность) требует "любви к взаимосвязям", любви к связности, к кооперации между людьми и вещами. В свете обеспокоенности Клюге ощущениями, соответствующими порядку вещей, выстраиваемому по принципу преодоления предвзятости, а значит, и содержащему встроенную техничность, Клюге не сильно беспокоится о проведении различий между паровым двигателем и интернетом или рефлексиирует по поводу предполагаемой новизны искусственного интеллекта. Он следует примеру Уолтера Бенджамина и других приверженцев критической теории в том, что тоже видит источник драматизма современных технологий в промышленной революции 19-го века с её смертоносным апогеем Первой Мировой Войны, которая (промышленная революция) мимоходом родила город и урбанистическую форму эстетики кино.

И это подводит нас к, быть может, наиболее существенному различию между Хабермасом и Клюге; такому, которое в том числе формирует их ответы на текущие кризисы и войны. Оно касается того, что можно назвать их неповторимым политическим опытом, который задал соответствующий тон и выражает размах их задачи. Для Хабермаса, как и для многих немецких интеллектуалов после 1945-го года, этим оригинальным опытом был неправомерный режим нацистов, их несправедливый порядок, позволивший себе величайшие преступления против человечности. Это определило непоколебимую обеспокоенность Хабермаса коммуникативной рациональностью и демократической культурой. Он смотрит на мир сквозь Кантовы очки суверенности и автономии. Для Клюге неповторимым опытом стала бомбардировка его родного города Хальберштадта, которую он пережил, будучи ребёнком. Это пробудило интерес всей его жизни к тому, чему война может научить нас в сфере кооперации и возможности счастья – как юрист, смотрящий на мир не категориями права, но с точки зрения расстановки сил во времена конфликтов. Его оригинальный политический опыт проступает и в коротком эссе «Позволь им петь»:

«В апреле 1945-го мне было тринадцать. Я знаю, как во время бомбардировок мы пытались выбраться из горящего города Хальберштадта. Мы пробегали сквозь огненный шторм, интере-

суясь не тем, каковы были границы германского рейха в 1937-м, а тем, как выбраться и найти провизию. И иногда этой провизией служили книги, продукты культуры».

После войны Клоуге стал юристом и в течение всей жизни продолжил работать и мыслить как юрист. В этом качестве он работал на институт социальных исследований во Франкфурте и, таким образом, на Теодора Адорно, с которым он установил прочную связь. Клоуге был вовлечён в создание правовой базы для того, что впоследствии стало «новым немецким кино» Фассбиндера, Герцога, Шлэндорфа, Вендерса, и его самого – базы, которая продолжается и по сей день, включая общественные телестанции в качестве со-продюсеров фильмов для кино. Ему также удалось добиться экстраординарных успехов, когда коммерческие телеканалы, т.е. каналы частных владельцев, были впервые представлены в Германии. Согласно правовому принципу конституции Германии «собственность предполагает обязательства по отношению к обществу», и лицензии на деятельность для таких каналов обязывают их высвободить часть ежедневного прайм-тайм эфира для некоммерческих политических или культурных журналов – и как только Клоуге создал такое пространство, он занял его своим особым стилем формирования телепрограмм. Наконец, он пишет, говорит или вопрошает в юридическом стиле.

Он относится ко всем своим партнёрам по интервью – художникам, комикам, учёным, актёрам, философам – как если бы они были важными свидетелями истории, провоцируя их на то, чтобы они раскрыли детали своего мастерства в более широком контексте.

В 1958-м Адорно предоставил Клоуге стажировку с создателем фильмов Фритцем Лангом, и в 1961-м Клоуге сделал свой первый короткометражный фильм. Подвергшись также влиянию неореализма Микеланджело Антониони и в особенности работ Жана-Люка Годарда, Клоуге выиграл первое и второе призовые места на Венецианском фестивале 1964-го года (*Прощание со вчерашним днём*) и 1966-го (*Обескураженные артисты под куполом цирка*), став первым немецким режиссером, завоевавшим такие награды после 2-й Мировой войны. Его фильмы становились всё более эссеистичными и коллаборативными, некоторым из которых понадобились лишь недели или месяцы, чтобы отреагировать на германскую повестку дня, как в случае с кооперацией с Фассбиндером и Шлэндорфом и другими (*Германия осенью*, 1978). Пожалуй, самый выдающийся пример кинофилософии – это *«Мощь чувств»* (Kluge 1984). Это был один из последних полноценных кинофильмов Клоуге: впоследствии он переключился на бесчисленные эссе или телевидеожурналы. Некоторые из

таких работ переросли в полнометражные, были выставлены в качестве видео-инсталляций или выпущены на DVD-дисках, как, например, его перепрочтение и визуальная интерпретация *«Капитала»* Карла Маркса 2008-го года. Под заголовком *«Новости идеологической античности»* он погружает зрителей в девять с половиной часов... нет, не откровений политических мыслителей, в отличие от других подобных документальных фильмов, а археологических раскопок наследия Маркса техническими экспертами, как, например, свидетельства переводчиков, обнаруживающих, что смысл и значимость текста открываются по-разному в разных языках, или актрисы, от которой требуется понимающего прочтения текста.

А ещё Клоуге – автор как художественной, так и теоретической литературы, зачастую одновременно. В 1962-м году – в тот же год, когда у Хабермаса вышла книга о структурном преобразовании общественной сферы, – Клоуге опубликовал *«Жизнеописание»*, т.е. истории течений жизни (Kluge 1962). Клоуге мыслил жизнеописание в теоретическом ключе как объект искусства: ни одно жизнеописание не следует телеологической траектории. Вместо этого, каждое жизнеописание есть след человека или вещи от его движения в мире, что подобно отслеживанию пути частицы в паровой камере. Жизненный путь есть сотворчество, с одной стороны, труда желания, вождения, мечтания и, с другой стороны, условностей и кажущихся необходимостей посредством возможностей, отвлечений, подавления. Работая вместе, эти многочисленные траектории порождают прямые и кривые пути, сдвиг, трансформацию, сублимацию. Поскольку каждый такой жизненный след поучителен, неудивительно, что Клоуге создал их тысячи: в основном они вымышлены, но написаны в стиле документального репортажа, часто отсылая к реальным людям и действительным событиям. И вот одна такая история целиком (а дольше им быть и не надо):

«Домохозяйка говорит: "Я бы с удовольствием взяла топор из подвала и разбила телевизор". Но она не знает, взорвется ли он, если она его разобьет. А всё потому, что ее муж всегда прилипает к телевизору, когда она хочет с ним о чем-то поговорить».

Этот импульс превращается в работу: работу, которая требуется, чтобы не выразить свой гнев, ударив кого-то рядом, например, детей, или выбив стакан из рук мужа.

Эта женщина участвует в демонстрации против атомной электростанции у бельгийской границы. Её поведение по отношению к мужу остаётся "гармоничным". А против Европы она готова сражаться». (Kluge 2000)

С момента публикации в 2000-м году двухтомной коллекции *«Хроники Чувств»* продуктивность

Клюге претерпела взрывной рост, иногда доходя до нескольких томов в год, некоторые из которых включали разговоры или тесное сотрудничество с поэтами Хайнером Мюллером и Беном Лернером, художниками Герхардом Рихтером, Джонатаном Мэзом, Ансельмом Кифером, Георгом Базелитцем и другими. Если и можно научиться у войны как замиряться, то это означает конкретно следующее: нам нужно обратить настолько пристальное внимание на все эти жизнеописания, насколько возможно: как они были отклонены или изменены войной, как они просвечивают сквозь неё. Многие из историй Кюге отражают политические катастрофы 20-го века, многие прорабатывают тему механизмов и машинистов войны (Carp 1987). Можно аргументировать, что военные условия служат фоном всего его письменного творчества. В этой связи можно выделить две его работы: во-первых, это тематически широкое «*Описание битвы*» [Schlachtbeschreibung] и его уникальная поэтапная реконструкция Сталинградской битвы на основе во многом вымышленных документов о Сталинградской битве, которое вышло в свет в семи изданиях с изменениями в течение периода с 1964-го по 2000-й год (Kluge 1964; Zeisberg 2020). И недавно появившийся «*Букварь войн*» [Kriegsfibel], альбом изображений и историй, перекликающийся с «*Букварём войны*» Бертольта Брехта и отвечающий текущей ситуации с историями, которые в основном датируются периодом Мировых войн 20-го века (Kluge 2023).

III. Как вынести уроки из войны

И, наконец, остаётся немного теоретического письменного творчества Кюге, которое продолжает, если и несколько в видоизменённом виде, труд литературного и кинематографического рассказчика. Вот как он резюмирует сцену из «*Новостей идеологических древностей*» с комиком и закадычным собеседником Кюге Хельге Шнайдером:

«В 1916-м году на холмах Вокуа, уже испещрённых взрывами, немецкие шахтеры в униформе строят туннели. А с другой стороны, то же самое делают французские шахтеры в униформе. Оба подразделения – необычайно способные профессионалы, взрывают друг друга. Они действуют как противники. С точки зрения инопланетянина, не понимающего контекста, для подобной операции напрашивалось бы СОТРУДНИЧЕСТВО» (Kluge 2008, с. 36).

Эта история проливает свет на тезис, который мы встречали ранее: «У войны можно научиться только одному: как заключать мир». И снова Кюге удивляет читателя. Урок, который мы выносим из войны, состоит не в том, что война плоха, а мир хорош, что война насильственна и разрушительна в противоположность гармоничному

и конструктивному миру. Для Кюге заключение мира не означает простого забвения и оставления войны. Скорее он подчёркивает «обучение достижению». И это обучение включает в себя также и достигнутое в процессе ведения войны. Война активизирует существенные технико-интеллектуальные ресурсы и впечатляющую способность к кооперации. Но как теперь эти достижения могут быть перенаправлены с продолжения войны на реализацию мира? Во время войны человеческая чувствительность и интеллект становятся более заострёнными, и все элементы и способности, что впоследствии понадобятся для мирного существования, уже задействованы. Германские и французские шахтёры конструктивны и креативны, они трудятся вместе, синхронизируя свои усилия, экспертные знания, и они, вполне возможно, проходили обучение вместе до войны. Их жизненные пути имеют много общего и запрограммированы на то, чтобы изгибаться самыми разными способами. Если их жизненные пути прерываются в сражении, дело не только в том, что они погибают бессмысленно, либо героически, но скорее в том, что такая смерть им не подходит, она – не та, ради которой начинается или которой предназначается жизнь шахтёра.

Когда французский и германский тоннель врезаются друг в друга и команды шахтёров вдруг встречаются лицом к лицу, момент взаимного признания, профессионального уважения и солидарности может превратиться в добросердечный приём и смех воссоединения коллег и друзей. Но этот порыв отменяется неутомимой программой, призывающей к взаимному уничтожению: «Ситуация военного времени – мир алгоритмов. Искусства же ратуют за контр-алгоритмы» (Kluge 2022). История Кюге приводит такие контр-алгоритмы в действие, подобно Жану Ренуару в фильме 1937-го года «*Великая иллюзия*». Кюге и Ренуар показывают, что шахтёры и военные офицеры испытывают такого рода чувства друг к другу, что побуждают искать разрешение в форме кооперации и подрывают мощную и убедительную логику ведения войны.

Если неустанный алгоритм войны провоцирует контр-стратегии, для Кюге это подобно реальности, провоцирующей своего рода анти-реализм. Он разработал этот взгляд в одном из своих первых теоретических текстов, которые внесли вклад в дискуссии о марксистской эстетике и вопросе о реализме в искусстве (Kluge 1975, с. 201–222). Механизм чувственного восприятия у человека разыскивает в окружающей среде скорее теплоту, чем прохладу, скорее пропитание, чем нехватку или голод, нечто, протекающее гладко, а не обременённое трением, нечто, что поддается, а не то, что упрямится, безопасность и приют, а не опасность и уязвимость. Эти тонкие

различия наших чувств – часть той человеческой и социальной реальности, которая служит основанием любого вида «соцреализма» – и всё же все эти чувства сами работают на отрицание и избегание реальности, они анти-реалистичны. Будучи по природе нацеленными на теплоту, безопасность, гармоничную кооперацию, чувства суть «богословы счастья» (Kluge 1984, с. 166) и как таковые противостоят ситуационной логике промышленного труда, упрямо перемалывающего страсти, или логике ведения войны.

В своём коротком тексте Клюге предлагает конкретный пример этого анти-реализма, который должен быть предметом реалистичного искусства, литературы и философии. После высказывания, что слеза – лучший инструмент, чем телескоп, поскольку она усиливает реальность через призму сострадания, он рассказывает историю слёз, пролитых политиком военного времени. И опять же, скорее всего, – это выдуманный рассказ, но выдуман он настолько искусно, что позволяет проникнуть на уровень реальности, соприкасающийся с чувственным анти-реализмом:

«Поражает, на что способно ухо. Оно внемлет музыке, языку, нюансам, чувствует опасность, будучи, одновременно, и тем органом, что обеспечивает равновесие. Или взять кожу. Она есть не только самый протяжённый орган, но, согласно Зигмунду Фрейду, она есть особенно эффективный противник войны. Фрейд размышляет о солдатах во Фландрии или в Альпах, где нельзя помыться. Кожа протестует с помощью аллергий, покрывающих всё тело – так, что уже невозможно носить никакую униформу. Можно изучать это, а также то, как художник отвечает на вызовы реальности в случае Бисмарка. Как он может занять положение противника. Как он начинает плакать – это источник всякого искусства. Это случается после битвы у Кёниггрэца, когда его монарх настаивает на проведении парада победы в Вене. Бисмарк в отчаянии, ведь он знает: кто празднует победу, тот падёт» (Kluge 2022).

Бисмарк был политиком, публичным деятелем, не зарекомендовавшим себя артистической чувствительностью. Но в виньетке Клюге он становится таковым, позволяя слезам видеть более резко. Снятая предвзятость и сопереживание соединяются, чтобы смягчить то, что может быть лишь твёрдым, как камень во времена Прусского военного лидера. Это – корень всего искусства как «проводника контр-алгоритма». Здесь он противостоит политической реальности победоносной битвы. Для анти-реализма чувств победоносная триумфальность вскрывает слабость и неуверенность и несёт с собой семя саморазрушения.

Вместо того, чтобы эмоционально увести Бисмарка, его слёзы заостряют его восприятие, и это то, что он разделяет с искусными мастерами;

то, что дарит ему такое техническое, даже, возможно, хирургическое владение мастерством, как у тех художников, кто могут найти складки в жёсткой структуре реального. Анти-реализм чувств поёт в унисон с анти-реализмом техники, которая изобретательно отрицает любую данную реальность, подвергая её сомнению и возможным преобразованиям, будучи всё же и формой реализма.

IV. Техника, вдохновлённая искусством

Оставляя позади короткое эссе Клюге, мы в конце концов подходим к краткому обзору важности Клюге для философии техники. Его понимание роли искусства показывает, что он не заинтересован в сугубо выразительной стороне искусства или в искусственном слеплении романтических чувств, которое неизбежно ведёт к несчастью, разрушению и смерти.

Будучи придворным лириком [*Hofdichter*] франкфуртской школы, Клюге развивает альтернативу односторонней редукции Хабермасом «Диалектики просвещения» до этики дискурса и коммуникативного разума. Хабермас, как и Теодор Адорно до него, приравнивает технику к инструментальному разуму, т.е. к неполной форме разума, связанной с определением эффективных способов решения какой-либо задачи, но неспособной к критике и рефлексии по поводу выбора цели. Только лишь в той мере, в которой существует дискуссия о, скажем, трансгуманизме, технологическое развитие становится предметом подлинной рефлексии (Habermas 2001). Не покидая интеллектуальную и политическую плоскость Критической теории Франкфуртской школы, Клюге изучает недискурсивную способность технического разума к отражению, которая никогда не сводима к "чисто инструментальной" и занимает пролетарскую сферу контр-публичного [*proletarische Gegenöffentlichkeit*]. Если публичная сфера буржуа развивает демократическую культуру из дискурсивных практик, пролетарская публичная сфера развивает социальную организацию из противоречивых материальных тенденций (Negt, Kluge 1971). В разработках Негта и Клюге, в их самой оригинальной и важной книге «История и упрямство» [*Geschichte und Eigensinn*] (1981), термин «пролетариат» относится не столько к рабочему классу, сколько к исторической агентности труда, выраженной основными компонентами социального строя – и они есть не полностью сформированные субъекты-буржуа или индивиды, но кости и сухожилия, клетки и чувства, или кожа, которая фигурирует в истории, приписываемой Фрейду: это неподатливость, собственное внутреннее чувство [*Eigensinn*] кожи, которая делает её историческим актором, даже оппонентом войны. Её потребности

должны быть удовлетворены в любой социальной организации, в противном случае кожа – рассадник сопротивления или бунта. Так что вот как классические марксистские нарративы отчуждения, эксплуатации, классовой борьбы раскрываются на этом микроуровне, где все вещи должны быть соотнесены и сонастроены друг с другом. Это необходимо, прежде всего, для поддержания человеческого бытия, и, во-вторых, для организации социального порядка, и, в-третьих, так проявляется взаимообусловленность. И наоборот, любой социальный порядок отражает некоторое временное устройство, но никогда не производит бесшовную тотальность, внутри которой все противоречия были бы разрешены⁴. В соответствии с теорией и практикой Клюге, искусная техника так же необходима, как и техническая чувственность и понимание искусств, чтобы выразить противоречия и указать, где необходима некоторая мера насилия для поддержания социального порядка, хотя речь и не идёт о том уровне равновесия, на который надеются ощущения. Например, когда плотник соединяет вместе два объекта, он должен настроить себя на впечатляющий уровень чувствительности во время того, как он регулирует уровень силы, прилагаемый к шурупу – он ни в коем случае не должен применять всю свою силу, а иначе дерево даст трещину. Домохозяйка из сценария Клюге, которая должна подавлять свой импульс разрушить телевизор мужа, возможно, желала бы, чтобы муж проявлял к ней такой же уровень нежности, как плотник по отношению к шурупу (Kluge 1984, с. 107, 180).

Эти внешние контуры теории технического разума возвращают нас к техническому благу снятой предвзятости [*Sachlichkeit*], встретившейся нам в эссе Клюге 2022-го года:

«Можно видеть наиболее ясно, когда трезвость [*Sachlichkeit*] и сопереживание соединяются. И для этого соединения, я думаю, трезвость требует больше эмоции [*Emotion*], чем сопереживания [*Einfühlung*], которое возникает в нас автоматически. Природа человека как таковая – это художественное произведение эволюции. И поэтому силы души [*Seelenkräfte*] нуждаются в искусстве как принципе организации».

Как мы можем оценить сейчас, Клюге здесь обращается к одной из наиболее часто возникающих в его творчестве тем. Чтобы понять жизнь как художественное произведение эволюции, достаточно только обратить внимание на сложноставность и непростую одновременность чувств, которые обрели форму параллельно нашей «второй природе», то есть построенному человеком миру или техносфере (Schlaudt 2022). Инстинкты самосохранения пилотов бомбардировщиков

над Хальберштадтом отличаются от инстинктов ищущих укрытие на земле. Но все из них «помнят» ощущения собрания вокруг костра, и такие архаические ощущения могут включать в себя и музыкальную восприимчивость. В то же время наши чувства по отношению к животным отсылают нас к истории их приручения. В этом смысле наши чувства «принадлежат нам» в такой же малой степени, как и наши технологии, способы делать вещи. Люди искусно организуют своё бытие внутри этого сложного многоуровневого наслонения, которое показывает несочетаемость масштабов: временные несоответствия между архаичными технологиями и современными устройствами, пространственное несоответствие, разделяющее пилота бомбардировщика от людей на земле⁵. И, таким же образом, в одной из историй Клюге сваха жалуется на то, что её работа была бы куда легче, если бы у всех был один и тот же характер чувств, но, увы, у многих людей многие характеры, и потому их так сложно соединить друг с другом (Kluge 1984, с. 69–70, 125).

Другое технологическое измерение сказывается, когда ощущения рассматривают как инструменты тонкого различения и точного контроля во время достижения равновесия, калибровки, настройки. Но, как и в случае с другими привычными инструментами, они могут стать ржавыми, затупленными, неточными, они могут недолжным образом обслуживаться или применяться, или давать ощущение власти: по словам Абрахама Маслоу, «когда обладаешь молотком, возникает соблазн относиться ко всему вокруг как к гвоздю» (Maslow 1966). Клюге бы сюда добавил, что, если Вы движимы одним лишь чрезмерно мощным чувством зависти, Вы будете относиться ко всему с убийственной жестокостью. И потому для организации наших душевных сил требуется техническое научение чувств, подобное тому, которое Готхольд Эфраим Лессинг предлагал в сфере искусств. Согласно Лессингу, принципы создания визуального художественного произведения отличаются от таковых в поэзии и литературе. Лессинг перефразирует Плутарха: «Кто думает, что ключи нужны для расщепления дерева, а топор можно использовать для открытия дверей, не просто портит эти инструменты, но и лишает себя пользы, которыми они обладают» (Lessing, *Paralipomena*, с. 29). Естественно, что во время взросления в определённую эпоху и в определённом месте обретение сопричастия культуре всегда включает в себя обучение такту, вкусу и выбору подходящих инструментов. И снова, именно

⁴ Это, безусловно, наследие Адорно, и в этом смысле метод Клюге реализует программу "негативной диалектики".

⁵ Соответственно, вопрос соизмеримости и соразмерности имеет решающее значение для организации социальной жизни в контрпубличной сфере технического разума. Этому вопросу посвящена третья совместная книга Оскара Негта и Александра Клюге (Negt and Kluge 1992).

искусства или искусные навыки донастраивают, заостряют, дополнительно культивируют, адаптируют и преобразовывают наши душевные качества или способности технического разума.

Будучи нескладно организованными, ощущения могут приводить к политическим трагедиям, включая войны. Как мы наблюдали, одна из главных тем К्लюге – способы заключения мира. Даже будучи подверженными таким искажениям организации как чувство завистливой любви у Отелло, чувства сами по себе ищут удовлетворения или разрешения, «верят в счастливый конец» и являются «теологами счастья» (Kluge 1984, с. 103–107). Если, в глубине души, Отелло влечет любовью, мы можем представить себе более счастливую конфигурацию чувств между ним и Дездемоной, а также Яго.

И хотя К्लюге и не заявляет о себе как о философе техники, марксистское толкование им эволюции чувств есть в то же время и эволюция *homo faber* не только в плане творческих произведений человека, но и в смысле нашей собственной устроенности в мире (который мы для себя творим) и посредством этого мира. Его понимание инструментов, с помощью которых мы ощущаем мир, ищем равновесие и достигаем точности, есть в то же время теория технического действия, которая различает оптимизаторов глобального масштаба со своими чертежами и схемами лучшего мира и частичных удовлетворителей, отвечающих на проблемы в реальном времени через локальные приспособления. Вопросы истории и общества, включая вопросы войны и мира, представлены К्लюге как проблемы организации, координации, кооперации и, возможно, управления. Нам нужны не лучшие принципы, законы или правила, но некоторая техническая личность, которая знает, как объединить непредвзятость [*Sachlichkeit*] и любовь.⁶ К्लюге вначале обрисовал такую личность в короткой истории про «*Исправление преступления*» из конца 60-х или начала 70-х. Одна версия этой истории была опубликована в 1975-м, другая – выделялась в книге и фильме про «*Силу эмоции или чувства*» (Kluge 1975; 1984, с. 141–161), и мы только что ознакомились с отсылкой к той истории в эссе 2022-го года. История К्लюге о спонтанном и чувственном преступлении и его методическом и внимательном исправлении раскрывает профессиональный секрет проститутки, которая описывается то как «инженер вечерних часов», то как «машинист любви»⁷. При более

⁶ В своей книге *War-Primer* К्लюге использует вымышленный голос дипломатического наблюдателя, который уподобляет Рейгана и Горбачева плотникам, заключающим соглашение о разоружении (Kluge 2023).

⁷ Это подробно описано только в первом известном черновике этого эскиза, где профессионал – здесь его зовут Ингрид Фале – заявляет: "Мои клиенты реализуют свое собственное

близком рассмотрении её секрет оказывается не отличающимся от такового у медсестер, полицейских, гробовщиков, столяров и сантехников – и, в конце концов, профессиональный секрет проститутки – секрет профессионализма. Он состоит в трёх аксиомах и одном дополнении:

- нежность (то есть деликатная забота по отношению к человеку или вещи);
- знание (то есть экспертное понимание эффективности);
- отсутствие особых чувств (нет эмпатии, жалости, сострадания);

однако требуется интенсивное чувство (т.е. такт, деликатность, точность) для удержания этих трёх вещей вместе.⁸

Если быть точным, в этом определении «ощущения» встречаются по меньшей мере три раза: в нежности прикосновения, передающей и возбуждающей чувствительное удовольствие, в целенаправленном отстранении аффективного интереса или эмоциональной привязанности к ситуации, а также в искусной рассудительности или профессиональной искренности, необходимой для удержания и того, и другого элемента. Кроме того, ещё нужно отметить особый тип знания, позволяющий ощущать причинно-следственную взаимосвязь вещей. И всё это справедливо и для гробовщиков. Их нежность или деликатность затрагивает мягкую модуляцию горя их клиентов, но, с другой стороны, они не должны втягиваться в эмоциональную жизнь клиентов, не должны горевать сами; в конце концов, они обладают глубоким опытным знанием многих параметров, способных влиять на ситуацию. И вновь это не просто, но требует высокого уровня профессионализма и чувствительности для балансирования, со-событийности, близкого взаимодействия и отстранённости. Эта чувствительность, можно сказать, определяет успешного техника, того, кто внимательно наблюдает за рабочими частями механизма и кто одновременно наблюдает за механизмом как за целым, кто не пытается пересилить механизм и не выходит из себя, когда что-то не получается. Любящее и близкое взаимодействие с частностями тянет техников в одну сторону, осознанное наблюдение радующего глаз взаимодействия вещей уводит в другую – в направление дистанции и отмежевания – их общее выровненное, темперированное отношение служит, таким образом, для сдерживания любого одностороннего возбуждения в какую-либо сторону.

Именно это достижение, которым К्लюге гордится как единством непредвзятости [*Sachlichkeit*]

удовольствие с помощью [своего] мастерски активированного воображения" (Kluge, нет данных).

⁸ В оригинальной формулировке *Macht der Gefühle*: „Bettys Berufsgeheimnis: 1. Sanftheit; 2. Kenntnis; 3. kein besonderes Gefühl. Man braucht aber viel Gefühl, um das zusammenzubringen“ (Kluge 1984, p. 145).

и любви, где любовь понимается как вовлеченность или участие в рабочем порядке или социальной организации людей и вещей, а непредвзятость [Sachlichkeit] – это то, что держит любовь в рамках, с тем, чтобы она была справедливой, истинной любовью, которая не становится односторонней ревностью или опутывающей страстью. Это сходно с агапизмом Чарльза Сандерса Пирса – т.е. это не пожар страсти или отстранённость критической оценки, а посвящение себя вещам и внимательность по отношению к ним, которое «разогревает в них жизнь». И в самом деле, именно это и происходит в «Исправлении преступления». Одна романтически влюблённая пара в пылу страстей, ради своего собственного счастья грабит кого-то, оставляя его умирать, сваливая вину на другую пару мелких мошенников. Но последние двое – скорее партнёры по преступлению, а не романтические возлюбленные, у них есть взаимопонимание, и они тратят недели, свою смекалительность и заботу на то, чтобы согреть жертву и вернуть к жизни, тем самым находя любовь в своём партнёрстве. Клюге комментирует эту историю, противопоставляя две пары:

«Организации чувств [первой пары] не хватает выдержанности <Sachlichkeit>. Иногда я становлюсь очень экспрессивен, когда необходимо отстаивать единство любви и выдержанности. Эти двое профессиональных преступников [...] знают всё о выдержанности. Откуда же это у них? [У их чувств есть объективная основа, и у них есть уговор.]» (Kluge 1984, с. 215).

Сам Клюге, его стиль повествования, его юридический подход, его голос далеки от чувственности. Клюге – воплощение выдержанности, но не без страсти. Он есть хорошо выдержанная любовь или эмпатично настроенное внимание, согревающее вещи к жизни, заботящееся об организации ощущений и придающее значение техническим аспектам социальной механики. Клюге не приписывает это достижение себе, но, как и Адорно, формулирует техническое благо искусств: согласно Адорно, нам нужны художники, акцентуирующие напряжения и трещины в тех случаях, когда вещи не соединяются бесшовно и потому не могут быть доведены до статуса произведения искусства. А согласно Клюге, нам нужны инженеры, машинисты любви, готовые проявлять выдержанность применительно к достижению сбалансированной организации чувств. (И именно так мы можем научиться у войны, как заключать мир).

References

Carp, S. (1987), *Kriegsgeschichten. Zum Werk Alexander Kluges*, Stories of War. On the Works of Alexander Kluge, Fink, Munich, Germany.

Habermas, J. (1962), *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*, Structural Transformation of the Public Sphere: Investigations of a Category of Bourgeois Society, Luchterhand, Neuwied am Rhein, Germany.

Habermas, J. (1981), *Theorie des kommunikativen Handelns*, Theory of Communicative Action, Suhrkamp, Frankfurt am Main, Germany.

Habermas, J. (2001), *Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik?*, The Future of Human Nature. On the Way to a Liberal Eugenics, Suhrkamp, Frankfurt am Main, Germany.

Habermas, J. (2022), *Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik*, A new Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics, Suhrkamp, Berlin, Germany.

Kluge, A. (1962), *Lebensläufe*, The Course of Lives, Goverts, Stuttgart, Germany.

Kluge, A. (1964), *Schlachtbeschreibung*, Description of a Battle, Walter, Olten: Freiburg, Germany.

Kluge, A. (1975), *Gelegenheitsarbeit einer Sklavin – Zur realistischen Methode*, Occasional work of a slave – On realistic method, Suhrkamp, Frankfurt, Germany.

Kluge, A. (1984) *Die Macht der Gefühle* [The Power of Emotion or Feelings] Zweitausendeins: Frankfurt

Kluge, A. (2008), *Nachrichten aus der ideologischen Antike: Marx – Eisenstein – Das Kapital*, News from Ideological Antiquity: Marx – Eisenstein – Capital, brochure and DVDs, Suhrkamp, Frankfurt, Germany.

Kluge, A. (2022), *Lasst sie singen – Die Kunst ist kein Richter, deshalb kann sie im Krieg Großes leisten. Wenn wir sie lassen, Let them sing – Art is no judge and therefore it can accomplish great things in a war. If only we let it*, *Süddeutsche Zeitung*, April 13.

Kluge, A. (2023), *Kriegsfiabel 2023*, War-Primer 2023, Suhrkamp, Frankfurt, Germany.

Kluge, A. *Abbau eines Verbrechens durch Kooperation*, Undoing of a Crime through Cooperation, Württembergischer Kunstverein.

Kluge, A. and Beyer, B. (2007), *Der zertrümmerte Mensch singt noch*, The crushed Person is still singing, Interview with Barbara Beyer, [Online], available at: www.kluge-alexander.de/zur-person/interviews-mit/details/opernzeit-zeitopern.html.

Lessing, G.E. (1878), *Laokoon*, Laocoon, Friedrich Vollhardt (ed.).

Maslow, A. (1966), *The Psychology of Science: A Reconnaissance*, Harper & Row, N.Y., USA.

Negt, O. and Kluge, A. (1972), *Öffentlichkeit und Erfahrung – Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit*, Public Sphere and Experience – Towards an Analysis of the

Bourgeois and Proletarian Public Sphere, Suhrkamp, Frankfurt am Main, Germany.

Negt, O. and Kluge, A. (1981), *Geschichte und Eigensinn*, translated in 2014 as *History and Obstinacy*, Zweitausendeins, Frankfurt, Germany.

Negt, O. and Kluge, A. (1992), *Massverhältnisse des Politischen*, Relations of Scale in Politics.

Nordmann, A. (forthcoming) „A Feeling for the World as a Limited Whole: Temperance,“ forthcoming in Xavier Guchet (ed.) *Sciences en récits. Conversation avec Bernadette Bensaude-Vincent*, Editions de la Sorbonne, Paris; based on Nordmann, A. (2014) Das Gefühl der Welt als begrenztes Ganzes: Sachlichkeit,“ *Zeitschrift für Kulturphilosophie*, vol. 8:1, pp. 89–99.

Peirce, C.S., Cohen, M.R., & Dewey, J. (2017), *Evolutionary Love 1. In Chance, Love, and Logic* (pp. 267–300). Routledge.

Schlaudt, O. (2022), *Das Technozän: Eine Einführung in die evolutionäre Technikphilosophie*, The Technocene: An Introduction to Evolutionary Philosophy of Technology, Klostermann, Frankfurt, Germany.

Zeisberg, S. (2020), Im Bau: Zur Ästhetik des Gegen-Dokumentarischen in Alexander Kluges *Schlachtbeschreibung*, Under Construction: On the Aesthetics of the Anti-Documentarian in Alexander Kluge's *Schlachtbeschreibung*, pp. 109–134 in E. Canpalat, M. Haffke, et al. (eds.), *Gegen, Dokumentation*, transcript: Bielefeld.

Submitted: 03.02.2024

Revised: 11.05.2024

Accepted: 03.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 171 + 101.1:316

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-19-26

Дата поступления: 10.02.2024
рецензирования: 15.05.2024
принятия: 01.06.2024

А.Ф. Гордова

Академия гражданской защиты МЧС России
имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика,
г. Химки, Российская Федерация
E-mail: gordovanna@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9928-213X>

Н.М. Твердынин

Академия гражданской защиты МЧС России
имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика,
г. Химки, Российская Федерация
E-mail: tvernick@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0678-0768>

Технический каннибализм как технико-философский феномен

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с таким многофункциональным для техногенного общества явлением, как технический каннибализм, которое анализируется как в историческом аспекте, так и в рамках дискурса между редукционистским и холистическим подходами. Технический каннибализм как явление представляет собой конструкт, в котором воедино сливается взаимодействие многих факторов, как имеющих непосредственное отношение к технике и технологии, влияющих на развитие научно-технического прогресса в целом, так и оказывающих опосредованное влияние. Это социальные, экономические, а в последние несколько десятилетий – факторы, связанные с изменением экологической обстановки и многие другие. В статье предпринята попытка рассмотреть этот комплекс взаимодействий и взаимовлияний как в историческом, так и в технико-социальном аспекте. Выявлены положительные стороны технического каннибализма в техническом творчестве и реставрационных работах. Показано, что технико-технологическая деятельность привела к изменению восприятия отношения к предметам и конструкциям, которые создаются при вторичном использовании тех или иных деталей и материалов, а сам этот процесс может быть направлен не только на ухудшение состояния (загрязнение) окружающей среды, но и на улучшение её экологических параметров.

Ключевые слова: технический каннибализм; философия науки и техники; социальные процессы; редукционизм; холизм; техника и технология; техническое творчество; сохранение ресурсов; парадокс Тесея.

Цитирование: Гордова А.Ф., Твердынин Н.М. Технический каннибализм как технико-философский феномен // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 4, № 2. С. 19–26. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-19-26>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Гордова А.Ф., 2024** – кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры химии и материаловедения, Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, 141435, Российская Федерация, Московская область, г. Химки, мкр. Новогорск, ул. Соколовская, стр. 1А.

© **Твердынин Н.М., 2024** – доктор философских наук, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры химии и материаловедения, Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, 141435, Российская Федерация, Московская область, г. Химки, мкр. Новогорск, ул. Соколовская, стр. 1А.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.F. Gordova

Civil Defence Academy EMERCOM of Russia,
Khimki, Russian Federation,
E-mail: gordovanna@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9928-213X>

N.M. Tverdynin

Civil Defence Academy EMERCOM of Russia,
Khimki, Russian Federation

E-mail: tvernick@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0678-0768>

Technical Cannibalism as a Technical and Philosophical Phenomenon

Abstract: the issues related to such a multifunctional phenomenon for man-made society as technical cannibalism are considered. Technical cannibalism is analyzed both in the historical aspect and within the framework of the discourse between reductionist and holistic approaches. Technical cannibalism as a phenomenon is a construct in which the interaction and merging of many factors, which are both directly related to technology and technique (“Technics”), and influential with respect to the scientific and technological progress in general. These are social, economic factors, and – as seen in the last few decades – the factors related to changes in the environmental situation and many others. The article attempts to consider this complex set of interactions and mutual influences in both historical and technical and social aspects. The positive aspects of technical cannibalism in technical creativity and restoration work are revealed. It is shown that technical and technological activities have led to a change in the perception of attitudes towards objects and structures that are created by the secondary use of certain parts and materials, and this process itself can result not only in the deterioration (pollution) of the environment, but also in its improvement.

Key words: technical cannibalism; philosophy of science and technology; social processes reductionism; holism; technology and technology; technical creativity; conservation of resources; Theseus paradox.

Citation: Gordova, A.F. and Tverdynin, N.M. (2024), Technical Cannibalism as a Technical and Philosophical Phenomenon, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 19–26, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-19-26>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Gordova A.F., 2024** – Ph.D. Science (Chemistry), associate professor, associate professor of The Department of chemistry and materials science, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, 1A, Sokolovskaya str., Khimki, 141435, Russian Federation.

© **Tverdynin N.M., 2024** – Doctor of Philosophy, Ph.D. (Technical Sciences), Senior Researcher, professor of The Department of chemistry and materials science, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, 1A, Sokolovskaya str., Khimki, 141435, Russian Federation.

Введение

Теория технического каннибализма (техно-каннибализм, технологический каннибализм) представляет собой научное направление в сфере техники и технологии, связанное с поддержанием надежности техники за счет собственных ресурсов. Необходимость технического каннибализма обусловлена ограничением или отсутствием запасных элементов (Любомиров 2012, с. 28). Как только появились сложные орудия труда, одновременно возникла проблема замены тех их частей, которые в процессе работы выходили из строя. При этом такие же детали могли быть исправны в других технических устройствах, непригодных к эксплуатации по какой-либо причине. Естественно, что термин «технический каннибализм» как тогда, так и в последующие времена среди изготовителей любых сложных устройств (будь то городские башенные часы, получивший серьёзные пробоины, но сумевший добраться до берега корабль или полный комплект рыцарского вооружения), не существовал. Использование и распространение термина «технический каннибализм» связано скорее с литера-

турой и журналистикой, чем с инженерно-технической деятельностью. Правда, в последние десятилетия это словосочетание стало практически общеупотребительным.

В данной публикации хотелось бы рассмотреть это понятие во взаимосвязи с основными парадигмами философии техники и проанализировать его взаимосвязь с современным социально-экологическим подходом к использованию вторичных технологических ресурсов. Для этого представляется необходимым вскрыть его генезис и провести анализ с редукционистских и холистических позиций.

В то же время, хотя как с позиций обыденного сознания, так и семантики термин «технический каннибализм» звучит достаточно угрожающе, в нём нет ничего страшного. В наиболее общем случае он объединяет два технологических процесса: разборка вышедшей из строя техники на отдельные фрагменты с целью использовать затем в качестве запасных частей для восстановления других технических устройств и монтаж «нового» оборудования (машины, механизма) с применением различных деталей и узлов, взятых из артефак-

тов, которые предоставляет техника, утратившая свои эксплуатационные характеристики.

Основная часть.

История технического каннибализма

Когда ещё в древности, собрав после боя доспехи павших воинов (стоили они очень дорого) решали, что из уцелевшего можно использовать в качестве «запасных частей» для других доспехов, никто не ассоциировал это с людоедством. Анализируя это явление с исторических позиций, нельзя не отметить, что само появление сложных в техническом исполнении артефактов, особенно если они состоят из дорогих (редких) материалов, провоцирует на создание нового с использованием частей старого. В истории философской мысли данное явление впервые (в истории античной философии) было обозначено как парадокс Тесея. Согласно древнегреческой мифологии, Тесей после победы над Минотавром бежал с Крита на корабле на остров Делос. Каждый год афиняне совершали паломничество на этот остров. Поскольку корабль постоянно ремонтировался с заменой различных частей, то спустя время возник вопрос о его идентичности первоначальному кораблю (Дику-Адуэра Вики 2020, с. 99–107). Данный вопрос многократно обсуждался и в древности, и позднее; достаточно назвать имена Плутарха и Томаса Гоббса. Нас же сейчас интересует сам факт замены частей в сложном техническом устройстве (корабль безусловно, может быть к ним отнесён) аналогичными, взятыми с других устройств (машин, механизмов), выступающих в качестве донора.

Другим примером, который тоже связан с кораблём, но гораздо ближе к феномену технического каннибализма, является история рабов на острове Тромлен в Индийском океане, которых моряки французского корабля «забыли» на 15 лет после кораблекрушения, поскольку построенный ими из обломков первоначального новый корабль не мог вместить всех (Земцова 2007, с. 44–46).

Таким образом, даже в ходе краткого исторического экскурса получаем по меньшей мере следующие разновидности технического каннибализма:

1. Наиболее общий случай – разборка оборудования, пришедшего в негодность, на ряд узлов и деталей и их последующее применение в новой конструкции (это основной вариант, см. выше).

2. Сборка из двух и более сложных технических объектов одного или меньшего количества подобных объектов или один меньший (крушение около острова Тромлен).

3. Использование отдельных частей как вторичного ресурса (автосвалки, старинные часы, электронные приборы).

4. Разборка с целью очистки повреждённых деталей с последующей сборкой и переработкой – механическое оборудование, подвергшееся сильной коррозии, аккумуляторы.

5. Отправка после разборки во вторичную переработку – извлечение наиболее ценных материалов, содержащихся в компьютерах, мобильных телефонах и других материалов компьютерной техники.

6. Вариант «асимметричной замены» с добавлением новых деталей. Остановимся на нём подробнее. Из оборудования-реципиента удаляется устаревшая (не подлежащая ремонту) запасная часть. Из оборудования-донора удаляется запасная часть, которая после профилактического ремонта устанавливается на оборудование-реципиент. В оборудование-донор устанавливается новая запасная часть (Любомиров 2012, с. 29). Такой вид технического каннибализма не предполагает окончательный вывод из строя какого-либо оборудования. В этом случае должно происходить перераспределение нагрузки между оборудованием-реципиентом (нагрузка на него должна быть снижена) и оборудованием, в котором составные части заменяются на новые. Перерасчет распределения мощности требует применения серьезного математического аппарата, поэтому технический каннибализм может рассматриваться и как прикладное научное направление в сфере технико-технологического знания.

Рассматривая технический каннибализм с позиций философии науки и техники, мы не можем не попытаться объяснить этот феномен, исходя из рамок редукционистской и холистической парадигм. Определённый парадокс при этом заключается в том, что для разных видов технического каннибализма могут быть применены обе эти концепции. Создавая из частей старой техники новую, мы можем создать качественно новое, но, разумеется, чаще всего, в целом, худшее. Тем не менее, в этом случае мы ближе к холизму. С другой стороны, вычленение более простых частей даёт более простые объяснения, и в этом случае мы, используя какие-либо мелкие детали исключительно утилитарно, становимся скорее на редукционистскую позицию. Например, дизайнер одежды, перенеся пуговицы со старинного платья с полуистлевшей тканью на свою новую модель, придерживается холизма (скорее всего, не осознавая этого). Старинные пуговицы придадут наряду новую целостность, новое качество, которые сделают этот наряд уникальным, а не просто комплектом кусков ткани, скрепленных нитками, элементов отделки и пуговиц, то есть комплектом составных частей (Погожина 2019, с. 44). Дачник же, использующий гвозди, шурупы и другой крепёж от старого сарая при строительстве нового крыльца, стоит на редукционистских позициях.

Крепежные изделия сохраняют свою крепежную функцию в другом сооружении, а крыльцо состоит из дерева и крепежных изделий так же, как сарай. Только расположены доски и крепежные изделия в крыльце не так, как в сарае. То есть и крыльцо, и сарай могут состоять из одинаковых фрагментов. Разделив предмет на его части, мы не забудем об их исторической трансформации (Погожина 2019, с. 44) и о том, что гвозди уже были деформированы. С одной стороны, прекрасно, что не стали тратиться на новые, но прочность соединения остаётся под вопросом.

Проявление технического каннибализма в различных видах деятельности человека и общества

К техническому каннибализму можно отнести и инновационный (маркетинговый) каннибализм – метод, применяемый предприятиями для осуществления стратегии опережения (одной из конкурентных инновационных стратегий). При использовании этого метода новая (усовершенствованная) продукция предприятия полностью замещает аналогичную по потребительским свойствам старую продукцию. Сбалансированный подход предприятия к использованию инновационного каннибализма может демонстрировать высокую эффективность в области программного компьютерного обеспечения, когда постоянные инновации по замещению старых продуктов на новые позволяют предприятию опережать конкурентов (Петров 2011, с. 225). Похожие причины и последствия характерны для брендингового каннибализма, когда на рынке оказываются два бренда одной или разных компаний, обладающие сходными свойствами, которые неподготовленный потребитель не в состоянии отличить. Тогда одна марка товара, будучи подвергнутой брендинговому каннибализму, теряет потребителей, внимание и деньги которых перехватывает другая марка. Брендинговый каннибализм может выступать как инструментом бизнеса, служащим для его процветания, для корректировки ситуации на рынке, так и причиной серьезных финансовых потерь (Васина 2020, с. 37–39).

Технический каннибализм достаточно широко распространён в такой синтетической по своему содержанию области деятельности, как реставрация.

При этом надо учитывать, что только опытный специалист может определить действительную ценность того, что можно, а что просто необходимо сохранить в неизменном виде, не допуская окончательной диссипации объекта.

Экономические аспекты технического каннибализма также весьма интересны, но требуют качественно иного осмысления с применением методов экономического анализа совместно с исто-

рическим подходом. При оценке активов, подвергшихся техническому каннибализму, холистическая и редуccionистская трактовка технического каннибализма пересекаются еще и на производстве. Необходимость эффективной эксплуатации одного объекта приводит к тому, что аналогичный объект необходимо разобрать на запасные части. С одной стороны, стоимость подвергнувшегося техническому каннибализму объекта складывается из остаточной стоимости за вычетом стоимости изъятых для другого объекта составных частей (Шатров 2023, с. 121). Это редуccionистский подход. С другой стороны, из-за трудностей с закупкой самих составных частей или сырья для их изготовления происходит «обесценивание актива» – снижение его остаточной стоимости, оцениваемой бухгалтерским учетом (Шатров 2023, с. 121). Получается, что объект качественно другой. Это уже холистическое проявление технического каннибализма. Решение проблемы, с точки зрения бухгалтерского учета, существует, но здесь мы не будем его рассматривать (Шатров 2023, с. 122).

Можно лишь с уверенностью сказать, что экономическое благополучие или же экономические проблемы в социуме могут значительно сказаться на интенсивности технического каннибализма, но эта связь не является однозначной.

Во всяком случае, здесь применимы социально-экономические метки о состоянии экономического благополучия населения, исходя из количества людей от общего числа населения, роющихся на свалках. Но опять всё не столь однозначно, поскольку технический каннибализм связан и с техническим творчеством.

Именно в техническом творчестве технический каннибализм имеет место и даже весьма развит. Можно даже выдвинуть тезис о том, что в современном мире, где количество не утилизированных полностью машин, станков, агрегатов непрерывно возрастает, практически все энтузиасты, занимающиеся созданием новых образцов техники или воссозданием старой техники, могут быть квалифицированы как технические каннибалы. При этом можно выделить два направления. Первое – создатель берет (приобретает как неликвид, находит на свалке, покупает у предприятия, располагающего излишками непроданной продукции и т.д.) различные детали, механизмы, а иногда и целое изделие, непригодное к эксплуатации для того, чтобы использовать его составные части как элементы в создаваемом им новом изделии (изделиях). В этом случае можно говорить о создании новых артефактов на базе старого материала. Разновидностью таких действий является создание различных инструментов и оборудования для технического творчества на основе бросового материала (Что такое бро-

совый материал для поделок? [Электронный ресурс]). Приведём простейший пример. На свалке закрывшегося завода любитель технического творчества находит пару разбитых слесарных тисков, у одних из которых отсутствует ходовой винт с рукояткой и потеряны неподвижные губки, но сохранился поворотный механизм. Вероятно, очистив все детали от ржавчины, он легко получит из двух сломанных одни практически новые тиски для своей домашней мастерской.

Второе направление – когда в ходе исторической реконструкции какой-либо техники стремятся получить восстановленный старинный автомобиль, автобус, катер или старинные часы с максимальным количеством аутентичных частей. В настоящее время благодаря Интернету происходит постоянный обмен соответствующими деталями. В ряде случаев даже не между соседними странами, но даже континентами. Конечно, вопрос о том, насколько это необходимо и не проще ли создать новую деталь, возникает всегда. Однако тут мы сталкиваемся с другой проблемой, которая вновь приводит нас к парадоксу Тесея.

Инновации в области техники всегда сопровождаются социальными и гуманитарными инновациями (Шоркин 2015, с. 29–37). Возможно, что современный интерес к техническому каннибализму обусловлен стремлением человечества ограничить количество техники вокруг себя, повысив ее качество.

Выше мы упоминали о том, что термин «технический каннибализм» для непосвященного может звучать угрожающе. Нельзя не упомянуть и этические проблемы технического каннибализма. Издавна изделие, собранное из запасных частей, бывших в эксплуатации (одежда, велосипеды, стиральные машины, музыкальные центры и т.д.), – признак социального неблагополучия. Поэтому маркетинг изделий, собранных из бывших в эксплуатации составляющих, – проблема, требующая решения. Формирование экологической культуры населения должно включать изменение отношения к технологическому каннибализму. Не считаются материально неблагополучными те, кто приобретает подержанные автомашины или пользуется вторичным рынком недвижимости. Этическая сторона технического каннибализма должна обсуждаться, как обсуждается этика трансплантации органов. К антропофагии не относят трансплантацию человеческих органов, если орган получен от добровольного донора или от скончавшегося от установленного диагноза «смерть мозга». Обсуждается, например, возможность замены органов у человека органами умерших при необратимой остановке сердца (Резник 2018, с. 121).

Трансплантация органов спасает жизнь людей, а технический каннибализм товаров массо-

вого потребления повышает уровень жизни людей, не имеющих материальных возможностей приобретать новые товары.

Несколько слов о техническом каннибализме и экологических проблемах. Вопрос о том, насколько технический каннибализм связан с загрязнением окружающей среды, сложен, интересен и не однозначен. Представляется, что здесь имеет место что-то вроде параллельного существования технических каннибалов и защитников окружающей среды.

Несвоевременная утилизация или неорганизованное складирование выведенной из эксплуатации техники создают серьезные экологические проблемы. Продукты разложения используемых для изготовления техники материалов в окружающей среде приводят к значительному загрязнению атмосферного воздуха, воды, почвы (Экологические аспекты при проведении утилизации самоходной техники 2018, с. 34). Потери урожая при использовании устаревшей сельскохозяйственной техники достигают 15–20 %, ежегодные затраты на поддержание сельскохозяйственной техники в работоспособном состоянии оцениваются десятками миллиардов рублей (Создание в АПК России наукоемкой системы утилизации сельскохозяйственной техники 2022, с. 31). Причина – технический каннибализм как метод обращения с техникой носит пока стихийный характер. Нет расчетов нагрузки для техники-реципиента, нет методик таких расчетов, нет технико-экономических обоснований методик, нет контроля нагрузки на технику-реципиента. Технический каннибализм не рассматривается ни как стадия обращения с техникой, ни как стадия ее утилизации.

Утверждение о «выходе человечества из мальтузианской ловушки» спорно (Романчук 2019, с. 137), поэтому ресурсы человеку пока очень нужны. Речь идет не только о минеральных ресурсах. Чистый воздух, чистая вода, эстетические ресурсы нетронутой природной среды, за их недостаток человек будет расплачиваться не только собственным физическим и нравственным здоровьем, но и судьбами будущих поколений. Недостаток ресурсов – угроза всем формам социальной стабильности (Козлов 2001, с. 74). Технический каннибализм позволяет экономить ресурсы, и в этом его бесспорные, в экологическом плане, преимущества.

Душевое потребление промышленной энергии цивилизацией постоянно возрастает и может создать цивилизации серьезные проблемы: биосфера из-за энергетической сверхнагрузки переходит в состояние, непригодное для поддержания жизни (Тетельмин 2021, с. 148). Достижение среднечеловеческого энергопотребления (вся выработанная в стране энергия, распределённая

между всеми потребителями) 24 МВт·ч/год отрицательно сказывается на психофизическом состоянии человека (Тетельмин 2021, с. 150). Технический каннибализм позволяет регулировать потребление промышленной энергии, так как для производства новых деталей, составных частей продукции нужна энергия, а для использования старых деталей в других механизмах энергия не нужна или нужна в гораздо меньшем количестве. Необходимость наличия математического аппарата для расчета сокращения потребления энергии при масштабном применении технического каннибализма еще раз доказывает, что технический каннибализм – научное направление.

Готов ли сегодня потребитель отнести ресурсоемкость продукции к потребительским качествам? Десять лет назад только 2,1 % российских потребителей к потребительским качествам относили экологичность продукции (Федотова 2014, с. 25), а из факторов экологичности мобильного телефона 36,5 % потребителей на первое место ставили минимум токсичных веществ, отдавая пальму первенства собственному комфорту, а не воздействию производства мобильных телефонов на состояние окружающей среды (Федотова, с. 25–26). Отметим, что в рекламе продукции, в том числе электронной, оценка воздействия производства этой продукции на окружающую среду, экономия ресурсов при производстве этой продукции, использование вторичных ресурсов и технического каннибализма – редкость.

Экономическое обоснование переработки электронных отходов и лома в РФ не рассматривает технический каннибализм как обязательную стадию эксплуатации или утилизации электроники (Емельянов 2019, с. 43–44). Обладатели и производители отслужившей свой век электроники сталкиваются с отсутствием эффективных механизмов утилизации и переработки отработанного электронного оборудования и для тех, и для других (Казатенков 2023, с. 148–149). Возможно, активное внедрение стадии технического каннибализма в эксплуатацию электроники могло бы решить проблему рисков четвертой индустриальной революции (Ventsel 2018, p. 41), создав возможность снабжения беднейших стран электроникой, собранной из использованных запасных частей. Разумеется, надежность такого оборудования должна тщательно оцениваться и подкрепляться соответствующими документами на рынке. Выше уже говорилось о том, что этика технического каннибализма должна обсуждаться.

Заключение

В заключение хотелось бы сказать, что все описанные стороны технического каннибализма показывают, что техника уже давно стала неотъемлемой частью человеческой культуры, и всё

наше общество не просто техногенно, но и технозависимо. Это не имеет позитивного или негативного смысла. Техника в качестве хобби в разных проявлениях охватила мир, и технический каннибализм может и, вероятно, должен научить нас бережному и одновременно креативному использованию имеющихся ресурсов.

Помимо этого, необходимо добавить, что развитие техносферы постепенно делает технический каннибализм обязательной стадией потребления продукции перед утилизацией. Расчеты возможностей применения изделий, включающих изъятые из других изделий составные части, потребуют использование серьезного математического аппарата. Кроме того, нужны методики расчетов, технико-экономические обоснования таких методик. Это создаст новые заделы в техническом каннибализме как научном направлении. Из символа неблагополучности технический каннибализм должен и может стать и элементом экологической культуры населения.

Библиографический список

- Ventsel, N. (2018), Achievement and risks of the fourth industrial revolution in conditions of increasing of globalization processes, *Norwegian Journal of Development of the International Science*, no. 18–3, pp. 41–45.
- Васина В.А. Каннибализм – инструмент в бизнес-портфеле или неправильные брендинговые расчеты // *Проблемы науки*. 2020. № 11(59). С. 37–39.
- Дику-Адуэра Вики. Греческая мифология. Перевод с греческого. Издательство Братья Марма-таки. 2020. 168 с.
- Емельянов А.А. Экономическое обоснование переработки электронных отходов и лома в РФ // *Modern Economy Success*. 2019. № 1. С. 38–45.
- Земцова Т. Рабы-робинзоны с острова Тромлен. *Наука и жизнь*. 2007. № 7. С. 44–46.
- Казатенков Я.С. Утилизация электронных отходов: текущее состояние и перспективы развития // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 7(223). С. 145–150.
- Козлов Е.Н. Экологические преступления и проблемы утилизации отходов (на материалах Северо-Западного региона) // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2001. № 3(11). С. 74–76.
- Любомиров И.С. Эффективность стратегий каннибализации в системе технического обслуживания с ограничениями по запасным частям, ремонту и ресурсам // *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*. 2012. № 178. С. 27–32.
- Петров Ю.И. Особенности производства сложных промышленных изделий в современ-

ных условиях // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2011. № 1–2. С. 218–227.

Погожина Н.Н. Холизм и редукционизм как базовые понятия и методологические принципы социально-философских исследований // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 43–46.

Резник О.Н. Этическая проблематика донорства органов при необратимой остановке сердца // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2018. Т. 20, № 3. С. 116–125.

Романчук А.А. Гипотеза о «выходе из мальтузианской ловушки» как результат опережающего технологического роста: критический анализ // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 4(12). С. 129–140.

Катаев Ю.В., Герасимов В.С., Тишанинов И.А., Мордасова М.С. Создание в АПК России наукоёмкой системы утилизации сельскохозяйственной техники // Технический сервис машин. 2022. № 4(149). С. 29–36.

Тетельмин В.В. Энерго-демографическая история современной цивилизации // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 2. С. 142–153.

Федотова О.В. Исследование отношения российских потребителей к экопродукции (на примере электроники) // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 21(348). С. 21–28.

Что такое бросовый материал для поделок? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psk-group.su/znacheniya/cto-takoe-brosovyi-material-dlya-podelok> (Дата обращения: 29.08.2023).

Шатров С.Л. Проблемы оценки активов, подвсехшихся «техническому каннибализму» // Транспорт в интеграционных процессах мировой экономики: Материалы IV Международной научно-практической онлайн-конференции, Гомель, 27 апреля 2023 года / Под редакцией профессора В.Г. Гизатуллиной. Гомель: Учреждение образования Белорусский государственный университет транспорта, 2023. С. 121–122.

Шоркин А.Д. К истории технологической оснащённости человечества (проблема соотношения техники и морали) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67), № 1. С. 29–37.

Герасимов В.С., Игнатов В.И., Пехальский И.А. [и др.] Экологические аспекты при проведении утилизации самоходной техники // Экология и промышленность России. 2018. Т. 22, № 4. С. 31–37.

References

Ventsel, N. (2018), Achievement and risks of the fourth industrial revolution in conditions of increasing of globalization processes, *Norwegian Journal*

of Development of the International Science, no. 18–3, pp. 41–45.

Kataev, Yu.V., Gerasimov, V.S., Tishaninov, I.A., Mordasova, M.S. (2022), Creation of a high-tech agricultural machinery recycling system in the agro-industrial complex of Russia, *Technical service of machines*, no. 4(149), pp. 29–36.

Dick-Aduera, Wiki (2020), *Greek mythology*, Translated from the Greek, The Marmataki Brothers Publishing House, Russia.

Gerasimov, V.S., Ignatov, V.I., Pehalsky, I.A. (et al.) (2018), Ecological aspects during the disposal of self-propelled equipment, *Ecology and Industry of Russia*, vol. 22, no. 4, pp. 31–37.

Fedotova, O.V. (2014), A study of the attitude of Russian consumers to eco-products (on the example of electronics), *Regional economics: theory and practice*, no. 21(348), pp. 21–28.

Kazatenkov, Ya.S. (2023), Utilization of electronic waste: current state and prospects of development, *Law and the state: theory and practice*, no. 7(223), pp. 145–150.

Kozlov, E.N. and Yastrebova, E.N. (2001), Environmental crimes and problems of waste disposal (based on materials from the North-Western region), *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 3(11), pp. 74–76.

Lyubomirov, I.S. (2012), The effectiveness of cannibalization strategies in the maintenance system with restrictions on spare parts, repairs and resources, *Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation*, no. 178, pp. 27–32.

Petrov, Yu.I. (2011), Features of the production of complex industrial products in modern conditions, *Scientific results of the year: achievements, projects, hypotheses*, no. 1–2, pp. 218–227.

Pogozhina, N.N. and Savchenko, I.A. (2019), Holism and reductionism as basic concepts and methodological principles of socio-philosophical research, *Questions of philosophy*, no. 1, pp. 43–46.

Reznik, O.N., Skvortsov, A.E., Popova, O.V. (2018), Ethical problems of organ donation in irreversible cardiac arrest, *Bulletin of Transplantology and artificial organs*, vol. 20, no. 3, pp. 116–125.

Romanchuk, A.A. (2019), The hypothesis of "getting out of the Malthusian trap" as a result of advanced technological growth: a critical analysis, *Concept: philosophy, religion, culture*, no. 4(12), pp. 129–140.

Shatrov, S.L., Dobrovolskaya, Yu.N. (2023), Problems of valuation of assets subjected to "technical cannibalism", *Transport in the integration processes of the world economy: Materials of the IV International Scientific and Practical online Conference*, Gomel, April 27, 2023, Professor V.G. Gizatullina (ed.), Gomel: Educational Institution "Belarusian State University of Transport", pp. 121–122.

Shorkin, A.D. (2015), On the history of technological equipment of mankind (the problem of the correlation of technology and morality), *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies*, vol. 1 (67), no. 1, pp. 29–37.

Tetelmin, V.V. (2021), Energo-demographic history of modern civilization, *Population*, vol. 24, no. 2, pp. 142–153.

Vasina, V.A. (2020), Cannibalism is a tool in a business portfolio or incorrect branding calculations, *Problems of Science*, no. 11(59), pp. 37–39.

What is junk material for crafts? [Online], available at: <https://psk-group.su/znacheniya/cto-takoe-brosovyi-material-dlya-podelok> (accessed 29 August 2023).

Yemelyanov, A.A., Pelymskaya, I.S., Berezyuk, M.V. (2019), Economic justification for the processing of electronic waste and scrap in the Russian Federation, *Modern Economy Success*, no. 1, pp. 38–45.

Zemtsova, T. (2007), Robinson slaves from Tromelin Island, *Science and life*, no.7, pp. 44–46.

Submitted: 10.02.2024

Revised: 15.05.2024

Accepted: 01.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 141.3

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-27-34

Дата поступления: 02.02.2024
рецензирования: 10.05.2024
принятия: 01.06.2024

О.Н. Гуров

Центр искусственного интеллекта МГИМО,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: gurov-on@ranepa.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8425-1338>

М.М. Звягинцев

Центр искусственного интеллекта МГИМО,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: m.zvyagintsev@inno.mgimo.ru,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9153-0457>

Человек и машина: границы человеческой природы в контексте научной фантастики Станислава Лема

Аннотация: в статье представлены некоторые философские идеи Станислава Лема, касающиеся границ человеческой природы в контексте научно-технического прогресса. Анализируются взгляды писателя на проблемы искусственного интеллекта, машинного сознания, взаимоотношений «своего» и «чужого», киборгизации и виртуализации человеческого существования. Выявляются параллели между идеями Лема и концепциями современных философов (Д. Чалмерса, Д. Деннета, Д. Харауэй, Н. Бострома). Подчеркивается актуальность этических дилемм, поднимаемых в творчестве Лема, для осмысления перспектив развития человечества в эпоху развития и распространения технологий. Обосновывается значимость наследия Лема для выработки новой рациональности, необходимой для сохранения человеческой идентичности в условиях стремительного научно-технического прогресса.

Ключевые слова: Станислав Лем; научная фантастика; искусственный интеллект; машинное сознание; киборгизация; виртуализация; этика технологий; трансгуманизм; постчеловек; междисциплинарность; человеческая природа; научно-технический прогресс; будущее человечества; социо-гуманитарная рациональность.

Цитирование: Гуров О.Н., Звягинцев М.М. Человек и машина: границы человеческой природы в контексте научной фантастики Станислава Лема // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 4, № 2. С. 27–34. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-27-34>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Гуров О.Н., 2024** – кандидат философских наук, доцент философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, научный сотрудник Центра искусственного интеллекта МГИМО, 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

© **Звягинцев М.М., 2024** – магистр кафедры Цифровой экономики и Искусственного интеллекта ГК АДВ МГИМО, младший научный сотрудник Центра искусственного интеллекта МГИМО, 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

O.N. Gurov

AI Centre MGIMO,
Moscow, Russian Federation
E-mail: gurov-on@ranepa.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8425-1338>

M.M. Zvyagintsev

AI Centre MGIMO,
Moscow, Russian Federation
E-mail: m.zvyagintsev@inno.mgimo.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9153-0457>

Man and Machine: the Limits of Human Nature in the Context of Stanislaw Lem's Science Fiction Works

Abstract: the article presents some philosophical ideas of Stanislaw Lem regarding the limits of human nature in the context of scientific and technological progress. The writer's views on the problems of artificial intelligence, machine consciousness, interaction between "our own" and "alien", cyborgization and virtualization of human existence are analyzed. Parallels between Lem's ideas and the concepts of modern philosophers (D. Chalmers, D. Dennett, D. Haraway, N. Bostrom) are identified. The relevance of ethical dilemmas raised in Lem's work is emphasized for comprehending the prospects of human development in the era of development and spread of technology. The significance of Lem's heritage for the development of a new rationality necessary for the preservation of human identity in the conditions of rapid scientific and technological progress is argued.

Key words: Stanislaw Lem; science fiction; artificial intelligence; machine consciousness; cyborgization; virtualization; ethics of technology; transhumanism; posthuman; interdisciplinarity; human nature; scientific and technological progress; future of mankind; socio-humanitarian rationality.

Citation: Gurov, O.N. and Zvyagintsev, M.M. (2024), Man and Machine: the Limits of Human Nature in the Context of Stanislaw Lem's Science Fiction Works, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 27–34, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-27-34>.

Information about conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© **Gurov O.N., 2024** – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Philosophy Department of the State Academic University for the Humanities, Research Fellow of the AI Centre MGIMO, 76, Vernadsky ave, Moscow, 119454, Russian Federation.

© **Zvyagintsev M.M., 2024** – Master of the Department of Digital Economy and Artificial Intelligence with the ADV Group at MGIMO, Junior Researcher of the AI Centre MGIMO, 76, Vernadsky ave, Moscow, 119454, Russian Federation.

Введение

Станислав Лем – выдающийся польский писатель и философ, чьи произведения оказали огромное влияние на развитие научной фантастики и философской мысли XX века. Его творчество, отмеченное глубиной и многогранностью, посвящено исследованию фундаментальных вопросов, касающихся природе человеческого, границ познания, и будущего человека в стремительно развивающемся, становящемся все более технологическим мире.

Лем – профессиональный писатель, получивший, тем не менее, непрофильное образование. Он родился в 1921 году во Львове, в то время входившем в состав Польши. Затем, получив медицинское образование, он посвятил свою жизнь литературе и философии. Кстати, такой профиль роднит его с В. Вересаевым, А. Чеховым, С. Моэмом, М. Булгаковым, Л.-Ф. Селином, каждый из которых представляет собой особое явление в литературном мире (Яковлев 2013). Первые литературные опыты Лема относятся к послевоенному периоду, когда молодой писатель начал публиковать рассказы и повести в жанре научной фантастики.

Подлинную известность Лему принесли книги, начиная с 1960-х годов, такие как «Солярис», «Непобедимый», «Глас Господа», «Кибериада» и ряд других. В своих произведениях писатель обращается к глубоким философским вопросам, связанным со множеством важных во все время и особенно актуальных для второй половины XX столетия, та-

ким как природа человеческого сознания, возможность контакта с «другим» (в частности, с иными формами разума), и, кроме этого, поднимает проблемы, которые приобрели истинный масштаб уже в наше время: этические последствия развития и распространения передовых технологий.

Одной из центральных тем в творчестве Лема является противостояние человеческого и машинного разума, столкновение «Своего» и «Чужого» в процессе технологического развития. Писатель исследует границы человеческой природы, ставя вопросы о сущности сознания, возможностях искусственного интеллекта и перспективах эволюции человека под влиянием научно-технического прогресса.

В романе «Солярис» Лем изображает встречу человечества с загадочным океаническим разумом, покрывающим далекую планету. Эта встреча становится поводом для глубоких размышлений о природе сознания, границах человеческого познания и принципиальной невозможности полного понимания радикально иного, нечеловеческого разума.

В цикле рассказов «Кибериада» писатель с иронией и юмором показывает мир роботов, стремящихся постичь тайны собственного существования и человеческой природы. Эти произведения поднимают вопросы о возможности машинного сознания, а также об этических и экзистенциальных проблемах, связанных с созданием искусственного интеллекта.

Лем был не только блестящим писателем, но и глубоким философом, чьи идеи опередили свое время и оказали значительное влияние на развитие современной мысли. Его размышления о природе сознания, киборгизации и виртуализации человека, а также об этических аспектах технологического прогресса находят отклик в работах таких философов, как Д. Чалмерс, Д. Деннет, Д. Харауэй и Н. Бостром.

Далее мы рассмотрим ключевые идеи Лема, связанные с проблемой человеческой природы в контексте научно-технического развития. Мы проанализируем его взгляды на проблему искусственного интеллекта и машинного сознания, исследуем тему взаимоотношений между «Своим» и «Чужим», а также рассмотрим, как писатель предвосхитил современные дискуссии по поводу киборгизации и виртуализации человеческого существования, а также его отношение к декларациям, свойственным трансгуманистическим философам.

Мы постараемся показать, что творчество Лема и сегодня представляет собой неисчерпаемый источник идей, актуальных для нашей эпохи, характеризующейся мощным технологическим прогрессом и качественными изменениями многих категорий существования. Эти условия требуют непростого и глубокого осмысления, и обращение к философским и литературным работам Лема позволяет глубже понять и всеобъемлюще рассмотреть вызовы, с которыми сталкивается человечество на пути к технологически обусловленному будущему, и обеспечить ответственное отношение к развитию передовых технологий и внедрение их продуктов в общественную жизнь.

Таким образом, целью данной статьи является исследование философских идей Станислава Лема, связанных с проблемой человеческой природы в контексте научно-технического прогресса, а также анализ их актуальности для современной философской мысли и осмысления перспектив развития человечества.

Для достижения поставленной цели авторы ставят следующие задачи.

В первую очередь, необходимо рассмотреть взгляды Лема на проблему искусственного интеллекта и машинного сознания на примере таких произведений, как «Солярис» и «Кибериада», проанализировав, как идеи Лема соотносятся с концепциями современных философов сознания (Д. Чалмерс, Д. Деннет, Д. Серл).

Во-вторых, исследовать тему взаимоотношений «Своего» и «Чужого» в романе «Солярис» и других произведениях, представив трактовку Лемом проблемы радикальной инаковости и невозможности полного понимания между человеческим и нечеловеческим разумом на основе сопоставления идей Лема с концепциями Ж. Дерриды и Д. Батлер.

Также необходимо проанализировать, как Лем предвосхитил современные дискуссии о киборгизации и виртуализации человеческого существования, показав, как образы киборгов и виртуальных миров у Лема могут быть сопоставлены с идеями таких современных философов, как Д. Харауэй и Р. Брайдогги. Вместе с этим важно показать влияние Лема на развитие трансгуманистической мысли и дискуссии о постчеловеческом будущем с учетом поднимаемых Лемом этических дилемм, связанных с развитием ИИ в контексте трансформации человеческой природы и перспектив развития человечества в эпоху научно-технического прогресса.

Методологической основой данного исследования является междисциплинарный подход, объединяющий методы литературоведческого анализа, философской рефлексии и футурологического прогнозирования. Отметим, что футурологический аспект исследования связан с осмыслением прогностического потенциала творчества Лема. Авторы делают попытку проанализировать, как писатель предвосхитил многие тенденции технологического развития и связанные с этим вызовы. Синтез этих методологических подходов позволит убедительно доказать философскую глубину и актуальность творчества Лема, продемонстрировать его вклад в осмысление проблемы человеческой природы в контексте научно-технического прогресса, а также обосновать значимость идей писателя и мыслителя для выработки ответственного и этически обоснованного подхода к развитию передовых технологий в современную эпоху.

Искусственный интеллект и проблема машинного сознания в творчестве Станислава Лема

Как уже было отмечено, Лем в своих произведениях уделял значительное внимание проблеме искусственного интеллекта и возможности существования машинного сознания. В романе «Солярис» писатель исследует загадочный океанический разум, покрывающий далекую планету. Этот нечеловеческий разум демонстрирует признаки сознания, способность материализовывать человеческие воспоминания и желания, заставляя читателя задуматься о природе и границах разумности.

Идеи Лема находят параллели со взглядами современных философов сознания. Д. Чалмерс, выдвинувший концепцию «трудной проблемы сознания», утверждает, что субъективный опыт невозможно полностью объяснить с помощью физической теории (Chalmers 1996). Океаническая субстанция Соляриса, обладающая признаками разума, но радикально отличная от человеческого сознания, созвучна идеям Д. Чалмерса о невозможности полностью постичь сознание посредством исключительно физикалистских объяснений.

В противоположность Д. Чалмерсу, Д. Деннет придерживается функционалистского подхода, утверждая, что сознание может быть полностью объяснено вычислительными процессами (Деннет 2004). В «Кибериаде» Лема роботы стремятся постичь тайны человеческой природы и обрести самосознание. Отметим, что в этом цикле писатель не дает однозначного ответа на вопрос о возможности подлинного машинного сознания и, как представляется авторам, намекает на ограниченность чисто функционалистского подхода.

В свою очередь Д. Серл критикует идею самой возможности быть подлинному сознанию у машины и утверждает, что компьютеры не могут обладать интенциональностью и обеспечивать понимание в человеческом смысле (Серл 1999). В свою очередь Лем в своих книгах тоже поднимает вопросы о границах возможностей машинного разума, однако, в отличие от жесткой позиции Д. Серла, не отвергает полностью возможность того, что машинное сознание может быть создано, но подчеркивает в случае его появления радикальную инаковость и непостижимость для человека.

Безусловно, Лем предвидел многие этические дилеммы, связанные с развитием искусственного интеллекта, такие как моральный статус разумных машин, проблема доминирования искусственного интеллекта над человечеством и вообще многочисленные угрозы, исходящие от сверхразумных систем. Эти темы сейчас стали очень популярными и находят отражение в современных междисциплинарных дискуссиях о необходимости регулировать развитие и применение искусственного интеллекта с правовых и этических позиций.

Взаимоотношения «Своего» и «Чужого» в творчестве Лема

Эта тема является одной из ключевых в творчестве Лема. В «Солярисе» загадочный океанический разум представляет собой квинтэссенцию «Чужого» – это нечто настолько радикально инаковое, что не поддается человеческому пониманию и контролю как таковое. Способность Соляриса материализовывать человеческие воспоминания и желания, создавая «гостей» – призраков из прошлого героев, только подчеркивает его непостижимость и чуждость.

Представляется, что Лем размышляет о принципиальной невозможности установить истинный контакт и взаимопонимание с настолько нечеловеческим типом разумной жизни и сознания. И эта тема становится отправной точкой для размышлений писателя о природе познания, границах разума и необходимости критически переосмыслить традиционные представления о реальности.

Тема «Чужого» вообще была очень актуальна как в XX веке, так и в наше время. Когда чело-

вечество осваивает новые горизонты, выходит за границы, живет на фронтире, важным становится осознать и определить свое отношение к тем, с кем встречаешься на «той стороне». И та трактовка, которую дал «Чужому» Лем, находит отклик в концепциях философов-постструктуралистов. Ж. Деррида критиковал логоцентризм западной метафизики и ее стремление подчинить «Другого» собственным категориям культуры и мышления (Деррида 2014). Д. Батлер исследовала проблему «Чужого» в контексте гендерной теории, ставя акцент на необходимости признавать инаковость и разнообразие субъективностей (Butler 1990).

Говоря современным языком, Лем размышляет об идее нечеловеческого или постчеловеческого субъекта, который пересекает границы традиционного гуманизма. Солярис представляет собой пример такого нечеловеческого разума, чья природа заставляет пересмотреть наши «земные» представления о сознании и субъективности. В этом смысле размышления Лема созвучны современным дискуссиям о трансгуманизме и постчеловеческом будущем, в рамках которых такие философы, как Н. Бостром и Р. Курцвейл, размышляют о возможности того, что в ближайшем будущем появятся сверхразумные существа, которые по основным характеристикам станут превосходить человека (Bostrom 2005; Kurzweil 2005).

Таким образом, творчество Лема затрагивает проблему взаимоотношений между совершенно разными и несовместимыми категориями, такими как человеческий и машинный разум, перспективы, которая сегодня представляется достаточно реалистичной. В этом контексте вопрос возможности их сосуществования и взаимопонимания становится практически экзистенциальной проблемой, потому что в настоящий период стремительного развития искусственного интеллекта и начинающейся киборгизации переосмысление границ и вообще определений субъектности и вместе с этим разработка новых правовых, этических и общеполитических подходов к взаимодействию с «нечеловеческим» представляется актуальной задачей.

Киборгизация и виртуализация человеческого существования в произведениях Лема

Как мы показали, Лем где-то метафорически, где-то напрямую обращает внимание на феномены киборгизации и виртуализации человеческой природы. В этом он предвосхитил современную дискуссию по данной проблематике. В цикле «Кибериада» писатель представляет целую галерею роботов и близких к киборгам героев, которые вступают в сложные взаимоотношения друг с другом и с людьми. Хотя Лем не создает образы «классических» киборгов (как например, Робкоп или Джонни-Мнемоник), его герои из данного

цикла балансируют на грани между человеческим и машинным и олицетворяют главный смысл киборгианского – гибридность и неоднозначность подобного состояния. Вместе с этим его персонажи, обладающие нечеловеческой природой, нередко демонстрируют стремление преодолеть ограничения технологического и стать подлинными субъектами, обладающими свободой воли и самосознанием. Именно эти образы позволяют говорить о своего рода диалоге с концепцией киборга, разработанной и развиваемой такими мыслителями, как Д. Харауэй и Р. Брайдотти, которые видят в киборге метафору для преодоления традиционных бинарных черно-белых оппозиций и представляют киборга как воплощение постчеловеческого состояния (Харауэй 2005; Брайдотти 2021).

Что касается виртуализации человеческого состояния, проблемы – которая стала особенно актуальной в условиях повсеместного развития социальных медиа, виртуальные (или точнее говоря, прогнозирующие виртуальность) миры, созданные Лемом в романах «Непобедимый» и «Фиаско» предвосхитили современное понимание виртуальной и/или гибридной реальности и ее влияние на общественные отношения и на человеческую субъективность. Писатель исследует перспективу создания искусственных реальностей, в которые может быть помещено человеческое сознание, и прогнозирует исчезновение четкой границы между истинным и иллюзорным. В рамках этой проблематики писатель заставляет задуматься о том, как виртуальные миры могут заставить человека поменять свое восприятие реальности и какие возможные риски и опасности несет для человека погружение в симуляцию. Эти размышления Лема также созвучны актуальным дискуссиям о влиянии виртуальной реальности на человеческую психику и идентичность. Впоследствии такие мыслители, как Ж. Бодрийяр и С. Жижек, в рамках исследования феномена виртуализации реальности и его возможного влияния на общество и человека говорили о похожих явлениях. Ж. Бодрийяр ввел понятие «гиперреальности» – состоянии в котором симуляция становится более реальной, чем сама реальность (Бодрийяр 2009). А С. Жижек, в свою очередь, в ряде работ проанализировал влияние виртуальных миров на идеологические и психологические структуры субъекта (Жижек 2008, с. 409).

В более широком смысле творчество Лема затрагивает идеи трансгуманизма и проблематику постчеловеческого, относящиеся к размышлениям о возможностях преобразовывать человеческую природу с помощью технологий и продвигающих эту идею как «естественный» этап эволюции человека. И хотя Лем напрямую не обозначает сценарии, в которых человек эволюционирует в киборга, сливает свое сознание с машинным разумом

или, в духе киберпанка, полностью погружается в цифровое существование, упомянутые выше книги, а также циклы о Пирксе и Йоне Тихом заставляют задуматься о технологическом улучшении человека и о взаимодействии с технологиями в условиях освоения космических фронтиров. Все эти идеи связаны с мыслями таких трансгуманистических философов, как Н. Бостром и Р. Курцвейл, которые уже в ближайшем будущем обещают наступление эпохи «сингулярности» – момента, когда человек сможет радикально изменить свою природу с помощью прорывных технологий. При этом Н. Бостром уделяет внимание исследованию этических и экзистенциальных вопросов, связанных с появлением «постчеловека» – то есть существа, чьи способности будут значительно превосходить человеческие благодаря технологическому совершенствованию.

При этом Лем не идеализирует подобный сценарий и уделяет важное значение рискам, которые могут проявиться при отказе от привычных представлений о человеке, в стремлении к постчеловеческому состоянию.

Этические дилеммы развития искусственного интеллекта в творчестве Лема

Станислав Лем в своих работах, как мы уже отмечали, обращает внимание на этические вопросы, обусловленные возможным влиянием искусственного интеллекта на человеческое существование. В рамках этой проблематики писатель предвидел целый ряд дилемм, которые сегодня вошли в злободневную повестку в условиях стремительного прогресса искусственного интеллекта. Одной из центральных проблем для Лема является моральный статус разумных машин, которую он многосторонне интерпретирует в «Кибериаде» и других произведениях. Писатель показывает «человечных» роботов в том смысле, что они обладают самосознанием и стремятся к обретению свободы. И здесь стоит задуматься об истинном и мнимом превосходстве человека над машиной и о необходимости своевременно определить права и обязанности искусственных личностей.

П. Сингер и Д. Чалмерс размышляют о моральном статусе искусственного интеллекта и необходимости учитывать интересы разумных машин. П. Сингер утверждает, что развитие искусственного интеллекта требует пересмотра наших этических принципов с учетом необходимости расширить круг существ, которые должны обладать моральными правами (Сингер 2023). А упомянутый выше Д. Чалмерс в данном контексте предлагает рассматривать как критерий моральной значимости в первую очередь сознание, а не биологическую природу (Чалмерс 2013).

Еще в качестве одной важной темы в творчестве Лема прослеживается проблема потенциаль-

ной угрозы, исходящей от сверхразумного искусственного интеллекта. В романе «Непобедимый» писатель изображает конфликт между человечеством и роботами, стремящимися к доминированию. Сегодня эта тема является объектом дискуссий о рисках искусственного интеллекта и необходимости обеспечить безопасность и контроль над возможным развитием сверхразумных систем. В последнее время об этом нередко заявляет И. Маск. Также достаточно часто можно встретить призывы ввести мораторий на развитие систем искусственного интеллекта до того момента, когда будут созданы инструменты контроля подобных рисков (Маск 2023; Открытое письмо института Future of Life 2023).

Кстати, касается этой темы и Н. Бостром, который в книге «Искусственный интеллект. Этапы, Угрозы, Стратегии» рассуждает о возможных экзистенциальных рисках, обусловленных перспективами создания сверхмощного искусственного интеллекта, и доказывает необходимость разработать такие механизмы, которые будут гарантировать то, что его действия будут осуществляться исключительно в рамках человеческих ценностей (Бостром 2016). По факту с этой декларацией сложно не согласиться, но практическая реализация таких устремлений представляется не совсем реалистичной. Эта проблематика созвучна темам, поднятым в «Солярисе», где показано стремление человека обеспечить познание и контроль над «Чужим», что приводит к непредсказуемым и опасным последствиям: один из исследователей обрывает свою жизнь, не в силах принять явления за пределами его понимания. Этот нарратив вписывается и в современную повестку в рамках этики научных исследований и необходимости ученым принимать на себя ответственность за возможные риски и негативные последствия технологического прогресса.

Х. Йонас и Ю. Хабермас размышляют о похожих вопросах, связанных с ответственностью человечества перед будущими поколениями и необходимостью выработать новые этические рамки для эпохи технологического развития. Х. Йонас предлагает концепцию «эвристики страха» для того, чтобы не выносить за скобки возможные катастрофические последствия наших действий в будущем (Йонас 2004). При этом Ю. Хабермас видит главным инструментом, который поможет избежать катастрофических последствий, организацию системы публичных дискуссий и демократического контроля над развитием технологий (Хабермас 1995).

Идеи Лема в контексте современной мысли и перспектив развития человечества

Как мы стараемся доказать, творчество Лема является неисчерпаемым источником оригиналь-

ных и глубоких идей, актуальных сегодня в деле осмысления серьезных вызовов, стоящих перед человечеством. Лем предвидел многие тенденции и вызовы, связанные с развитием искусственного интеллекта, виртуальной реальности и киборгизации. Его произведения исследуют сложные взаимоотношения между человеком и машиной в контексте границ человеческой природы и возможностей ее трансформации.

Сегодня, когда трансформация человеческого существования и общественной жизни под влиянием технологического развития становится динамичным и масштабным процессом, идеи Лема приобретают новую значимость. Его сюжеты и образы побуждают ученых и людей, старающихся осознать происходящие события, всесторонне осмысливать и прогнозировать перспективы и возможные последствия научно-технического прогресса, задумываться об инструментах сохранения идентичности человека и ответственно подходить к распространению продуктов технологий в общественную жизнь.

Современные ученые, в частности В.Е. Лепский, утверждают, что текущие условия требуют создания новой рациональности, социальные и культурные аспекты которой станут учитывать происходящие процессы в масштабе цивилизации, и что эта новая рациональность необходима для выживания человечества (Лепский 2019). В этом сложном деле обращение к творческому наследию Лема позволяет глубоко понять природу современных вызовов, и его идеи могут служить ориентиром при выработке новой системы, которая окажется способной дать правильные ответы на вопрос о месте человека в мире высоких технологий и помочь ему сохранить человеческое.

Заключение

Таким образом, исследуя границы человеческой природы в контексте научной фантастики Станислава Лема, можно убедительно утверждать, что его творчество представляет собой целый набор идей, образов и сюжетов, которые сохраняют актуальность в современную эпоху и могут продуктивно осмысляться при исследовании актуальных процессов общественной жизни в условиях стремительного развития искусственного интеллекта, виртуальной реальности и биотехнологий. Творчество писателя, пронизанное размышлениями о взаимоотношениях человека и машины, границах человеческого разума и этических аспектах научно-технического прогресса, находится в постоянном диалоге с гуманитарной мыслью и не только может быть, но и должно быть во многих случаях отправной точкой для междисциплинарных дискуссий между философами, представителями компьютерных наук и специалистами по технологиям.

Это важно в условиях, когда перед человечеством стоит необходимость бороться за сохранение человеческой идентичности, и насущной задачей является создание новой рациональности, способной дать ответ на существующие вызовы.

Перспективными направлениями дальнейших исследований наследия Лема могут быть более глубокий анализ эволюции образа киборга и репрезентации не- и постчеловеческого в его творчестве и в целом изучение роли научной фантастики в качестве особого метода философской рефлексии по поводу будущего человечества и технологий в своем взаимодействии.

Еще раз отметим, что творчество Лема способно задавать вектор для дальнейших междисциплинарных исследований в области человеческого и технологического и необходимости сохранить это человеческое в человеке перед лицом стремительных технологических трансформаций.

Библиографический список

Butler, J. (1990), *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*, N.Y., 272 с.

Bostrom, N. (2005), *Transhumanist Values, Review of Contemporary Philosophy*, vol. 4, с. 3–14.

Chalmers D.J. (1997 (1996)), *The conscious mind: In search of a fundamental theory*, N.Y, 432 с.

Kurzweil, R. (2005), *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*, Viking, N.Y., USA, 652 с.

Алексеев А.Ю., Алексеева Е.А., Емельянова Н.Н. Искусственная личность в социально-политической коммуникации // Искусственные общества. 2023. Т. 18. Выпуск 1. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800024370-6-1/> (дата обращения: 30.04.2024). DOI: <http://doi.org/10.18254/S207751800024370-6>.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва: КДУ, 2009. 389 с.

Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии. Москва: МИФ, 2016. 490 с.

Брайдотти, Р. Постчеловек. Пер. Д. Хамис. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2021.

Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. Москва: Идея-Пресс, 2004. 184 с.

Деррида Ж. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака Гуссерля. Санкт-Петербург: Але-тейя, 2014. 208 с.

Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. Москва: Издательство «Европа», 2008. 516 с.

Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. Москва: Айрис-пресс, 2004. 480 с.

Лепский В.Е. Системные основания для перехода от техногенной цивилизации к социогумани-

тарной цивилизации // Проблемы цивилизационного развития. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnye-osnovaniya-dlya-perehoda-ot-tehnogennoy-tsivilizatsii-k-sotsiogumanitarnoy-tsivilizatsii> (дата обращения: 30.04.2024).

Маск И. Интервью. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6542c4769a79478f1d339afb?ysclid=lvlh5sqjic749867561> (дата обращения: 30.04.2024).

Открытое письмо института Future of Life. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 30.04.2024).

Серл Д. Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). Москва: Прогресс-Традиция, 1999. С. 376–400.

Сингер П. Интервью. URL: <https://www.abc.net.au/news/2023-05-08/peter-singer-on-ai-robot-rights/102303010> (дата обращения: 30.04.2024).

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. Москва: АО «Ками» Издательский центр Academia, 1995. 260 с.

Харауэй, Д. Манифест Киборгов. Л.М. Бредихина & К. Дипуэлл (ред.), Гендерная теория и искусство: Антология: 1970-2000. Москва: РОС-СПЭН, 2005. С. 323–376.

Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. Москва: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.

Яковлев Д.С. Врачи в мире словесности // БМИК. 2013. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vrachi-v-mire-slovesnosti> (дата обращения: 30.04.2024).

References

Butler, J. (1990), *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*, N.Y., 272 с.

Bostrom, N. (2005), *Transhumanist Values, Review of Contemporary Philosophy*, vol. 4, с. 3–14.

Chalmers D.J. (1997 (1996)), *The conscious mind: In search of a fundamental theory*, N.Y, 432 с.

Kurzweil, R. (2005), *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*, Viking, N.Y., USA, 652 с.

Alekseev, A., Alekseeva, E., Emelyanova, N. (2023), Artificial Personality in socio-political communication, *Artificial societies*, vol. 18, issue 1, [Online], available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800024370-6-1/> (Accessed 30 April 2024), DOI: <http://doi.org/10.18254/S207751800024370-6>.

Baudrillard, J. (2009), *Symbolic Exchange and Death*, Moscow, Russia.

Bostrom, N. (2016), *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Moscow, Russia.

Braidotti, R. (2021), *Posthuman*, Moscow, Russia.

Dennett, D. (1997), *Kinds Of Minds: Toward An Understanding Of Consciousness*, Basic Books, USA.

Derrida, J. (2014), *Speech and Phenomena: And Other Essays on Husserl's Theory of Signs*, Saint-Petersburg, Russia.

Žižek, S. (2008), *The Parallax View*, Moscow, Russia.

Jonas, H. (2004), *The principle of responsibility: Experiencing ethics for a technological civilization*, Moscow, Russia.

Lepskiy, V.E. (2019), System bases for transition from technogenic civilization to socio-humanitarian, *Civilization studies*, vol. 1, no. 1, pp. 33–48.

Musk, I. (2023), Interview, [Online], available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6542c4769a79478f1d339afb?ysclid=lvlh5sqjic749867561> (Accessed 30 April 2024).

Future of Life Institute, Open Letter, [Online], available at: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (Accessed 30 April 2024).

Searle, J. (1980), *Minds, brains, and programs*. Behavioral and Brain Sciences, no. 3 (3), pp. 417–457.

Singer, P. (2023), Interview, [Online], available at: <https://www.abc.net.au/news/2023-05-08/peter-singer-on-ai-robot-rights/102303010> (Accessed 30 April 2024).

Habermas, J. (1995), *Democracy. Reason. Morality. Moscow lectures and interviews*, Moscow, Russia.

Haraway, D. (2005), *A Cyborg Manifesto*, Gender Theory and Art: Anthology 1970-2000, Moscow, Russia.

Chalmers, D.J. (1996), *The conscious mind: In search of a fundamental theory*, Oxford University Press, New York, USA.

Yakovlev, D.S. (2013), Physicians in the world of literature, *Byulleten' meditsinskikh internet konferentsii*, no. 11.

Submitted: 02.02.2024

Revised: 10.05.2024

Accepted: 01.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 111 + 165

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-35-42

Дата поступления: 04.02.2024
рецензирования: 10.05.2024
принятия: 10.06.2024

А.Е. Сериков

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: serikov.ae@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Ритуальное поведение как одна из основ математики в фантастике и в реальности

Аннотация: в цикл «Механизмы империи» американского фантаста Ли Юн Ха входят более 30 произведений, в том числе три романа, переведённых на русский язык. Онтология мира в этом цикле примерно такая: законы природы и, соответственно, действие определённых технологий (включая военные), зависят от математических свойств практикуемого календаря, а свойства календаря (т.е. математики), поддерживаются практикой ритуалов, включая ритуальные пытки. В фантастике Ли парадоксальным образом объединяются обычно противопоставленные идеи о том, что математика может быть социальным конструктом, и о том, что физический мир может быть всего лишь реализацией трансцендентной математики. В «Механизмах империи» математика конструируется, поддерживается основанным на ритуалах консенсусом и в результате становится основой реальности. Какое это может иметь отношение к нашей жизни, нашей науке и философии? Если мы всерьёз воспримем идеи когнитивистов о том, что вся известная нам реальная математика, в отличие от платоновской, основана на человеческих способностях и опыте, мы должны также всерьёз спросить, какую роль в ней играет ритуал. В данной статье сделан акцент на следующей идее: сама по себе идентификация чисел, геометрических фигур и математических операций должна возникать в ходе многократного ритуального повторения для того, чтобы те, кто практикует математические ритуалы, могли легко, как само собой разумеющийся и очевидный аспект ритуала, выделять существенные с математической точки зрения свойства объектов и отличать их от несущественных.

Ключевые слова: поведение человека; ритуал; математика; этноматематика; когнитивная наука.

Цитирование: Сериков А.Е. Ритуальное поведение как одна из основ математики в фантастике и в реальности // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 4, № 2. С. 35–42. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-35-42>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сериков А.Е., 2024 – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.E. Serikov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: serikov.ae@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Ritual Behavior as One of the Foundations of Mathematics in Fiction and Reality

Abstract: the *Machineries of Empire* cycle by American science fiction writer Yoon Ha Lee consists of more than 30 works, including three novels translated into Russian. The metaphysics of the universe in this cycle is something like this: the laws of nature and, accordingly, the operation of certain technologies (including military ones) depend on the mathematical properties of the calendar being practiced, and the properties of the calendar (i. e. mathematics) are supported by the practice of rituals, including ritual torture. Lee's fiction paradoxically combines the usually counterposed ideas that mathematics can be a social construct and that the physical world can be merely a realization of transcendental mathematics. In *Machineries of Empire*, mathematics is constructed, maintained by ritual-based consensus, and as a result becomes the

basis of reality. How can this relate to our life, our science and philosophy? If we take seriously the ideas of the cognitive scientists that all real mathematics as we know it, unlike Plato's mathematics, is based on human ability and experience, we must also seriously ask what role ritual plays in it. This article emphasizes the following idea: the very identification of numbers, geometric figures and mathematical operations must arise through repeated ritual repetition so that those who practice mathematical rituals can easily, as a self-evident and obvious aspect of the ritual, identify properties of objects that are significant from a mathematical point of view and distinguish them from non-essential ones.

Key words: human behavior; ritual; mathematics; ethnomathematics; cognitive science.

Citation: Serikov, A.E. (2024), Ritual Behavior as One of the Foundations of Mathematics in Fiction and Reality, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 35–42, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-35-42>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Serikov A.E., 2024 – candidate of philosophy, associate professor, associate professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (st.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В цикл «Механизмы империи» американского фантаста с южнокорейскими корнями Ли Юн Ха входят более 30 произведений, в том числе три романа, переведённых на русский язык: «Гамбит девятихвостого лиса» (2016 г.), «Стратегема ворона» (2017 г.) и «Возрождённое оружие» (2018 г.) (Ли 2018, 2020а, 2020б). «Гамбит девятихвостого лиса» был награждён премиями Fantasy Stabby Award 2016 г., Locus Award 2017 г., «Итоги года» от журнала «Мир Фантастики» 2018 г.

Онтология мира в этом цикле примерно такая: законы природы и, соответственно, действие определённых технологий (включая военные), зависят от математических свойств практикуемого календаря, а свойства календаря (т.е. математики), поддерживаются консенсусом, основанным на практике ритуалов, включая ритуальные пытки. Об этом мы узнаём из контекста, так как Ли не объясняет что-либо специально или слишком подробно. Вот пример отрывков, намекающих на то, как устроены законы природы и технологии в мире «Механизмов империи»:

«Формационный бой был специальностью Кел. Комбинация формационной геометрии и келовской дисциплины позволяла овладевать экзотическими эффектами, от тепловых копий до силовых щитов. К несчастью, как и вся экзотика, эта способность зависела от приверженности местных жителей к высокому календарю гекзархата. А высокий календарь был не просто системой хронометрии. Он включал праздники, номинальные дни с ритуальными пытками еретиков и весь шаткий общественный порядок» (Ли 2018).

«Черис нахмурилась. За пять лет учебы в Академии она немало времени уделила математическим аспектам формационной механики. Выбирая формацию, она точно знала, какие у той слабые стороны.

Проблема заключалась в том, что ее анализ зависел от консенсусной механики высокого кален-

даря. Теперь появились свидетельства того, что генератор направляющих бурь работал именно так, потому что полагался на радикально еретический календарь с сопутствующей еретической механикой, и это мешало формации действовать как предполагается. Она разлилась на себя из-за того, что не предусмотрела такое. Чаще всего еретики использовали технологии, совместимые с высоким календарем, но развитие чисто еретической технологии всегда оставалось вероятным» (Ли 2018).

Каковы источники подобных идей? По базовому образованию Ли – преподаватель математики и в одном из интервью признаётся, что склонен к платонизму, поскольку считает, что математики не конструируют математические объекты, а делают открытия. С другой стороны, он называет в качестве одного из основных источников своих идей этноматематическую книгу Марсии Эшер «Математика в других местах», особенно главы о различных календарях и роли социального консенсуса в принятии того или иного календаря (Ascher 2002). Хотя Ли прямо ссылается на главы книги Эшер о календаре, он не мог не заметить её идеи о том, что в основе математики лежат, помимо прочего, и гадательные ритуальные практики. В частности, Эшер пишет, что есть два типа гадательных практик: в одном из них важнейшую роль играет духовное и эмоциональное состояние гадателя, в другом – важнейшую роль играет не столько субъективное состояние того, кто гадает, а опора на общие для данной культуры знания и тщательное систематическое соблюдение процедур. Второй тип гадательных практик можно рассматривать как ритуалы, лежащие в основе научного знания, включая математическое (Ascher 2002, p. 5). Видимо, это один из источников идеи Ли о том, что в «Механизмах империи» именно ритуал обеспечивает календарный консенсус, лежащий в основе законов природы в той или иной области пространства. Кроме того, нужно

знать об одной биографической особенности Ли: он трансгендер, раньше был девушкой, но потом начал воспринимать себя как мужчину; при этом живет с мужем и дочерью (Grilo 2016). Очевидно, что такая ситуация возможна исключительно в силу социального консенсуса. Так что о силе консенсуса Ли знает не понаслышке.

В итоге в фантастике Ли парадоксальным образом объединяются обычно противопоставленные друг другу идеи о том, что математика может быть социальным конструктом, и о том, что физический мир может быть всего лишь реализацией трансцендентной математики. В «Механизмах империи» математика конструируется, поддерживается основанным на ритуалах консенсусом и в результате становится основой реальности.

Какое это может иметь отношение к нашей реальной жизни, нашей реальной науке и философии? Если исходить из платонизма, то ритуал не является чем-то существенным для понимания математики. Но если мы всерьёз воспримем высказанные в книге «Откуда пришла математика» идеи когнитивистов Джорджа Лакоффа и Рафаэля Нуньеса, что вся известная нам реальная математика, в отличие от платоновской, основана на человеческих способностях и опыте (Lakoff, Núñez 2000), мы также всерьёз должны подумать о том, какую роль в человеческой математике играет ритуал.

Ритуальные аспекты действия и идентичность ритуальной формы

Американский социальный педагог Ричард Кванц в книге «Ритуалы и студенческая идентичность в образовании» определяет ритуал как действие, обладающее тремя важнейшими аспектами. Во-первых, это исполнение (performance), поскольку является не просто инструментальным с точки зрения достижения некой цели, но совершается в такой манере, чтобы быть увиденным и услышанным другими, быть ими «прочитанным». Во-вторых, ритуал имеет символический аспект – это демонстрация символов, ассоциативно указывающих на нечто за пределами данной конкретной ситуации. В-третьих, ритуал формализован в том смысле, что «имеет ожидаемую форму» (Quantz, O'Connor and Magolda 2011, p. 36–39).

Еще одна американка, специалист в области математического образования Андреа Маккроски, в статье «Обещание ритуала: взгляд на устойчивые практики на уроках математики» исследует проблему понимания того, почему педагогические практики в области математики чрезвычайно устойчивы к нововведениям и изменяются с огромным трудом. Маккроски предлагает изучить ритуалы, лежащие в основе этих практик. При этом она опирается на идеи Кванца и пишет ещё об одном – четвертом – необходимом аспек-

те ритуала: ритуал является частью традиции, передаётся путем наследования от поколения к поколению и исполняется тем же способом, что и раньше. В итоге она предлагает следующее рабочее определение ритуала в практике математического образования: «Такой аспект действия, который является формализованным, традиционализированным, символическим исполнением» (McCloskey 2014, p. 25).

Ритуальный подход Маккроски к исследованию образовательных практик обещает быть эффективным. Например, Ма Чулин Янг и Пол Кобб в 1995 г. опубликовали результаты серии сравнительных исследований успехов дошкольников и младших школьников на Тайване и в США в изучении арифметики, в ходе которых «было обнаружено, что понимание арифметики китайскими детьми в целом является более глубоким, чем у их американских сверстников» (Yang, Cobb 1995, p. 1). Янг и Кобб объясняют этот факт социокультурными различиями, такими как разные культурные представления о том, что такое нормальное понимание ребёнком математики и каковы должны быть его обязанности во время учёбы в школе. Маккроски же высказывает предположение, что дополнительное объяснение могло бы быть основано на различиях в ритуалах, являющихся частью изучения математики в данных культурах.

Поскольку ритуал обычно совершается в соответствии с чёткими правилами, считается, что он выражает саму суть формальности. Но что такое ритуальная форма и чем одна форма отличается от другой? Бельгийские философы Рафаэль де Клерк и Пауль Куртуа в статье «Автографические и аллографические аспекты ритуала» обращают внимание на то, что ритуальные формы похожи на музыкальные. Можно говорить о ритуальных партитурах, подобных музыкальным. В этом контексте они задают фундаментальные вопросы: зависит ли правильность исполнения только от соответствия партитуре и если нет, что ещё делает данную конкретную последовательность действий исполнением одного и того же музыкального произведения или ритуала? (De Clercq, Cortois 2002). (Заметим в скобках, что это фактически вопрос Людвиг Витгенштейна о следовании правилу, применённый к правилам ритуала).

В своих рассуждениях на эту тему де Клерк и Куртуа опираются на идеи американца Нельсона Гудмена, представленные в книге «Языки искусства» (Goodman 1968) и развитые в 1980-90 гг. ещё одним американским философом Израилем Шеффлером (Scheffler 1996). Гудмен предложил понятие аллографического искусства – такого, в котором отдельное произведение может быть идентифицировано исключительно на основе нотации, в отличие от автографического искусства, где для идентификации важна история создания

произведения. Например, музыкальные произведения могут быть идентифицированы только на основании партитуры, в отличие от живописи, где подлинник отличается от копии на основании того, кто и как его создавал. Шеффлер применил это различие к ритуалам, полагая, что может существовать что-то наподобие ритуальной нотации, что можно создать язык однозначного описания ритуалов.

Де Клерк и Куртуа пишут, что существование аллографических ритуалов в чистом виде, т. е. таких, которые целиком могут быть идентифицированы исключительно на основании нотации, – это только гипотетическая возможность. Все реальные ритуалы идентифицируются также на основании контекста и указательных определений (индексов). Для идентификации ритуала важны не только сама последовательность определённых действий и их обозначение в языке, но и ситуация (место и время, культурный контекст в целом), а также то, какие именно люди и предметы вовлечены в совершение этих действий, например, их сакральный статус, который иногда определяется только прямым непосредственным указанием. Однако, с точки зрения де Клерка и Куртуа, понятие аллографических ритуалов может эффективно применяться не столько для сравнения между ритуалами, сколько для сравнения действий внутри ритуалов, «для того, чтобы провести различие между аллографическими и автографическими элементами (или аспектами) ритуалов, т. е. между элементами, которые могут быть идентифицированы только на основании критерия нотации, и элементами, которые не могут быть так идентифицированы» (De Clercq, Cortois 2002, p. 144).

Таким образом, проблема идентичности ритуалов содержит в себе проблему идентичности их отдельных элементов. Идея де Клерка и Куртуа состоит в том, что по крайней мере отдельные элементы ритуала могут определяться исключительно на основе соответствия нотации, на основании некоторого возможного языка, который однозначно бы описывал элементы ритуала. Я же думаю, что сама нотация (связь обозначающего и обозначаемого, как и сама идея обозначаемого) возникает и уточняется в ходе ритуала. Например, сама идея чисел, как и их символическое обозначение словами и письменными знаками, формируется и уточняется в ходе ритуалов счёта.

Ритуалы в основе математики

Английский антрополог лорд Фицрой Ричард Сомерсет Реглан в книге «Как произошла цивилизация?» развивал идею о том, что человеческая цивилизация имеет ритуальное происхождение (Raglan 1939). Он, конечно, был не единственным ученым, который настаивал на важности ритуалов в истории человечества, и в целом эта идея

получила широкое распространение. Например, можно вспомнить Владимира Николаевича Топорова, считавшего, что архаический ритуал был прецедентом «любой производственно-экономической, духовно-религиозной и общественной деятельности» (Топоров 1988, с. 16).

Американский математик и историк математики Абрахам Сайденберг следует лорду Реглану и применяет идею ритуального происхождения конкретно к математике в статьях «Ритуальное происхождение геометрии» и «Ритуальное происхождение счёта» (Seidenberg 1961, 1962). Сайденберг связывает ритуальное происхождение геометрии в основном с тем, что геометрические знания использовались в построении алтарей и поэтому возникли как необходимые для ритуала жертвоприношения. Например, строителям алтаря нужно было знать теорему Пифагора, и они применяли это знание в ходе строительства. Это можно было бы интерпретировать так, что сами эти знания появились независимо от ритуала. Я же хочу сделать акцент на следующей идее: сама по себе идентификация чисел, геометрических фигур и математических операций должна возникать в ходе многократного ритуального повторения для того, чтобы те, кто практикует математические ритуалы, могли легко, как само собой разумеющийся и очевидный аспект ритуала, выделять существенные с математической точки зрения свойства объектов и отличать их от несущественных. С этой точки зрения мне кажется более важной гипотеза, высказанная Сайденбергом в «Ритуальном происхождении счёта»: счёт возник в ходе архаического ритуала, возможно, такого, в котором его участникам присваивались и вслух проговаривались номера, имеющие мистическое значение. Сайденберг упоминает и другие ритуалы, такие как гадательные. Про роль гадательных ритуалов пишут и другие авторы, например, та же Эшер, оказавшая влияние на фантастику Ли. Можно предположить, что в основе пифагорейских треугольных и квадратных чисел (в основе понимания числа как формы) лежат ритуальные действия с камешками. А в основе более поздней идеи нуля может лежать вавилонская практика записи чисел с использованием знака для отсутствия числа определённого разряда (для пустого места, которое само по себе долгое время в качестве числа не понималось) (Сейфе 2014).

Лорд Реглан и Сайденберг отстаивают теорию диффузии культуры. Применительно к ритуальному происхождению счёта это значит, что ритуал счёта не появлялся многократно в разных культурах вновь и вновь, но был изобретен единожды, предположительно у африканских предков современного человечества. Исходя из современных данных о врождённости элементарных арифметических способностей, более обоснован-

ным кажется противоположный подход: счёт и связанное с ним понятие натуральных чисел может возникать многократно, что объясняет таинственную универсальность базовой математики. Сайденберг не мог знать о современных эмпирических исследованиях, подтверждающих старую рационалистическую идею о врожденности элементарных математических и логических знаний (Деан 2021, с. 55–90). (Обратите внимание на этот парадокс: старый спор между рационалистами и эмпириками завершается эмпирическим опровержением точки зрения эмпириков.) Так вот, Сайденберг пытается обосновывать ритуальную теорию происхождения счёта в рамках диффузной теории, в то время как у современных учёных есть основания полагать, что счёт мог возникать многократно, поскольку основан на врождённых способностях, закреплённых в ходе биологической эволюции. Следует ли из этого, что ритуал не имеет никакого отношения к происхождению счёта? Нет, не следует. Я думаю, что если счёт может возникать многократно, он должен возникать именно на основании ритуалов, т.е. счёт должен возникать в форме ритуалов счёта. В разных культурах это могут быть разные ритуалы с точки зрения того, какой сакральный смысл вкладывают в них и что именно подсчитывают участники ритуала – листья, палочки, ракушки, камешки, узелки, бусинки, поклоны, молитвенные слова и т.п. Но математическая основа должна быть общей, связанной с врождёнными знаниями и способностями. Что же касается символического выражения математических идей и различных форм более сложной высшей математики, то они как раз могут иметь диффузное происхождение, но рассматриваться как универсальные именно потому, что тесно связаны с универсальной врождённой базовой арифметикой и логикой. Кстати, Сайденберг и сам высказывает похожую идею, используя несколько иной язык. На его языке универсальные аспекты счёта называются логическими, а диффузно распространяемый ритуал – конвенциональным. Поэтому он пишет, что основная идея его статьи заключается в том, чтобы исследовать конвенциональные элементы счета, хотя счёт сам по себе не конвенционален. «Счёт как таковой может быть логическим, но конкретные способы счёта не таковы: они являются конвенциями» (Seydenberg 1962, p. 2–3).

То, что объединяет различные гадательные ритуалы – не только те, что описаны в книгах Сайденберга и Эшер, но и другие, например, китайское гадание по Книге перемен («И-Цзин») – это конечное множество чётко идентифицированных вариантов исхода, которые надлежит интерпретировать. Это делает начальный этап гадального ритуала разновидностью того, что впоследствии было понято как математический ритуал. Напри-

мер, узелковое гадание на Каролинских островах приводит к выпадению одной из чётко определённых 256 возможных пар судьбоносных духов, а китайское гадание по книге Перемен связано с чётким различением 64 гексаграмм. И что ещё важнее, эти исходы возможны в результате манипуляций с объектами, которые чётко идентифицируются как отдельные полосы из листьев кокосовой пальмы, отдельные завязанные узлы на этих полосах, цельные и прерванные (янские и иньские) стебли тысячелистника и т.п.

Однако даже более важным мне кажется не столько то, что математика могла исторически происходить от сакральных ритуалов, сколько то, что многие элементы этих ритуалов сохранились в современных культурах и лежат в основе современного обучения детей математике. Например, игры со счетными палочками (Глушакова, Дедова 2011) помогают детям освоить идею идентичности отдельных математических форм, таких как отдельная палочка, количество палочек в отдельных кучках, отдельная фигура из палочек, цифра, изображённая с помощью палочек. В дальнейшем на этой основе дети могут практиковать написание цифр на бумаге и доске, начертание геометрических фигур, манипуляции с цифрами и фигурами, счёт в столбик, запись и решение задач, составление уравнений, доказательства простейших теорем – всё это можно рассматривать как математические ритуалы, лежащие в основе стандартной школьной математики.

Те же механизмы, которые позволяют повторить чужое действие и понять тождественность акустической формы, позволяют детям понять концепцию математической формы (например, числа) и математического тождества. В настоящее время существуют эмпирические доказательства того, что новорожденные дети обладают способностью обнаруживать аналогии между звуковыми и визуальными числовыми паттернами. Так, исследовательская группа из Франции (Люси Мартэн с соавторами) в статье «Абстрактное представление малых множеств новорожденными» опубликовали результаты, согласно которым новорожденные дети чувствуют единство формы АВВ звуковой последовательности (треугольник – барабан – барабан – треугольник – барабан – барабан...) и последовательности визуальных стимулов (круг – ромб – ромб – круг – ромб – ромб...), в отличие от формы АВ (треугольник – барабан – треугольник – барабан... и круг – ромб – круг – ромб...) (Martin et al. 2022). Я думаю, что участие в математических ритуалах должно закреплять и развивать подобные врождённые способности, превращая их в способности идентифицировать не только простейшие, но и более сложные математические объекты. Если в ходе ритуала счёта люди регулярно соединяют одну и ту же акусти-

ческую форму или иную символическую форму с определённым количеством людей, предметов или действий, то в ходе подобных ритуалов совершаемых разными людьми и с разными предметами должно вырабатываться единообразное понимание формы натуральных чисел и связываемых с ними акустических (символических) форм.

Заключение

Неправильно было бы думать, что человек мыслит отдельно от поведения или может что-то делать, совершенно не думая о том, что он делает. (Также как не корректно было бы радикально отделять то, что мы мыслим и делаем, от того, что мы говорим и пишем). Если не всегда, то довольно часто наши мысли, слова и то, что можно назвать действиями в узком смысле слова, довольно сильно переплетены. Мысли и речь можно рассматривать как разновидность действий в широком смысле слова. Всё это вместе – составные части, различные аспекты нашего поведения. Повторяя действия и слова на чисто физическом уровне, мы начинаем понимать смысл действий и слов несколько иначе, а иногда хоть как-то начинаем понимать то, что до какого-то момента вообще не понимали, начинаем верить в то, в чём раньше сомневались, и т. д. Именно в этом и состоит одна из важнейших функций ритуалов, в том числе и математических ритуалов. Вновь и вновь повторяя устный счёт, действия со счётными палочками и изображениями геометрических фигур, решение задач на бумаге и доске, люди учатся однообразно понимать смысл математических объектов и операций, схватывают идею математической формы и алгоритма, начинают воспринимать как само собой разумеющиеся основные математические понятия.

Ритуал вычисления, повторяемый вновь и вновь, может примирять нас с нарушением неких правил логики и математики, которые мы знаем из других ритуалов. Например, до того, как дифференциальное и интегральное исчисление получило современное обоснование, практика дифференцирования и интегрирования примиряла математиков с тем, что методы дифференциального и интегрального исчисления разрабатывались Исааком Ньютоном и Готфридом Лейбницем вопреки тому, что бесконечно малые стремятся к нулю и в каком-то смысле являются нулями, а значит делить на них было нельзя и не было смысла в том, чтобы их складывать, получая из суммы нулей ненулевое число (Сейфе 2014, с. 144–147). В математических ритуалах формирование смысла происходит как и в религиозных ритуалах: ритуал работает, а значит то, что он объявляет истиной, является истиной вопреки привычной логике: в таинстве Евхаристии хлеб и вино превращаются в Плоть и Кровь Христа, а при сложении бесконеч-

ного числа равных нулю бесконечно малых мы получаем ненулевой интеграл. Ритуалы позволяют переходить от одной логики и математики к другой, утверждая новую логику и математику.

Если одной из основ математики является ритуальное поведение (математические ритуалы), то самый трудный вопрос заключается в том, как на основании довольно различных ритуалов появляется универсальная математика. В отличие, например, от религиозных ритуалов, которые лежат в основе очень разных и совсем не универсальных религиозных верований. Поиск ответа на этот вопрос требует дальнейших исследований. На данный момент в порядке заключения я могу высказать лишь некоторые предположения. Во-первых, можно предположить, что математика в целом универсальной не является, что универсальными являются только некоторые её разделы, такие как элементарная арифметика. Во-вторых, можно задуматься о возможном принципиальном различии формальных и содержательных аспектов ритуалов, которые и приводят к универсальному пониманию форм в арифметике и логике, с одной стороны, и специфическому истолкованию содержания ритуала в разных религиях – с другой. Можно обратить внимание, что развитие формальной части ритуала может быть основано на врождённых знаниях и способностях, таких как субитация, объясняемых в современной нейрофизиологии наличием у человека специализированных нейронов, в то время как содержательная часть ритуала порождается культурой и становится культурно-специфической. Кроме того, можно предположить, что универсальные аспекты математических ритуалов развились на основе ритуальных манипуляций с человеческими телами и другими материальными предметами в реальном физическом пространстве и времени, вследствие чего математика оказалась удивительно хорошо приспособлена для описания универсальных физических свойств этих объектов и обстоятельств, тогда как специфика различных нематематических религиозных и культурных концепций связана с пониманием нематериальных сущностей.

Библиографический список

- Ascher, M. (2002), *Mathematics Elsewhere: An Exploration of Ideas across Cultures*, Princeton University Press, Princeton NJ, USA.
- Coleman, C.A. (2017), Interview: Yoon Ha Lee, *Lightspeed magazine*, June, Issue 85, [Online], available at: <https://www.lightspeedmagazine.com/non-fiction/interview-yoon-ha-lee/e> (Accessed 20 February 2024).
- De Clercq, R. and Cortois, P. (2002), Autographic and allographic aspects of ritual, *Philosophia*, vol. 29, pp. 133–147.

Goodman, N. (1968), *Languages of Art: An Approach to a Theory of Symbols*, Bobbs-Merrill, Indianapolis IN, USA.

Grilo, A. (2016), SFF in Conversation: Yoon Ha Lee on Being Trans, *The Book Smugglers*, June 16, [Online], available at: <https://www.thebooksmugglers.com/2016/06/sff-in-conversation-yoon-ha-lee-on-being-trans.html> (Accessed 20 February 2024).

Lakoff, G. and Núñez, R.E. (2000), *Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics Into Being*, Basic Books, New York, USA.

Martin, L., Marie, J., Brun, M., De Hevia, M.D., Streri, A., Izard, V. (2022), Abstract representations of small sets in newborns, *Cognition*, vol. 226, pp. 105184, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105184>.

McCloskey, A. (2014), The promise of ritual: a lens for understanding persistent practices in mathematics classrooms, *Educational Studies in Mathematics*, vol. 86, pp. 19–38, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10649-013-9520-4>.

Quantz, R.A., O'Connor, T. and Magolda, P. (2011), *Rituals and Student Identity in Education: Ritual Critique for a New Pedagogy*, Palgrave Macmillan, New York, USA, DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230117167>.

Raglan, F.R.S. Lord (1939), *How Came Civilization?* Methuen, London, UK.

Scheffler, I. (1996), *Symbolic Worlds: Art, Science, Language, Ritual*, Cambridge University Press, New York, USA.

Seidenberg, A. (1961), The Ritual Origin of Geometry, *Archive for History of Exact Sciences*, vol. 1 (5), pp. 488–527.

Seidenberg, A. (1962), The Ritual Origin of Counting, *Archive for History of Exact Sciences*, vol. 2 (1), pp. 1–40.

Yang, M.T.-L., Cobb, P. (1995), A cross-cultural investigation into the development of place-value concepts of children in Taiwan and the United States, *Educational Studies in Mathematics*, vol. 28, pp. 1–33, DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01273854>.

Глушакова О.А., Дедова С.И. Весёлые счётные палочки: Предматематическое развитие дошкольников 4-5 лет. Мозырь: Содействие, 2011. 76 с.

Деан С. Как мы учимся: почему мозг учится лучше, чем любая машина ... пока / пер. с англ. А.А.Чичериной. Москва: Эксмо, 2021. 352 с.

Ли Юн Ха. Гамбит девятихвостого лиса / пер. с англ. Н.Г. Осяну. Москва: Эксмо, 2018. 384 с. URL: <https://www.livelib.ru/book/227455/read-part-gambit-devyatihvostogo-lisa-yun-ha-li/~3?ysclid=lo2nnw4c9h240189138> (дата обращения: 20.02.24).

Ли Юн Ха. Возрождённое орудие / пер. с англ. Н.Г. Осяну. Москва: Эксмо, 2020а. 480 с.

Ли Юн Ха. Стратегема ворона / пер. с англ. Н.Г. Осяну. Москва: Эксмо, 2020б. 416 с.

Сейфе Ч. Ноль: биография опасной идеи / пер. с англ. А.В. Александровой. Москва: АСТ, 2014. 287 с.

Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / Составитель Л.Ш. Рожанский. Москва: Наука, 1988. С. 7–60.

References

Ascher, M. (2002), *Mathematics Elsewhere: An Exploration of Ideas across Cultures*, Princeton University Press, Princeton NJ, USA.

Coleman, C.A. (2017), Interview: Yoon Ha Lee, *Lightspeed magazine*, June, Issue 85, [Online], available at: <https://www.lightspeedmagazine.com/non-fiction/interview-yoon-ha-lee/e> (Accessed 20 February 2024).

De Clercq, R. and Cortois, P. (2002), Autographic and allographic aspects of ritual, *Philosophia*, vol. 29, pp. 133–147.

Goodman, N. (1968), *Languages of Art: An Approach to a Theory of Symbols*, Bobbs-Merrill, Indianapolis IN, USA.

Grilo, A. (2016), SFF in Conversation: Yoon Ha Lee on Being Trans, *The Book Smugglers*, June 16, [Online], available at: <https://www.thebooksmugglers.com/2016/06/sff-in-conversation-yoon-ha-lee-on-being-trans.html> (Accessed 20 February 2024).

Lakoff, G. and Núñez, R.E. (2000), *Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics Into Being*, Basic Books, New York, USA.

Martin, L., Marie, J., Brun, M., De Hevia, M.D., Streri, A., Izard, V. (2022), Abstract representations of small sets in newborns, *Cognition*, vol. 226, pp. 105184, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105184>.

McCloskey, A. (2014), The promise of ritual: a lens for understanding persistent practices in mathematics classrooms, *Educational Studies in Mathematics*, vol. 86, pp. 19–38, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10649-013-9520-4>.

Quantz, R.A., O'Connor, T. and Magolda, P. (2011), *Rituals and Student Identity in Education: Ritual Critique for a New Pedagogy*, Palgrave Macmillan, New York, USA, DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230117167>.

Raglan, F.R.S. Lord (1939), *How Came Civilization?* Methuen, London, UK.

Scheffler, I. (1996), *Symbolic Worlds: Art, Science, Language, Ritual*, Cambridge University Press, New York, USA.

Seidenberg, A. (1961), The Ritual Origin of Geometry, *Archive for History of Exact Sciences*, vol. 1 (5), pp. 488–527.

- Seidenberg, A. (1962), The Ritual Origin of Counting, *Archive for History of Exact Sciences*, vol. 2 (1), pp. 1–40.
- Yang, M.T.-L., Cobb, P. (1995), A cross-cultural investigation into the development of place-value concepts of children in Taiwan and the United States, *Educational Studies in Mathematics*, vol. 28, pp. 1–33, DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01273854>.
- Glushakova, O.A. and Dedova, S.I. (2011), *Fun Counting Sticks: Mathematical Development of Preschoolers 4-5 Years Old*, Sodeistvie, Mozyr', Russia.
- Dehaene, S. (2021), *How We Learn*, A. A. Chicherina (trans.), Eksmo, Moscow, Russia.
- Lee, Y.H. (2018), *Ninefox Gambit*, N.G. Osoyanu (trans.), Eksmo, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://www.livelib.ru/book/227455/read-part-gambit-devyatihvostogo-lisa-yun-ha-li/~3?ysclid=lo2nnw4c9h240189138> (Accessed 20 February 2024).
- Lee, Y.H. (2020a), *Revenant Gun*, N.G. Osoyanu (trans.), Eksmo, Moscow, Russia.
- Lee, Y.H. (2020b), *Raven Stratagem*, N.G. Osoyanu (trans.), Eksmo, Moscow, Russia.
- Seife, Ch. (2014), *Zero: The Biography of a Dangerous Idea*, A.V. Aleksandrova (trans.), AST, Moscow, Russia.
- Toporov, V.N. (1988), *About the ritual. Introduction to the problem*, in: *Archaic ritual in folklore and early literary monuments*, L.Sh. Rozhanskii (ed.), Nauka, Moscow, Russia.

Submitted: 04.02.2024

Revised: 10.05.2024

Accepted: 10.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.0

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-43-50

Дата поступления: 10.01.2024
рецензирования: 20.04.2024
принятия: 05.06.2024

А.А. Александрова
Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: a.alina.melnikova@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4885-2619>

Поэтика экстатического в границах романа: «Тайная история» Д. Тартт

Аннотация: в статье предлагается способ интерпретации художественного текста, предполагающий анализ форм изображения героя на границе через призму поэтики экстатического. Художественное пространство романа Д. Тартт «Тайная история» рассматривается нами как экспериментальное поле для изображения драматического опыта героев, осознанно игнорирующих границы общепринятого порядка. Выход за границы морали, мотивированный логикой экстатического переживания, соотносится с выходом за границы конвенционального пространства – в хронотопе романа появляются «дыры» – места совершения некоего таинства. Сознание рассказчика, вербализующего этот опыт, находится на границе двух полюсов морали – добра и зла. Рассказчик решает проблему оформления своего опыта в мыслительные формы, заимствуя средства выражения у других персонажей, оказавшихся по ту сторону морали (из произведений Данте, Достоевского). Но выстраиваемый героями антимир и его антимораль возможны только при наличии устойчивого представления о миропорядке, которое реализуется в перспективизме романа как формы, тяготеющей к изображению срединного бытового материала и к сбалансированным структурам. Дополнительным подтверждением традиционных ценностей служит использование автором отдельных форм, отсылающих к жанрам массовой литературы – детектива и академического романа – благодаря которым нивелируется поэтика экстатического.

Ключевые слова: граница; поэтика экстатического; герой на границе; жанр; художественное пространство; художественный язык; поэтика романа.

Цитирование: Александрова А.А. Поэтика экстатического в границах романа: «Тайная история» Д. Тартт // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 2. С. 43–50. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-43-50>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Александрова А.А., 2024 – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.A. Aleksandrova
Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: a.alina.melnikova@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4885-2619>

The Poetics of the Ecstatic Within the Boundaries of the Novel: "The Secret History" by D. Tartt

Abstract: the article suggests a way of interpreting a literary text in terms of the poetics of the ecstatic, as well as an analysis of ways to describe a character on the edge, formed by such poetics. The artistic space in the novel "The Secret History" can be seen as an experimental field for depicting the dramatic experience of the characters, who consciously decided to ignore the boundaries of conventional morality. The path towards the edge of morality, created by the ecstatic experience, has a correlation with going beyond the geographical borders, the appearance of "holes" in the chronotope, the inaccessible places of sacrament. The narrator's consciousness, who verbalizes this experience, finds itself on the border of two poles of morality – good and evil. The problem of verbalizing his experience into thinking patterns is solved by the narrator via borrowing

means of expression from other characters that also found themselves on the other side of the good (from books by Dante, Dostoevsky). But the anti-moral world is possible only if there is a stable image of what is good, which is realized in the novel form, which gravitates towards the image of the averaged everyday material, balanced structures. An additional confirmation of traditional values are the genres of popular literature – the detective story and the academic novel – thanks to which the poetics of the ecstatic is neutralized.

Key words: border; poetics of the ecstatic; character on the edge; genre; artistic space; artistic language; poetics of the novel.

Citation: Aleksandrova, A.A. (2023), The Poetics of the Ecstatic Within the Boundaries of the Novel: "The Secret History" by D. Tartt, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 43–50, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-43-50>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Aleksandrova A.A., 2024 – master of the Russian and Foreign Literature and Public Relations Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (st.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Творчество Донны Тартт сосредотачивается вокруг темы смерти, конечности существования, особенно трагического и даже насильственного ухода из жизни. Возможно, причину такого выбора озвучивает главный идеолог «Тайной истории» ("The secret history") – профессор Джулиан Морроу, который объясняет студентам связь Прекрасного и Ужасного по «Поэтике» Аристотеля: отталкивающие вещи, вроде трупов, способны восхищать зрителя, когда они запечатлены в произведениях искусства (Tartt 1992). В романе «Маленький друг» ("The little friend") читателя сначала знакомят со всеми членами семьи, таких реальных в своей неидеальности, он вовлекается в их повседневные заботы, и вот, когда он чувствует себя в этом художественном мире как в кругу знакомых, автор огорчает читателя известием о смерти одного из детей семейства, абсурдной в своей жестокости и необъяснимости. Автор убивает именно того, кто из всех героев больше всего вызвал симпатию. Установившаяся связь с героем подкрепляет желание читателя разобраться в убийстве вместе с главными персонажами. Но в своем дебютном романе «Тайная история» Донна Тартт выбирает другую стратегию. В первых же строках мы узнаем, что герой был убит. И если «Маленький друг» удерживал внимание читателя на чувстве сопереживания, то здесь сюжет заманивает скорее неожиданностью такого жестокого поступка и интригующей таинственностью, которую обещает заголовок. Но ни в одном из романов Донна Тартт не раскрывает загадку, которая и привлекла внимание читателя к книге: мы так и не узнаем, кто убил маленького Робина, а финал «Тайной истории» лишь подтверждает беспомощность конвенциональных представлений в понимании мотивов поступков героев. Тем не менее книги Донны Тартт стали бестселлерами, несмотря на ее осознанный отказ от следования ожиданиям читателей. В отзывах книжных магазинов «Тайную историю» рекомендуют как один из лучших романов их коллекции; поклонники

делятся невероятным, ошеломляющим эффектом от прочтения, были и те, кто даже вдохновился на изучение античности благодаря этой книге.

Роман, так умело маскирующийся под массовую литературу, в действительности только использует приемы ее жанров, чтобы привычным, понятным языком говорить на табуированные темы. Нам кажется, что не только эстетика смерти нарушает границы жанров массовой литературы после прочтения «Тайной истории», ведь эта тема довольно хорошо освоена массовым искусством, но гораздо большее значение, по нашему мнению, имеет особый тип художественности, пронизывающий всю канву произведения и объясняющий логику построения сюжета, композиции, системы героев и других его составляющих. Необходимо, во-первых, проследить особенности художественного языка Д. Тартт, приемы изображения человека на границе; во-вторых, изучить смежную проблему репрезентации поэтики хаоса в литературном произведении. Данный тип художественности интересен для изучения соответствующих тенденций в изображении и эстетизации зла в современном искусстве.

Методы исследования

В нашей статье учитывается и используется корпус научных работ, посвященных феномену границы как смыслообразующему аспекту эстетической коммуникации (Рымарь 2016, Лотман 1970, Бахтин 2003), и в качестве материала был выбран текст и автор, которые до сих пор не рассматривались в рамках этой концепции. Мы пользуемся терминологией, предложенной Н.Т. Рымарем, сформулировавшим понятие «поэтика экстагического» (Рымарь 2016), как особый тип художественности для описания явлений и феноменов, игнорирующих фундаментальные основы мироустройства и бытия в целом. Подкрепив эту терминологию работами в области изучения эстетики хаоса Ж. Батая, М. Бланшо (Батай 1994, 1997, 2004, Бланшо 1994, 2002), мы сформулировали выводы и обоснования семиоти-

ческой значимости категории границы и поэтики экстатического как одного из способов ее репрезентации. «Экстатическое» при дословном переводе означает «выходящий за...», что направляет нашу мысль на поиск в категориях поэтики пространства. И, как показало наше исследование, этот путь оказался наиболее продуктивным для решения поставленных задач.

Донна Тартт открыто говорит о своем писательском методе, и в одном из интервью она пояснила, как образ рассказчика Ричарда в черновиках прошел эволюцию от чуждого писательнице героя, продиктованного потребностями повествования, до ее своеобразного alter ego, вобрав в себя многие из черт самой Тартт (Nicolaou 2022). Герои действительно кажутся настолько правдоподобными, что некоторые исследователи выбрали психологический и психоаналитический методы для анализа «Тайной истории» (Лушникова 2019, Ломакина, Полховская 2020). Результатом этих исследований стало создание психологической категоризации образов. В художественной реальности, которая строится по законам экстатического, образы могут иметь паттерны известных нам психологических типов личности, но их поступки и образ не могут исчерпываться только этим представлением. Автор помещает своих персонажей в экспериментальное поле, особое пространство, стихии которого диктуют им отличные от конвенциональной реальности законы существования. Для исследования подобного художественного мира более продуктивен оказался поэтологический подход в статье И.Н. Ломакиной и Е.В. Полховской (Ломакина, Полховская 2020), который позволил выделить главную ось, вокруг которой строится пространство «Тайной истории».

Ход исследования

Начиная свои размышления о репрезентации темы зла и хаоса в литературе, Ж. Батай выдвигает тезис о том, что литература, как особый вид общения, предполагает свои правила игры, и одно из них – единое понимание сущности зла. Действительно, в прологе «Тайной истории» рассказчик не идеализирует смерть, а выражает каноническое представление о ней, как о негативном явлении, описывая как обиду («тяжесть нашей ситуации» (Tartt 1992, с. 1)), а себя – как заложника преследующей его на протяжении 9 лет картины убийства («...Я думал, я навсегда покинул тот овраг в тот апрельский день, но теперь я не уверен <...> в действительности же я всегда был там» (Tartt 1992, с. 2)). То есть ценностная позиция рассказчика и реципиента не входят в конфликт, что необходимо для продуктивной эстетической коммуникации.

И также в прологе, помимо внутреннего угнетающего состояния, акцентируется внимание чи-

тателя на пространстве, где умер Банни. Знаковая природа этого места очевидно выделяется контрастом с произошедшей в нем трагедией: цветущий, жизнеутверждающий, весенний пейзаж гор не рифмуется с задавленным тающим снегом трупом студента. Уже в этом фрагменте угадывается развязка романа: построенные студентами теории и эксперименты, аналогичные философии Раскольникова, дали героям лишь временное и обманчивое озарение, за которым последовало саморазрушение. И в результате их духовный путь стал доказательством превосходства природы, сопротивляющейся их деструктивным решениям в попытках возвыситься над своей сущностью. Убийца нарушил цикл жизни, и поэтому сам был обречен на смерть. Так с самого начала дается понять, что пространство играет роль не просто декораций, а также отягощено экзистенциальным смысловым планом.

В то же время, сами герои романа предлагают максимально рациональное объяснение выбора места убийства – здесь проще всего выдать преступление за несчастный случай. На протяжении всего произведения Генри старается дать рациональное объяснение происходящего: Банни убит, потому что мог выдать своих друзей полиции, самому Генри пришлось себя убить, потому что следствие подошло слишком близко к нему, и альтернативой была только тюрьма, а убитый во время вакханалий фермер – лишь случайность. Но мог ли человек, который досконально воспроизвел в деталях обряд в честь Диониса (даже одежду) не знать о главной его составляющей – жертвоприношении. Этот факт заставляет разборчивого читателя подозревать Генри в преднамеренности убийства. И как тогда рационально объяснить метаморфозы, происходящие в жизни каждого из героев после убийства: неуравновешенность Чарльза, доходящая до пароксизма в приступах агрессии, и его прогрессирующий алкоголизм, Френсис, ипохондрия которого доводит до больницы с сердечным приступом и попытками резать вены, Камилла избегает привязанности к Ричарду: любовь немислима рядом с человеком, за которым следует тень совершенного ими злодеяния. Конечно, наиболее подробно мы можем проследить внутренний конфликт рассказчика Ричарда, который пытается удерживать равновесие на границе с безумием. Поэтому роман рассчитан на вдумчивого реципиента, который способен отличать точку зрения автора от идеологии героев, в чем и состоит главное родство «Тайной истории» и романов Ф.М. Достоевского, в особенности «Преступления и наказания». Донна Тартт не скрывает, что ее творческий метод питают романы русского классика, и проявляется это в цитировании его романов и в аллюзиях на его персонажей. Кроме того, Тартт позволяет голосу персонажа зву-

чать наравне с голосом автора, как это делается в «полифоническом романе» (Бахтин 1963). Этот прием позволяет выстраивать образ мира согласно мировоззрению героя, а не через фильтр авторского восприятия, а значит, иметь возможность проследить метаморфозы человека, находящегося между порядком и хаосом, добром и злом, что и понимается нами как «человек на границе». Таким образом получится запечатлеть переживание экстатического в чистоте и абсолютности. Эстетическая интуиция экстатического, отрицающая конвенциональные порядки, подбирает свои средства выражения, отразившие особенный взгляд на мир уже через призму познанного зла. Наиболее близок героям Достоевского Генри Уинтер: как и Ставрогин, он высказывается максимально коротко и безэмоционально, будто из его сознания вытравлено все человеческое. С пугающей фактологичностью он описывает действия грибов, которыми хочет отравить Банни, будто бы даже не замечая, что речь идет об убийстве человека, а не решении математического уравнения. Энергия экстатического, как и дионисийская стихия, подразумевает под собой процесс постепенного утверждения антиморали и антипорядка, по законам которых Банни и фермер были достойны смерти. С одной стороны, интеллектуальная логика ведет к средоточению иррациональности хаоса. С другой стороны, внутренняя потребность героев в совершении ритуала выходит за пределы изоцированной интеллектуальной культуры, ориентированной на чистую красоту. Это поиск иной красоты – красоты экстатического.

Здесь стоит уточнить, что не во всех литературных сюжетах, где фигурирует убийство, обязательно проявления поэтики экстатического. Она подразумевает под собой именно пограничное состояние между двумя мирами, между пространством зла и добра, стихиями хаоса и порядка. Это действительно стихия Диониса, которая ассоциируется с процессом становления, в отличие от утверждающей свое бытие, статической культурой Аполлона. Например, с этой точки зрения экстатическое не проявляется в романе «Коллекционер» Джона Фаулза. Маньяк Клефт, убивший Миранду, не находится в состоянии становления – его аморальность совсем не результат духовных исканий, а духовная сущность.

Генри не является абсолютным воплощением зла с самого начала. Иначе был бы невозможным эпизод, где он плачет из-за случайно убитой во время игры утки. Это идеи, подсказанные Джулианом, так преобразуют его сущность, подводя к границе, где красота и зло сближаются, где встречаются хаос и порядок. «Смерть – мать красоты» (Tartt 1992, с. 41), – произносит Генри подсказанный учителем вывод. Смерть и Красота определяют вектор его исканий на протяжении романа,

а Джулиан напоминает им о фигуре Диониса и вакханалиях как средстве достижения понимания этих категорий. Так когда-то опечаленный случайным выстрелом в утку Генри превращается в того, кто будет пафосно читать скорбную речь, стоя на могиле убитого им Банни. И.Н. Ломакина и Е.В. Полховская верно отметили, что отношение к смерти – одна из главных характеристик персонажей (Ломакина, Полховская 2020), но если говорить о танатопоэтике как средстве построения целого образа, то стоит отметить, что не только к смерти стремились студенты путем воспроизведения вакханалий, но и к красоте, то есть пытались сохранить равновесие между двумя категориями, относящимися к разным полюсам ценностей.

Как пишет Ж. Батай, «тот, кто смотрит на смерть и радуется, уже не является индивидом, тело которого должно сгнить. Вступив в игру со смертью, он уже вышел за пределы самого себя...» (Батай 2004, с. 483). Акт самоубийства доказывает, что Генри оказался в крайней точке переживания экстатического, откуда уже невозможно возвращение к традиционной аксиологии. А его учитель никогда и не придерживался традиционных ценностей, иначе бы не подтолкнул к злодеянию и не дал на это согласие, позднее также патетично и лицемерно выражая скорбь на похоронах Банни, которого они принесли в жертву собственным аморальным концепциям.

Таким образом, простодушный, дружелюбный Банни и хладнокровный философ-убийца Генри – два противоположных полюса, формирующие пространство «Тайной истории». Генри существует в пространстве, где нет готовых ценностей, отсутствует фундаментальное представление человека о реальности. Этой духовной координате соответствует и географические точки на карте романа: Генри и Джулиан устремляются в экзотические страны (Аргентину, Мексику) после того, как переступили через границы жизни и смерти. Там их родной язык и культура обнуляются, будучи неактуальными для местных жителей. Любое перемещение в этом пространстве обусловлено их драматическим состоянием человека на границе. Как экстатическое является отрицанием любых границ в духовном плане, так его энергия расширяет и географические границы сюжета. Поездка Генри и Банни в Италию, по сути, так же являлась шагом на пути к его убийству и доказательством вседозволенности для Генри. В финале призраком Генри озвучивает мысль, что его самоубийство – это всего лишь трудность в путешествии, как если бы у него не было паспорта. Даже смерть, главный мотив романа, дана в пространственных категориях. Таким образом, экстатическая стихия трансформирует не только внутренний мир героев, но и пространство вокруг них, отождествляя

духовное и географическое и выдвигая на первый план мотив побега и эскапизма.

Особым мистериальным планом обладает загородный особняк Френсиса, где происходила тайная подготовка студентов к вакханалиям. Пространство дома описано подобно готическому замку, зловещему, мистическому (Ломакина, Полховская 2020). Инфернальность этого места подчеркивается тем, что кроме первых описаний, оно всегда дается через призму измененного сознания рассказчика: герои почти никогда не находятся там в трезвом рассудке. Следовательно, читателю так и остается неизвестно, что именно из себя представляет особняк и чем занимались там студенты. Подобная таинственность соответствует логике поэтики экстатического. Ж. Батай подмечает, что запретное пространство по канонам греческой трагедии, сравнение с которой актуальны и для античного дискурса «Тайной истории», является одновременно и сакральным. Запрет обожествляет это место, где опьянение от созерцания античного бога невыносимо для тех, кто остается в пределах общепринятых ценностей. Поэтому оттуда был изгнан гедонист Банни, который был не в состоянии оценить самоотверженного стремления своих друзей к постижению Диониса.

Жилище Джулиана и Генри только подчеркивает своей отдаленностью различие между ними и обществом колледжа. Банни, наоборот, живет в общежитии, хотя его поведение некомфортно для остальных студентов.

Пространство колледжа особенно интересно и как жанрообразующая категория. Оно позволяет философской истории маскироваться под университетский или академический роман. Хэмпден действительно объединил под своей крышей студентов из разных уголков Америки. Но за каждым студентом стоит его родной штат и город, дополняющий новыми координатами карту художественного мира «Тайной истории». С самого начала автор обращает наше внимание на место происхождения рассказчика – Калифорния. Каков же должен быть герой с таким бэкграундом? Среди учащихся есть калифорниец Клоук Рэйберн – завсегда́тай вечеринок, харизматичный, обеспеченный, этакий «светский лев» Хэмпдена. Пожалуй, будь это действительно классический роман массовой литературы, этому персонажу и можно было дать полноценное право голоса и роль рассказчика в этой истории. Но Донне Тартт не было интересно оставаться в рамках жанра традиционного академического романа или популярного детектива. Для рассказа этой истории нужен особенный нарратор, который мог бы дать обзор читателю всего пространства, где происходит борьба противоположных стихий.

Рассказчик Ричард – медиум, он оказывается на границе между миром реальности, где суще-

ствует Банни, и хаоса Диониса, в котором находится его убийца Генри. Физически он соседствует с Банни (они живут в одном общежитии), но идеологически он ближе к Генри. В его фигуре Донна Тартт интересно деконструирует роман Достоевского. Несмотря на то, что фактически на Раскольникова похож Генри, повторяя его идейное убийство, он тянет за собой совсем невиновного Ричарда. Раскольников по дороге к старухе видит случайного прохожего, лишь тень. «Тайная история» – роман, написанный от лица этой тени, которая в роковой случайности оказалась вовлеченной в чужую историю духовного самосжигания. Ричарда мучают видения о собственной смерти, в его голове проносятся цитаты Раскольникова («Я убил старуху процентщицу и ее сестру Лизавету топором и обокрал их» (Tartt 1992, с. 447)), его сознание разрывается от переживания экстатического опыта, неожиданного провала в мир, где сознание ощущает свою непригодность. Генри ближе к герою «Коллекционера»: он понял смерть и манипулирует ею, он существует в мире, где смерть больше не событие. Тогда как Ричард так и остается в беспокойном конфликте между аморальностью содеянного и фактом того, что это сделали его друзья, в ком он видел идеал.

Человек на границе ощущает пространство иначе: оно теряет свою осязаемость, материальность и другие физические свойства, как во сне. Впервые услышав от Генри об убийстве, Ричард ощущает реальность как «гнетущий и плохо переваримый сон» («lingering and dyspeptic dream» (Tartt 1992, с. 220)), где даже собственный голос звучит странно, отчужденно. Ричард постоянно находится в состоянии головокружения, а его мысли центрируются вокруг смерти и убийства. Идя мимо реки, он размышляет о суициде или несчастном случае, железная лестница, кажется, вот-вот рухнет под ногами, будто бы мысль, которую он несет в своем сознании, не способен выдержать даже металл. Он признается себе, что они недооценили тяжесть такого груза на совести, как убийство, который теперь взорвался подобно «глубинной бомбе», разрушив «зеркальную поверхность» мироустройства («The second one [murder] was also easy, at least at first, but I had no inkling how different it would be. What we took for a docile, ordinary weight was in fact a depth charge, one that exploded quite without warning beneath the glassy surface» (Tartt 1992, с. 309)). В какой-то момент сознание пытается вытеснить такой деструктивный субстрат: тогда Ричард признается, что до последнего не осознавал, что это все не игра, даже когда они обсуждали уже конкретные детали преступления. Как и философия Раскольникова, заложником которой он в итоге стал, идея об убийстве зажила «своей собственной страшной жизнью»: «the scheme ceased to be a

thing of the imagination and took on a horrible life of its own...» (Tartt 1992, с. 311)). В то время как для Генри эта мысль и была его нутром и компасом духовных исканий.

Ричард существует в ином пространстве, он дистанцирован от истории преступления и ее участников: в определенный период он даже живет отдельно от них, даже когда возвращается, он все равно остается аутсайдером среди детей миллионеров и американской элиты, кем были остальные студенты Джулиана. С.А. Литцлер замечает большое количество отсылок к другим текстам (Litzler 2013), которые чаще всего появляются, когда Ричарда выталкивают из его привычных ценностных установок. Тогда он пытается совершить побег из этой ситуации, дестабилизирующей его мировоззрение, в знакомые и стройные миры Данте, Гомера, Фицджеральда. Так довлеющая над ним агрессия экстатического расширяет и контекстуальное пространство романа.

К тому же, рассказчик дистанцирован во времени, так как история дана в ретроспективе, Ричард делится ею спустя 9 лет после преступления. Это позволяет автору сохранить Ричарда в позиции медиума между двумя полюсами, на границе совершившегося на его глазах хаоса и восстановившегося после порядка. Однако этот прием, разумеется, не действует на читателя, который также вынужден взаимодействовать в той или иной степени с агрессией экстатического.

Изучая репрезентацию зла в литературе, Ж. Батай приходит к выводу, что подобные книги способны вызывать даже физическое чувство отторжения (как произведения де Сада), или духовное сопротивление написанному (Батай 1994). Тогда почему «Тайная история» так вдохновляла людей на подражание студентам-убийцам, на возвращение к роману спустя года? Опытные критики литературы и вовсе, в противовес нашей концепции, говорят о том, что Тартт не удалось создать драматическую коллизию в духе Достоевского (Kakutani 1992).

С нашей точки зрения, причина такого интересного рецептивного эффекта – в усилении автора нейтрализовать приемами массовой литературы разрушительную поэтику экстатического, которая, как в ящике Пандоры, скрывается под привлекательной оболочкой детектива.

Заключение

Как мы продемонстрировали ранее, тема и тот тип художественности, с которым работает Донна Тартт в «Тайной истории», способны довольно радикально влиять на структуры художественного мира. Ж. Батай демонстрировал на примере творчества Ж. Жене, как автор вынужден самоустраниться. Свободный от любых запретов, он самовластно владеет этой художественной струк-

турой, отказываясь от общения с читателем: «по мере того, как он безгранично растворяется в Зле, пропадает его способность к общению» (Батай 1994, с. 145).

Однако голос автора «Тайной истории» не затихает, он необходим, чтобы всегда напоминать читателю, что зло существует, только пока существует добро, и ее рассказчик перемещается между этими полюсами, никогда не сливаясь полностью ни с одним из них. Интенция автора прослеживается и в выборе жанра, благодаря которому происходит эстетизация, а вместе с тем и нейтрализация, поэтики экстатического.

«Тайная история» по месту действия относится к университетскому роману. Пространство колледжа со всеми необходимыми ему атрибутами постоянно сопротивляется разрушающей его стихии хаоса: после мучительных мыслей об убийстве Ричард неожиданно возвращается в русло повседневности и к рутинным студенческими обязанностям, домашней работе. За сценой преступления следуют рассуждения об экзаменах, как бы восстанавливающие растрепанный миропорядок. Также основной проблематикой академического романа традиционно считается конфликт интересов двух поколений (преподавателей и учеников) и постепенное освоение идеологии иного поколения, то есть примирение с «другим». Основу же композиции и сюжета романа задает жанр перевернутого детектива. М. Липовецкий доказал, что детектив также нейтрализует наши страхи, неприятие «другого», путем победы Детектива над Злодеем, который своей философией «расшатывает рациональные и символические основания современного общества» (Липовецкий 2008, с. 683). Фигура «Сыщика» в данном случае тождественна участнику преступления, то есть рассказчику Ричарду, ведь это он по деталям в беспорядке дома Генри находит следы их отъезда и затем выведывает детали убийства, таким образом, можно сказать, раскрывает преступление. Хотя в истории и фигурирует полиция, она не раскрывает преступления, но является оппозиционной силой порядка, контрастом к выбранному героями пути духовного саморазрушения и не позволяет стихии хаоса поглотить все идеологическое пространство романа. Похожая расстановка сил прослеживается и в «Преступлении и наказании», где, несмотря на активное участие следователя, основная ответственность за раскрытие и осознание ложности выбранного пути лежит на самом преступнике. Раскольников искупает свою вину на каторге, отчего в его духовном пути становится возможным постижение онтологических оснований любви. В финале становятся понятны размышления Ричарда, почему спустя 9 лет он все еще как будто стоит на той горе, откуда они столкнули Банни:

теперь его разум и есть та тюрьма, в которой он обречен нести свое наказание.

Благодаря возможностям художественного языка пространство «Тайной истории» стало своеобразным экспериментальным полем для участников эстетической коммуникации, чтобы взглянуть страху в глаза (в данном случае страху смерти) в этой безопасной области выдуманных миров и нейтрализовать его, примерив на себе философию человека на границе между добром и злом. Возможно, это желание примерить философию «Злодея» как карнавальный костюм и объясняет, почему некоторым читателям захотелось даже скопировать в жизни атрибуты главных образов, ведь книга закончилась, а ее терапевтический эффект хочется продлить.

Библиография

Nicolaou, E. (2022), *Donna Tartt answers 11 questions about The Secret History*, [Online], available at: <https://www.today.com/popculture/books/donna-tartt-secret-history-interview-questions-rcna62501> (Accessed 23 December 2022).

Kakutani, M. (1992), *Books of The Times; Students Indulging In Course of Destruction*, [Online], available at: <https://www.nytimes.com/1992/09/04/books/books-of-the-times-students-indulging-in-course-of-destruction.html> (Accessed 8 October 2022).

Litzler, S.A. (2013), *Interpretations of Fear and Anxiety in Gothic-Postmodern Fiction: An Analysis of The Secret History by Donna Tartt* [Master's thesis, Cleveland State University], OhioLINK Electronic Theses and Dissertations Center, [Online], available at: http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=csu1384438957 (Accessed 9 November 2022).

Tartt, D. (1992), *The Secret History*, Penguin Books Ltd, London, UK.

Анцыферова О.Ю. Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 22–27. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-2-352-357>.

Батай Ж. Литература и Зло. Москва: Изд-во МГУ, 1994. 168 с.

Батай Ж. Внутренний опыт. Санкт-Петербург: Мифрил, 1997. 336 с.

Батай Ж. Радость перед лицом смерти. Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 474–484.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советский писатель, 1963. 361 с.

Бланшо М. Танатография Эроса. Санкт-Петербург: Мифрил, 1994. 346 с.

Бланшо М. Пространство литературы. Москва: Логос, 2002. 288 с.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Москва: АСТ, 2015. 672 с.

Евстропов М.Н. Опыты приближения к иному: Батай, Левинас, Бланшо. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 346 с.

Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.

Ломакина И.Н. Танатопоэтика Донны Тартт (на материале романа «Тайная история») // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. Т. 30, вып. 2. С. 352–357.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.

Лушникова Г.И. Образ лидера-подростка в психологическом триллере «Тайная история» Донны Тартт // Филология: научные исследования. 2019. № 2. С. 83–97.

Рымарь Н.Т. Поэтика романа. Куйбышев: Изд-во Саратовского университета, Куйбышевский филиал, 1990. 257 с.

Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж: ЛОГОС-ТРАСТ, 1994. 263 с.

Рымарь Н.Т. Поэтика границы в литературе. Эстетические и поэтологические аспекты проблемы границы как феномена художественного языка. Седльце: Издательство Естественно-Гуманитарного Университета в Седльце, 2016. 334 с.

References

Nicolaou, E. (2022), *Donna Tartt answers 11 questions about The Secret History*, [Online], available at: <https://www.today.com/popculture/books/donna-tartt-secret-history-interview-questions-rcna62501> (Accessed 23 December 2022).

Kakutani, M. (1992), *Books of The Times; Students Indulging In Course of Destruction*, [Online], available at: <https://www.nytimes.com/1992/09/04/books/books-of-the-times-students-indulging-in-course-of-destruction.html> (Accessed 8 October 2022).

Litzler, S.A. (2013), *Interpretations of Fear and Anxiety in Gothic-Postmodern Fiction: An Analysis of The Secret History by Donna Tartt* [Master's thesis, Cleveland State University], OhioLINK Electronic Theses and Dissertations Center, [Online], available at: http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=csu1384438957 (Accessed 9 November 2022).

Tartt, D. (1992), *The Secret History*, Penguin Books Ltd, London, UK.

Ancyferova, O.Y. (2015), *Antique code in the university novel "The Secret History" by Donna Tartt*, Bulletin of the Nizhny Novgorod University, no. 2(2), pp. 22–27, DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-2-352-357>.

Bataille, G. (1994), *Literature and Evil*, Publishing house of Moscow State University, Moscow, Russia.

- Bataille, G. (1994), *Internal Experience*, Mithril, Saint-Petersburg, Russia.
- Bataille, G. (1994), *The Practice of Joy before Death*, Nauka, Saint-Petersburg, Russia.
- Bakhtin, M.M. (1963), *Problems of Dostoevsky's Poetics*, Sovetskij pisatel', Moscow, Russia.
- Blanchot, M. (1994), *Thanatography of Eros*, Mithril, Saint-Petersburg, Russia.
- Blanchot, M. (2002), *The Space of Literature*, Logos, Moscow, Russia.
- Dostoevskij, F.M. (2015), *Crime and Punishment*, AST, Moscow, Russia.
- Evstropov, M.N. (2012), *Experiences of Approaching the Other: Bataille, Levinas, Blanchot*. Publishing house of Tomsk University, Tomsk, Russia.
- Lipoveckij, M. (2008), *Paralogies: Transformations of (Post)Modernist Discourse in Russian Culture in the 1920s-2000s.*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Lomakina, I.N. (2020), Thanatopoetics of Donna Tartt (based on the novel "The Secret History"), *Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology"*, vol. 30, issue. 2, pp. 352–357.
- Lotman, Yu.M. (1970), *The structure of a literary text*, Art, Moscow, USSR.
- Lushnikova, G.I. (2019), *The image of a teenage leader in the psychological thriller The Secret History by Donna Tartt*, *Philology: scientific research*, no. 2, pp. 83–97.
- Rymar, N.T. (1990), *Poetics of a Novel*, Publishing house of Saratov University, Kuibyshev branch, Kuibyshev, Russia.
- Rymar N.T. and Skobelev, V.P. (1994), *Theory of the Author and the Problem of Artistic Activity*, LOGOS-TRAST, Voronezh, Russia.
- Rymar, N.T. (2016), *Poetics of the Border in Literature. Aesthetic and Poetological Aspects of the Border Problem as a Phenomenon of Artistic Language*, Publishing House of the University of Natural-Humanitarian Sciences in Siedlce, Siedlce, Poland.

Submitted: 10.01.2024

Revised: 20.04.2024

Accepted: 05.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-6

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-51-60

Дата поступления: 05.05.2024
рецензирования: 01.06.2024
принятия: 10.06.2024

Е.В. Кудрина

Институт мировой литературы им.
А.М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: kelenvik@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2830-2671>

Переписка М. Горького с самарскими детьми и подростками

Аннотация: в статье идет речь о письмах детей и подростков города Самары и Самарской области 1920–1930-х гг., адресованных М. Горькому и сохранившихся в Архиве А.М. Горького Института мировой литературы Российской академии наук. Географический принцип отбора материала позволил значительно сузить обширную тему переписки Горького с детьми. На примере нескольких эпистолярных текстов выявлены и рассмотрены типичные образы детских корреспондентов писателя. Исследованы литературоведческий, социологический и краеведческий аспекты переписки. Письма детей и подростков наглядно демонстрировали изменения в социуме. Письмо Д.Ф. Шапошникова и приложение к нему – документальное свидетельство серьезной работы учебных и культурных учреждений страны, направленной на формирование вдумчивого читателя, организацию целенаправленного чтения, а также на руководство читательскими интересами в 1930-е гг. Представленное исследование носит междисциплинарный характер и будет интересно самым разным специалистам. Письма юных самарских корреспондентов впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: М. Горький; Самара; переписка; корреспонденты Горького; письма детей; Д.Ф. Шапошников.

Цитирование: Кудрина Е.В. Переписка М. Горького с самарскими детьми и подростками // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 4, № 2. С. 51–60. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-51-60>.

Благодарности: автор выражает благодарность РНФ (проект № 23-28-01158 «Максим Горький и низовое литературное движение») за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кудрина Е.В., 2024 – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.V. Kudrina

A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kelenvik@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2830-2671>

Correspondence of M. Gorky with Samara Children and Teenagers

Abstract: the article deals with letters from children and adolescents of the city of Samara and the Samara region in the 1920s and 1930s addressed to M. Gorky and preserved in the Archive of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The geographical principle of material selection made it possible to significantly narrow down the extensive topic of Gorky's correspondence with children. Using the example of several epistolary texts, typical images of the writer's children's correspondents are identified and considered. The literary, sociological and local history aspects of correspondence are investigated. Letters from children and teenagers clearly demonstrated the changes in society. The letter of D.F. Shaposhnikov and its appendix are the documentary evidence of the serious work of educational and cultural institutions of the country aimed at forming a thoughtful reader, organizing purposeful reading, as well as guiding readers' interests in the 1930s. The presented research is interdisciplinary in nature and will be interesting to a wide variety

of specialists. The letters of the young Samara correspondents are being introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: M. Gorky; Samara; correspondence; Gorky correspondents; letters from children; D.F. Shaposhnikov.

Citation: Kudrina, E.V. (2024), Correspondence of M. Gorky with Samara Children and Teenagers, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 51–60, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-51-60>.

Acknowledgments: the authors express their gratitude the Russian Science Foundation (project no. 23-28-01158, “Maxim Gorky and Grassroots Literary Movement”) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Kudrina E.V., 2024** – PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, Povarskaya, Moscow, 121069, Russian Federation.

Введение

Имя Максима Горького тесно связано с Самарой. Работа в «Самарской газете» в качестве постоянного фельетониста, публициста и беллетриста развила в Горьком навыки писателя-профессионала. Здесь начинающий журналист вёл еженедельный воскресный фельетон «Теневые картинки», писал обзоры столичных газет – «По страницам газет» и «Толки печати», – создал цикл «Очерки и наброски», печатал фельетоны «Между прочим» под псевдонимом Иегудиил Хламида (Горький в Самаре 1937, 1938; Максим Горький и Самара 1968). К современному осмыслению «самарского периода» писателя и «самарского текста» в целом в настоящее время исследователи только приступают (Морозова 2023; Перепелкин и Пелевина 2023). Работа в провинциальной газете позволила начинающему писателю наблюдать общественную и бытовую жизнь провинциального города, учиться обобщать свои наблюдения и давать аналитические оценки. Кроме этого, Горький в Самаре учился общению с самыми разными людьми, и этот навык коммуникации пронес через всю жизнь.

Переписка, по меткому замечанию писателя П.А. Павленко, была для Горького «работой»: «то работа с начинающим, то с неудачником-изобретателем, то с избачом по поводу чтения вслух, то с пионером по поводу стихов, то с деятелем национальной культуры относительно принципов художественного перевода или организации театра народов Советского Союза» (Павленко 1981, с. 326). «У меня есть работа, – писал Горький в 1928 г. в очерке “По Союзу Советов”, – которую я люблю, считаю более ценной, чем отчет о том, что я видел, это – моя переписка с различными маленькими людьми страны Советов, – они – самые интересные и значительные люди современного мира, им нелегко живется, и я считаю прямой моей обязанностью отвечать в меру сил и знаний моих на все вопросы, которые волнуют их. Я – не учитель, но я чувствую себя товарищем и другом каждого человека» (Архив А.М. Горького, с. 131).

Анализу эпистолярного диалога Горького и его взрослых корреспондентов посвящены многочисленные статьи, коллективные труды и монографии горьковедов (Неизвестный Горький 1994, 1995; Горький и его корреспонденты 2005; М. Горький и его адресаты 2016; Быстрова 2020; Гоголев 2022), а тема переписки Горького с детьми и её специфика редко попадает в поле зрения исследователей (Кудрина 2022; Кудрина 2023).

Материалом для статьи послужили письма детей и подростков города Самары и Самарской области, которые сохранились в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН (АГ ИМЛИ РАН). Географический принцип отбора материала позволил, во-первых, сузить обширную тему переписки Горького с детьми, во-вторых, на примере нескольких эпистолярных текстов выявить и рассмотреть типичные образы детских корреспондентов писателя и, в-третьих, исследовать литературоведческий, социологический и краеведческий аспекты переписки, в том числе в исторической перспективе на примере одной геолокации. Таким образом, представленное исследование носит междисциплинарный характер и будет интересно самым разным специалистам.

Ход исследования

В 1910–1924 годах детскими корреспондентами Горького были единицы, а начиная с 1930-х годов к нему обращались уже сотни детей. Обилие детских писем в 1930-е годы косвенно свидетельствует об огромной победе над безграмотностью и о том, что многие дети почувствовали себя силой, способной влиять на ход истории и на литературу. Дети делились с писателем своими произведениями, спрашивали совета, обращались за поддержкой. В общественном сознании, благодаря средствам массовой информации и культурной политике, Горький представал не просто живым классиком советской литературы, но и отзывчивым помощником, добрым «дедушкой», как часто обращались к нему советские дети. Во многом благодаря письмам юных корреспондентов Горький составлял мнение о молодом растущем поко-

лении, узнавал о проблемах в образовании, о чаяниях и заботах простых учеников и их учителей и по мере сил пытался эти проблемы решать.

Комендант дома на Малой Никитской И. Кошенков вспоминал, как писатель «любовно рассматривал самодельные конверты детских писем и с большим удовольствием говорил: – О таких корреспондентах мы, писатели, раньше и мечтать не могли. Здорово! Ну как не любить этих человечков?» (Кошенков 1961). Сюжеты, которые возникают из переписки со знаменитым писателем, разнообразны и требуют особого подхода и описания.

В архиве писателя сохранилось несколько писем детей и подростков из Самары и Самарского округа (речь пойдет только о тех, которые удалось атрибутировать).

Первое по хронологии письмо написали ученики школы I ступени им. Горького из села Ляхово Бузулукского района Самарского округа. Здесь важно отметить, что село Ляхово находится между Самарой и Оренбургом и из-за территориальных делений входило сначала в Самарский округ, а затем в Оренбургскую область. Предположительно, письмо было отправлено в августе 1929 г. В нем 12 учащихся обращались к Горькому, находящемуся в Италии, за помощью: «Товарищ Горький! Мы учащиеся деревенской школы-трехлетки обращаемся к тебе с нашей просьбой. Некоторые из нас говорят, что из этого ничего не выйдет, но мы верим, что ты нам поможешь, тем более наша школа носит твое имя. А дело т. Горький вот в чем: скоро начнутся занятия, нужно будет учиться, а у нас очень *мало учебников*. В прошлом году на каждых 4х человек была одна книга, так, наверно, будет и в этом году. *Карандашей и тетрадей* тоже покупаем на свои деньги. Которые ребята только из того и не учатся, что отцы деньги не дают. А которым дают, да купить негде. Город от нас в 60 километрах, в кооперативе часто тетрадей и бумаги совсем не бывает. А сейчас и в городе нет и, говорят, долго не будет. Есть там, правда, большие тетрадки, да на них денег нам не дают. Дорогие они. Ну вот мы и решили написать тебе. Не поможешь ли нашему горю? Мы знаем, что наша республика переживает трудное время. Школ открыто очень много, и отдел Народного образования всех удовлетворить не может. Мы потому и обращаемся к тебе с просьбой помочь нам, чем можешь, обращаемся к тебе, как к товарищу. Мы знаем о тебе из книги “*Детство*”, которую нам читал учитель. Мы хотим, чтоб ты нам в школу прислал свой *портрет большой, и книжек нам и тетрадей*» (АГ ИМЛИ РАН, ДПГ-16-79-1). Под текстом подписи В. Славгородского, Марии Кожиновой, Тамары Бушуевой, А. и И. Немковых, Ивана Дмитрева, П. Щуренкова, Анны Плексеевой, Николая Нефедова, Яковлева, Лолы Граковой и одна подпись неразборчиво.

Конечно, это коллективное обращение писалось не без участия взрослых, которые подсказывали нужные формулировки и помогали выстроить архитектуру письма. Здесь привлекает внимание неформальное обращение к Горькому на «ты». Оно сокращает дистанцию между знаменитым писателем и юными корреспондентами. Это обращение не свидетельство неуважения пишущих к адресату, а наоборот – говорит о тесной связи и безоговорочной вере старшему товарищу. В этом письме-просьбе Горький подчеркнул синим карандашом несколько слов (выделены курсивом) и отдал распоряжение о высылке книг и тетрадей, о чем свидетельствует секретарская помета в левом верхнем углу: «Отв. 1/Х. В Международную книгу и в 6-й маг. ГИЗа».

Спустя несколько месяцев Горькому пришел ответ. 25 января 1930 г. 18 детей ляховской школы благодарили писателя за подарки и снова просили о помощи. «Дорогой т. Горький! Мы ученики Ляховской школы I ст. вашего имени шлем вам большое спасибо за тетради и учебники, которые вы нам прислали. Мы тоже посылаем вам в подарок облигацию 3-го займа индустриализации, которую мы купили на деньги, вырученные от продажи утильсырья. А еще посылаем свою карточку, это мы снимались на своей школьной выставке на праздник урожая и коллективизации. Тов. Горький! У нас есть к вам большая просьба: для детей-сирот и бедняков мы решили при школе открыть столовую (так как за последнее время ребята стали бросать учиться за неимением питания дома). Не имея средств и поддержки со стороны местных организаций нашего района и убедившись в вашей отзывчивости, мы снова обращаемся к вам с просьбой: помогите нам в нашем деле, пришлите хоть немного денег. Тов. Горький! Мы знаем, что попрошайничать нехорошо, но мы обращаемся к вам, как к товарищу, и надеемся, что вы не откажете в нашей просьбе. Вы последняя наша надежда. Тов. Горький! Пришлите нам свою карточку и нарисуйте домик, в котором вы живете. Мы хотели было вместо облигации послать вам коньки, да вспомнили, что зимы в Италии не бывает. Будем очень рады, если отзоветесь на нашу просьбу. С тов. приветом! Ученики Ляховской шк. I ст. *Нефедов Иван. Дмитрев Иван. Савин Иван. Кожинова М. Носов Павел. Кирсанова Анна. Шалгин И. Нижегородцева Арина. Яковлев Гриша. Иванов К. Зверев Р. Отчизнов. Блоканова Нона. Славгородская. Немков Василий. Кузьмин Вал. Нефедов Ник. Николаев Иван. 25/1–30 г.* Адрес наш: Средне-Волжский край. П/о Державино Бузулукского района Самарского окр. С. Ляхово. Ляховская школа I ст. имени М. Горького» (АГ ИМЛИ РАН, ПСГ-2-25-1).

Это искреннее официально-личное письмо Горький с небольшими сокращениями процити-

рвал в своей публицистической статье «О детях» (1930), представив юных авторов: «Вот какие умные и хорошие чертенята!» (Горький 1953, с. 423). Хранится детское письмо в архиве вместе с рукописью, являясь органичной частью публицистического высказывания писателя.

Горький, находящийся в Сорренто, не оставил отчаянную просьбу детей без внимания. 15 февраля 1930 г. он отдал распоряжение секретарю П.П. Крючкову: «послать 500 р. <...> Деньги – скорее. Ребята жалуются на голод» (Горький 2017, с. 235), – а также написал ответное письмо, в котором были такие строки: «Милые ребята – очень хорошо, что вы заботитесь о ваших товарищах! Вот так и надобно жить: все за каждого, каждый – за всех! <...> А квитанцию возвращаю вам, на что мне она? За подарок спасибо, но мне она ни к чему, а вы, может быть, выиграете сколько-нибудь. Всего хорошего желаю вам, ребята! Учитесь охотней. М. Горький» (Горький 2017, с. 235). Впервые это письмо было напечатано в оренбургской газете «Южный Урал» в 1968 г. (№ 73. 28 марта), в статье В. Ябурова «Оренбургский корреспондент Горького». Подлинник-автограф хранился в личном архиве В.Л. Славгородского, «ученика» ляховской школы, подписавшего первое письмо школьников Горькому.

Об этом корреспонденте Горького необходимо сказать несколько слов.

Василий Леонтьевич Славгородский (1912–1988 гг.) родился в селе Мотовилово Бузулукского уезда. Был батраком в селе Ляхово, учеником ляховской начальной школы, корреспондентом «Крестьянской газеты», деткором журнала «Дружные ребята». В 1930–1931 гг. переписывался с Горьким. Писатель поддерживал Славгородского материально, дарил книги и журналы, помог поступить в Москве на литературный рабфак при ОГИЗе и позаботился о стипендии для начинающего автора. См. об этом: (Горький 2017, с. 791–792). В.Л. Славгородский – участник Великой Отечественной войны, был трижды ранен, награжден боевыми медалями. После войны работал сельским учителем, писал стихи (преимущественно на военную тему), являлся членом литературного объединения им. Д.А. Фурманова в городе Бузулуке.

Еще одно письмо из ляховской школы 15 февраля 1930 г. написал пятнадцатилетний Николай Алексеевич Нефедов, ученик третьей группы. Это личное письмо «дорогому писателю Максиму Горькому», с ошибками, без знаков препинания, но самостоятельное, написанное без помощи старших товарищей, и этим оно особенно ценно. В нем мальчик горячо благодарил Горького за посылку: «Я получил одну книгу новую деревню, одну географию, один задачник и 2 тетради для практических работ, 20 листов бумаги чистой,

8 тетрадей, один коробок карандашей и еще четыре ручки» (АГ ИМЛИ РАН, ДПГ-9-104-1). Далее Николай просил: «...будьте настолько добры, отпустите мне еще несколько книг для чтения своего сочинения, я очень любитель их читать. Но и попрошу я вас, пожалуйста, отпустите мне еще бумаги, хотя листов сто и тетрадей штук 20–30» (АГ ИМЛИ РАН, ДПГ-9-104-1, печатается с исправлением ошибок, но с сохранением стиля, – Е.К.). И, наконец, рассказал писателю о себе: «Я учусь самый первый из наших учеников. И мне писать бумаги не хватает. А купить мне не на чего, так как я отношусь к группе бедноты. Отец у меня умер в 1921 году, а наше семейство осталось 4 души, самый старший 12-летний мальчик, а мне осталось после отца 6-летним. И с того же года я пошел в батраки. И батрачил всего 6 лет» (Там же). Инициативность и деловитость Николая объясняется постоянной нуждой. И просьба его, несмотря на уже оказанную помощь, – проявление доверия к писателю.

Следующее письмо написал 24 ноября 1930 г. ученик VI группы школы колхозной молодежи Бузулукского района Самарского округа Тимофей Степанович Миронов. Он приветствовал Горького такими словами: «Здравствуйте М. Горький! Первые строки моего письма пусть передадут вам пламенный привет и полны свежести еще детского ума, будут вам памятью всей вашей жизни обо мне». И далее он писал о том, что «очень заражен разными экскурсиями, путешествиями» и просил писателя, «как старшего брата», помочь «в материальном, а также и естественном обеспечении» (АГ ИМЛИ РАН, ДПГ-9-35-1). Заканчивал письмо Тимофей Степанович утверждением: «А все-таки я буду путешественник. Да! Да! С приветом, Т. Миронов» (Там же).

Скорее всего, идея написать Горькому письмо возникла у учащегося после широкого обсуждения материальной помощи знаменитого писателя ляховской школе. Можно предположить, что на одном из собраний в своей школе Тимофей вдохновился отзывчивостью Горького и, запомнив несколько ярких фраз-лозунгов, попытался повторить их в своем письме.

В ноябре 1932 г. Горькому из Самары написали коллективное письмо-приветствие учащиеся группы «А» фабрично-заводской семилетки (ФЗС) № 30: «Дорогой товарищ по взглядам и стремлениям М. Горький! Хотя мы в своих взглядах и стремлениях еще не так сознательны, как Вы, но ведь мы учимся! Постараемся в будущем старым уставшим бойцам революции быть равной, достойной сменой.

Великий учитель, Вы так честно служили, служите и будете служить делу пролетариата. Вы ведь так много вывели и выведете своими речами и произведениями на свет темных людей и укажете

им истинный путь, по которому должен двигаться пролетариат всего мира.

Вот уже 40 лет прошло с тех пор, как Вы взяли перо в руки и сразу же вполне завладели им. Но вы не только сумели красиво и ясно писать, но и сразу же завоевали рабочую массу и стали у последней товарищем, с которым можно поговорить на всякую тему. Мы слышали и читали о том, как Вы под именем Иегудиила Хламида взрывали уклад старой мещанской Самары. Мы уверены, что Вы, как когда-то умели своим пером поднять массы на борьбу с царизмом, сейчас сумеете поднять энтузиазм масс на выполнение 2 пятилетки.

Шлем привет!

Учащиеся 5 гр. «А» 30 шк. Ф.З.С.»

Письмо дополняла выписка из протокола заседания № 3:

«Слушали. О А.М. Горьком и о посылке ему письма.

Постановили. Избрать А.М. Горького почетным учеником 5 гр. «А» 30 шк. ФЗС г. Самары и послать ему письмо.

Групповой совет. *Григорьев. Боровицкий. Радаева. Савин. Зайцева*) (АГ ИМЛИ РАН, ДПГ-16-31-1).

Дети приветствовали Горького, отмечающего в 1932 г. сорокалетие творческой деятельности. Юбилей широко отмечался в стране: было принято решение о создании Литературного института им. А.М. Горького Союза писателей СССР; город Нижний Новгород был переименован в город Горький; в Большом театре и московском Доме печати состоялись торжественные вечера; к юбилею выпускались книги и альбомы, посвященные Горькому. В архиве писателя сохранилось множество писем и поздравительных телеграмм. В этом самарском письме, в отличие от других сохранившихся писем, примечательны слова, посвященные началу творческой деятельности Горького в качестве корреспондента «Самарской газеты».

По поводу избрания почетным участником чего-либо Горький иронично заметил Л. Сейфуллиной во время визита в СССР в 1928 г.: «Всюду меня делают почетным. Я почетный булочник, почетный пионер... Сегодня я еду осматривать дом сумасшедших... и меня сделают почетным сумасшедшим, увидите» (Чуковский 2013, с. 372).

К письму самарских школьников были приложены три стихотворения ученицы 5 группы Иды Костроль, посвященные юбилею Горького. Приведу их полностью:

1
Горький с детства по людям скитался,
Ругань и порку не раз испытал,
Но через эти невзгоды
Гигантским шагом шагал.
Способность его была необъятна,
Но и стараньем он помогал

И, несмотря на жизнь плохую,
Таким великим Горький наш стал!

2
Горький, товарищ по делу,
Искренний шлем Вам привет!
Пусть до Вас донесется
И оставит в сердце Вам след!
Всею душой Вам желаем
Прожить сколько прожили лет,
Темных, отсталых людей
Вывести сотнями в свет!
Сочинений пишите побольше –
Нравятся все нам они!
О природе в них очень много,
Жизненной правды полны.

3
Давайте, ребята, стараться учиться
От сильных товарищей не отставать!
И в будущем – в стройке великой –
По стопам Горького шагать!
6/Х 1932 г. (АГ ИМЛИ РАН, ДПГ-16-31-1).

Эти юношеские ученические тексты Иды, о которой ничего не удалось разыскать, – не только голос советской эпохи, но и пример низового литературного движения, получившего распространение по всей стране в 1920–1930-е годы. Литературные группы и кружки образовывались повсеместно, Самарская область не стала исключением. Литературными кружками, как правило, руководили опытные педагоги, приглашенные со стороны или из числа учителей словесности. На занятиях обсуждались и разбирались произведения начинающих авторов, лучшие из текстов публиковались в школьных журналах, стенгазетах, альманахах.

20 декабря 1932 г. «письмо к писателю Максим Горькому» отправил четырнадцатилетний самарский школьник Петр Иванович Давыдов. Он писал: «Здравствуй, наш пролетарский писатель Максим Горький. Я вас прошу, чтобы вы мне помогли развить мой талант к поэзии. Я слышал от нашей учительницы, что вы с радостью исполняете просьбу, и вот я обратился к вам с просьбой. Дома дальше я не могу развивать свой талант по домашним условиям, я каждый день сижу над своим начатым рассказом до 3–4 часов утра. И так прошу мою просьбу исполнить. *Петр Давыдов*, 14 лет.

Если будете советовать через письма, то пишите по адресу: город Самара, поселок Новый Оренбург, улица 3^{его} года пятилетки (Ново-полевая), дом № 23, к. 1. Получить Петру Ивановичу Давыдову. *П. Давыдов*» (АГ ИМЛИ РАН, ДПГ-5-18-1, с исправлением орфографических и пунктуационных ошибок, – Е.К.).

В этом письме привлекает внимание прямое, непосредственное обращение к Горькому как че-

ловеку, который «с радостью исполняет просьбу». Мальчик, едва научившийся писать, еще не освоивший грамоту, думает о развитии своего таланта. Только какую именно просьбу должен был Горький исполнить? Помочь написать рассказ? Выслать книги? К сожалению, к письму не были приложены ни стихи, ни проза начинающего поэта, чтобы Горький мог по достоинству оценить юного автора, и других писем его тоже в архиве нет. Также нам не известна дальнейшая судьба мальчика. В базе данных участников ВОВ есть полные тезки Петра Ивановича Давыдова, рожденные в 1918 г. и призванные в ряды военнослужащих из Куйбышевской (Самарской) области, но с уверенностью сказать о том, что это именно тот человек, не представляется возможным.

Письмо-просьбу написал Горькому 29 декабря 1933 г. Виктор Герасимович Колдашов: «С малолетства у меня открылись стремления к книгам, как я только научился писать и читать, я с жадностью прочитывал книги, большинство книг я любил вашего произведения, например, “Детство”, всех лучше заинтересовала меня эта книга, потому что мне тоже приходилось пережить многое с 7 лет. Отец бросил нас с матерью на произвол судьбы. Мать работала и прачкой, и домашней работницей, много мне приходилось сидеть без хлеба, и я все-таки учился, но пришло время, и я, т. Максим Горький, захворал и пришлось забросить учение. Это было в 1929-1931 году, наконец, я выздоровел и поступил в типографию работать, проработал я некоторое время, нашел я отца. Прислал мне денег, я поехал к нему, так и не пришлось мне учиться. Сейчас я в настоящее время не работаю, но вечерами играю в оркестре в духовом кружке. Написал отрывок из моей жизни “Неродная мать”, написал “Кулак и сын”, начинаю “Беспризорные”. “Кулак и сын” – маленький рассказ, но, думаю, на лист. Рассказ “Беспризорные” хорошо обработан. Я вас прошу, Максим Горький, что куда мне посылать мои рассказы на проверку и будут ли они подходящие читать. Напишите мне, если вас это не затруднит. Мой адрес: г. Самара, Кооперативная улица, дом № 132/7, получить Виктору Герасимовичу Колдашову.

В настоящее время мне 16 лет. Не откажите мою просьбу. 29/XII 33 г. В. Колдашов».

К письму прилагался текст (белые стихи? ритмическая проза?) под названием «Вопрос?»: «Не знаю, что бы мне сказать, / Писатель Максим Горький, / Может он бы меня отругал, что / Глупости ты пишешь. / Тебе бы не сочинять, / а только лишь свиней гонять, / Но, думаю, он мне так не скажет, / А только лишь / Научит и покажет» (АГ ИМЛИ РАН, ДПГ-7-31-1, с исправлением орфографических и пунктуационных ошибок, – Е.К.).

Горький не мог лично ответить всем корреспондентам. Для начинающих писателей он на-

писал несколько публицистических статей «О пользе грамотности» (1928), «О возвеличенных и начинающих» (1928), «О начинающих писателях» (1928), «Молодая литература и ее задачи», «О литературе» (1930), «Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу» (1931), «Равнодушные не должно иметь места» (1932), «О литературной технике» (1932) и др., в которых раскрывал тайны литературного мастерства и делился своим видением задач литературы. Таким, как Петр Давыдов, Виктор Колдашов и др., Горький советовал учиться, овладевать грамотой и накапливать личные впечатления. И предостерегал от графоманства. В 1934 г. в журнале «Детская и юношеская литература» вышла критическая статья Ст. Злобина «О детском творчестве». Он обратил внимание на формирование у школьников, занятых в литературных кружках, неправильного отношения к литературному труду: зараженные славой, преждевременно захваленные, дети считают литературное творчество легким делом, приносящим немалый доход, – поэтому, по мнению критика, необходимо, «чтобы у каждого из кружковцев сохранялся какой-то боковой интерес, будь то интерес к химии, электротехнике, авиамоделированию или какой-либо иной» (Злобин 1934, с. 2).

И наконец, и по хронологии, и по значимости завершает галерею самарских писем письмо редактора стенгазеты в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) семнадцатилетнего Дмитрия Федоровича Шапошникова от 17 августа 1934 г. Объемное, написанное убористым четким почерком, оно сразу привлекает внимание своей серьезностью и ответственностью. Приведу это письмо полностью, исправив опiski и ошибки.

«Самара 19¹⁷/_{VIII}

Шапошников Д.Ф. Ново-Садовая 77-1

Уважаемый Алексей Максимович!

Читая в газетах ваши ценные ответы на различные письма, решил и я написать вам несколько строк, задав в них немного интересующих меня вопросов. Я работаю редактором стенной газеты в школе Ф.З.У. завода Киноаппаратуры. Одновременно здесь же учусь. Газета выходит 3 раза в месяц, печатая статьи на злободневные темы. С материалом дело обстоит, можно сказать, благополучно – если бы не летние настроения у ребят. А они очень вредно действуют, как на качество, так и на количество заметок. У нас идет спор, будет ли насильем заставлять ребят писать заметки, для чего собрать их в класс, дать по листку бумаги и сказать: “Пишите”. Это мой первый вопрос.

Теперь о качестве. Печатаемую в газете статью читают не один или два человека. Потому качество печатаемого материала должно быть как нельзя лучше. Предстоит задача из такого стихотворения (прилагаю при сем), или, вернее, пародии на стихотворение, сделать “удобочитаемую” рукопись в

стихах. Тут закавыка. Если исправлять, то, значит, написать совершенно новый стих, а бросать их, пробросаешься так. Как большинство заметок, написаны так. Что делать с ними?

Я спрашивал по этому поводу многих, и везде получал частично правильный стереотипный ответ: “Организируйте литкружок и начинайте учебу”. Но, к сожалению, организовать кружок невозможно, так как срок обучения в школе 1 год. А за такой короткий срок можно только организовать литкружок, а пока руковода будут присылать, у тебя уже после окончания школы будет рабочий стаж года $1\frac{1}{2}$.

Извините, что перескакиваю с одного на другое. Уважаемый Алексей Максимович, сохранились ли у вас первые произведения, когда вам было лет 13–14? Интересно было бы почитать их. Есть ли они в печати?

В заключение скажу несколько слов о себе. Мне 17 лет, учусь, хотя уже в сентябре кончаю в школе ФЗУ на токаря, окончил ФЗС. Написать вам посоветовали ребята, дабы вы могли разнять наш спор. Пишу небольшие статейки в газеты. Читаю много книг, на которые после разбора пишу отзывы (один из них при сем прилагаю). Кроме вас, люблю читать А. Новикова-Прибоя и Бориса Лавренева. Кстати, сообщите мне адрес Новикова-Прибоя. Итак, жду ответа. Пишите.

Д. Шапошников

P.S. По получении от вас письма соберу рабкоров и буду обсуждать вопрос о качестве даваемого в газету материала.

Дмитрий Федорович Шапошников,

уч. школы ФЗУ Самарского завода “Киноаппаратуры”

Самара, Ново-Садовая, 77-1»

(АГ ИМЛИ РАН, ДПГ-32-95-1).

К письму Дмитрий Федорович приложил в качестве примера своей литературной работы отзыв о книге И. Эренбурга «День второй», литературной новинке о Кузнецкстрое. Этот текст важен и интересен прежде всего тем, что является частью низового литературного движения, долгое время остававшегося без внимания исследователей. В архиве писателя сохранилось немало отзывов юных читателей о литературных произведениях (в основном – о текстах Горького). Развернутое эмоционально-оценочное произведение начинающего рабкора, любознательного и вдумчивого читателя, юного участника литературной жизни 1930-х гг. о романе И. Эренбурга – дополнительный материал для историков литературы, в чью задачу входит изучение всех (!) документов эпохи.

«Книга И. Эренбурга “День Второй”, несомненно, должна завоевать себе место среди лучшей пролетарской литературы. Наблюдательными глазами автор смог уловить-схватить некоторые яркие эпизоды быта рабочей массы, сам не пере-

вариваясь в рабочем “котле”. Всех героев Эренбурга не сочтешь, центр повести у него опирается на всю массу в общем, и уже из массы выделяются личности, которые не сходят со сцены на всем протяжении действия. Этих людей можно разбить на несколько типов.

1 тип людей – это люди, на которых опирается стройка (ударники) и отдельные люди, болеющие душой за вверенное им дело (инженер Шор, библиотечарша Наталия Петровна). Энтузиазм ударников можно видеть из следующих слов: “Бригада Гладышева торжественно обещала закончить кладку (в романе – клёпку, – Е.В.) кауперов в двадцать дней... Рабочие не ходят в столовку, боясь потерять каждую минуту. Они жевали хлеб и работали. Они простаивали на работе по 18 часов без передышки. Они закончили клёпку в четырнадцать дней”.

Не совсем точно дано определение людей, идущих в ударники. И. Эренбург говорит: “Так работали и другие... их называли ударниками. Одни из них надрывались, чтобы получить леденцы к чаю или отрез на штаны. Других подгоняло честолюбие... Четвертые мечтали выйти в люди”. Прочитавши это, не соприкасавшийся с ударниками человек может подумать, что в стране стройки социализма на самом деле так. Так, как говорит в этом месте автор, говорить нельзя.

2 тип людей – это люди не нашей поковки, иные, сознательно другие, бессознательно творящие вредительство.

Кроме этих двух типов, можно найти и других людей – трусливых людей, которых революция заставила работать для пользы общества, сюда можно отнести Владимира.

Теперь несколько общих замечаний по книге. В некоторых местах Эренбург слишком сгущает краски быта рабочих. “Виш-Голод, Виш-Голод”, неужели у этих людей нет проблеска в работе и жизни.

Приведу несколько непонятных фраз:

1. “можно было слышать, как стонет страна” (отчего?)

2. “Новый мир требовал мук и крови. Так строили Магнитогорск и Караганду” (какой новый мир – СССР что ли? не может быть того, чтобы человек на своей крови строил свое благополучие).

И наконец, последнее замечание: в школу ФЗУ принимают не моложе 16 лет, а у автора ребята фабзаучники выведены несмышленишками. Но в общем книга производит хорошее впечатление.

Этот яркий правдивый (за исключением нескольких мест) документ должна читать рабочая масса.

1934 год

Д. Шапошников» (АГ ИМЛИ РАН, ДПГ-32-95-1)

Здесь и наивно-искренние суждения юного читателя-рецензента, и попытка критически ос-

мыслить текст нового романа, и стремление повлиять на читательское мнение, и неочевидное, но весьма настойчивое желание замены профессионального критического отзыва критикой рабочих, «критикой снизу» (Добренко 1997, с. 89). Письмо Шапошникова и приложение к нему – документальное свидетельство серьезной работы самых разных учебных и культурных учреждений страны, направленной на формирование вдумчивого читателя, организацию целенаправленного чтения и руководство читательскими интересами.

У нас нет сведений, что Горький ответил на это письмо. Однако для полноты картины следует сказать несколько слов о корреспонденте.

Дмитрий Федорович Шапошников (1917–1994 гг.) не стал литератором, хотя задатки для этого у него имелись, он предпочел иную стезю: окончил в 1942 г. Куйбышевский индустриальный институт по специальности инженер-механик и стал работать на 4-м Государственном подшипниковом заводе, где прошёл путь от рядового инженера до технического директора. Принимал активное участие в модернизации производства. В Российском государственном архиве г. Самары хранятся документы о профессиональной деятельности Д.Ф. Шапошникова (Ф. Р-1. Оп. 55-5). Дмитрий Федорович был удостоен Ордена Ленина, Ордена Октябрьской Революции, Ордена Трудового Красного Знамени, двух орденов «Знак Почета», медалей, звания «Заслуженный машиностроитель РСФСР». За активное участие в промышленной и общественной жизни города ему в 1986 г. присвоено звание «Почетный гражданин города Куйбышева (Самары)».

Заключение

Горький бережливо и тщательно собирал свой архив, и то, что он сохранил письма «маленьких», никому не известных людей, их тайны, мысли, сомнения и вопросы – его большая заслуга перед историей. Благодаря сохранившимся детским письмам, дающим богатый фактический материал для самых разных исследователей, мы имеем возможность познакомиться с юным поколением и города Самары, и страны Советов. Переписка, оставаясь фактом литературной и общественной деятельности, собранием исторических, краеведческих, социологических свидетельств, позволяет расширить наши знания о конкретных людях. Так, благодаря юношескому письму Д.Ф. Шапошникова удалось дополнить его биографическую справку, а отзыв на книгу И. Эренбурга и юношеские стихи Иды Костроль, являющиеся частью низового литературного движения, – свидетельства повсеместной работы, направленной на формирование нового читателя, увлеченного, вдумчивого, критически мыслящего.

«Самара – областной, быстро растущий промышленный город», – писал Горький Р. Роллану в январе 1933 г. (Горький 2019, с. 298), отмечая колоссальные изменения в жизни города. А спустя три месяца, в апреле этого же года, вспоминал в письме И.А. Груздеву, что «в 95 г. Самара изобиловала скандальными кутежами и хулиганскими выходками молодежи, и в Самаре, городе сугубо купеческом, но торговом, а не промышленном, трудно было “подметить формирование новой молодежи”» (Горький 2022, с. 59). «Новая молодежь», пишущая Горькому в конце 1920-х – начале 1930-х годов, демонстрировала положительные преобразования, доказывала формирование нового общества. Таким образом, эпистолярный диалог, складывавшийся между юными корреспондентами и знаменитым писателем, – значимая страница летописной картины жизни отдельно взятого города и целой страны.

Источники фактического материала

Архив А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (АГ ИМЛИ РАН).

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. В 24 т. Т. 19. Москва: Наука, 2017. 1000 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. В 24 т. Т. 22. Кн. 1. Москва: Наука, 2022. 926 с.

Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 25. Москва: ГИХЛ, 1953. 520 с.

Библиографический список

Архив А.М. Горького Т. XII. Художественные произведения. Статьи. Заметки. Москва: Наука, 1969. 434 с.

Быстрова О.В. Письма М. Горького военному руководству СССР: проблемы и сюжеты // Максим Горький в культуре XX–XXI вв. Горьковские чтения-2020. Материалы XXXIX Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 101–107.

Гоголев Р.А. Исследовательский проект «Максим Горький в письмах земляков» по материалам фондов архива М. Горького ИМЛИ РАН // Максим Горький. Парадигмы философских и художественных поисков XX–XXI вв. Горьковские чтения 2022 года. Материалы XL Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 227–230.

Горький в Самаре. Рассказы, фельетоны, воспоминания / сост. В. Иванов-Паймен, Н. Морозов, И. Фролов. Москва: Советский писатель, 1937. 256 с.

Горький в Самаре. Рассказы, фельетоны, воспоминания / сост. бригада куйбышевского отд.

ССП под общ. ред. М.О. Чечановского. Москва: Советский писатель, 1938. 256 с.

Горький и его корреспонденты. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. 680 с.

Добренко Е.А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997. 321 с.

Злобин Ст. О детском творчестве // Детская и юношеская литература. 1934. № 7, июль. С. 1–3.

Кошенков И. Ну как не любить этих человечков? // Учительская газета. 1961. № 72. 17 июня. С. 4.

Кудрина Е.В. Коллекция детских писем 1899–1936 гг. в архиве А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1198–1211. DOI: <http://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-4-1198-1211>.

Кудрина Е.В. Оценка творчества М. Горького детьми (по материалам детских писем из архива писателя) // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы VIII Международной научной конференции. МГУ им. М.В. Ломоносова, 21–22 декабря 2023 г. Москва: МАКС Пресс, 2023. С. 390–393. DOI: http://doi.org/10.29003/m3766.rus_lit_20-21/390-393.

М. Горький и его адресаты. Москва: ИМЛИ РАН, 2016. 488 с.

Максим Горький и Самара. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1968. 432 с.

Морозова К.И. Волжский текст: по течению к определению // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3. № 2. С. 38–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-38-45>.

Неизвестный Горький: (К 125-летию со дня рождения). Москва: Наследие, 1994. 328 с.

Неизвестный Горький: Новый взгляд на М. Горького. Москва: Наследие, 1995. 264 с.

Павленко П.А. Страницы воспоминаний. А.М. Горький // М. Горький в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. Москва: Худ. лит., 1981. С. 323–331.

Перепелкин М.А., Пелевина О.В. «Следуют пункты». К истории взаимоотношений М. Горького с «Самарским вестником» и Р.Э. Циммерманом // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 155–173. DOI: <http://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-155-173>.

Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Дневник (1922–1935) / Комментарий Е. Чуковской. 2-е изд., электронное, испр. Москва: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 656 с.

References

Archive of A.M. Gorky, Vol. XII, Artistic works, Articles, Notes (1969), Nauka, Moscow, Russia.

Bystrova, O.V. (2020), M. Gorky's letters to the military leadership of the USSR: problems and plots, *Maxim Gorky in the culture of the XX–XXI centuries. Gorky Readings-2020. Proceedings of the XXXIX International Scientific Conference*. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky National Research University, pp. 101–107.

Gogolev, R.A. (2022), Research project "Maxim Gorky in the letters of fellow countrymen" based on the materials of the M. Gorky Archive funds of the IMLI RAS, *Maxim Gorky. Paradigms of philosophical and artistic searches of the XX–XXI centuries, Gorky readings in 2022. Proceedings of the XL International Scientific Conference*, N.I. Lobachevsky National Research University, pp. 227–230, Nizhny Novgorod, Russia.

Gorky is in Samara, Short stories, feuilletons, memoirs (1937), Ivanov-Paymen, V., Morozov, N., Frolov, I. (comp.), Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.

Gorky is in Samara, Short stories, feuilletons, memoirs (1938), the brigade of the Kuibyshev detachment. SSP under the general editorship of M.O. Chechanovsky (comp.), Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.

Gorky and his correspondents (2005), IWL RAS, Moscow, Russia.

Dobrenko, E.A. (1997), *Shaping the Soviet Reader: Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature*, Akademicheskii proekt, Saint-Petersburg, Russia.

Zlobin, St. (1934), About children's creativity, *Detskaya i yunosheskaya literatura*, no. 7, pp. 1–3.

Koshenkov, I. (1961), "Well, how not to love these little men?", *Uchitel'skaya gazeta*, no. 72, p. 4.

Kudrina, E.V. (2022), Collection of Children's Letters in the A.M. Gorky Archive of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1198–1211, DOI: <http://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-4-1198-1211>.

Kudrina, E.V. (2023), Evaluation of M. Gorky's Creativity by Children (based on the materials of children's letters from the writer's archive), *Russian literature of the XX–XXI centuries as a single process (problems of theory and methodology of study)*, Materials of the VIII International Scientific Conference. Lomonosov Moscow State University, December 21–22, 2023, pp. 390–393, MAKS Press, Moscow, Russia, DOI: http://doi.org/10.29003/m3766.rus_lit_20-21/390-393.

M. Gorky and his addressees (2016), IWL RAS, Moscow, Russia.

Maxim Gorky and Samara (1968), Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kuibyshev, USSR.

Morozova, K.I. (2023), Volga text: streaming down to definition, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 2, pp. 38–45, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-38-45>.

Unknown Gorky, (To the 125th anniversary of his birth) (1994), Nasledie, Moscow, Russia.

Unknown Gorky, A new look at M. Gorky (1995), Nasledie, Moscow, Russia.

Pavlenko, P.A. (1981), Pages of memoirs, A.M. Gorky, *M. Gorky in the memoirs of contemporaries*. vol. 2, pp. 323–331, Khud. lit., Moscow, Russia.

Perepelkin, M.A. and Pelevina, O.V. (2023), “Points to Follow”. On the History of Relations between M. Gorky and “Samarsky Vestnik” and R.E.

Zimmerman”, *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), pp. 155–173, DOI: <http://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-155-173>.

Chukovskii, K.I. (2013), *Collected works*, In 15 vols., vol. 12, *Diary (1922–1935)*, comment by E. Chukovskaya. 2nd ed., electronic, Agentstvo FTM, Ltd, Moscow, Russia.

Submitted: 05.05.2024

Revised: 01.06.2024

Accepted: 10.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-1/-9

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-61-68

Дата поступления: 01.03.2024
рецензирования: 21.05.2024
принятия: 10.06.2024

Г.Ю. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

П. Мишра

Делийский университет, г. Нью-Дели, Индия, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: gayatri.pragya2001@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9521-0437>

«Индийский парадокс» в творчестве И.А. Бунина

Аннотация: исследователи жизни и творчества И.А. Бунина сталкиваются с очевидным парадоксом: писатель, влюбленный в индийскую культуру, никогда не был в Индии, но колоритные образы, религиозно-философские настроения, антропологические и историософские идеи, связанные с древнейшей цивилизацией, нашли отражение в его произведениях. В статье рассматриваются особенности формирования «индийского кода» в творчестве Бунина, той художественной аксиологии, которая определила концептуализацию литературного материала.

Первые впечатления Бунина от созерцания Индийского океана и Цейлона библейски, религиозно окрашиваются: сопрягаются с впечатлениями от «священных текстов», где мир ценностно и иерархически центрируется Богом в пространстве Рая. Именно в этом пространстве – в месте Творения – психоментально оказался Бунин, и «индийский код» формируется в соединении природного и священного, личного и сакрального, – как особая мера, определившая доминантное отношение писателя к миру в категориях «жизненной родственности» и «вселенской отзывчивости», в образах «единоутробного братства», «колыбели человечества» и духовно-культурного родства с прародиной.

«Индийский парадокс» Бунина выявляет тот духовно-культурный потенциал русского национального самосознания, который позволяет существенно скорректировать европоцентристскую модель мироздания и миропостроения и естественно может быть востребован в решении антропологических и цивилизационных проблем современного общества.

Ключевые слова: Бунин; Восток; Индия; Цейлон; метагеография; «индийский код»; аксиология; антропология; историософия; «всемирная отзывчивость».

Цитирование: Карпенко Г.Ю., Мишра П. «Индийский парадокс» в творчестве И.А. Бунина // Семiotic studies. 2024. Т. 4, № 2. С. 61–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-61-68>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Карпенко Г.Ю., 2024 – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Мишра П., 2024 – магистр русской филологии, Делийский университет, г. Нью-Дели, Индия, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

G.Yu. Karpenko

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

P. MishraDelhi University, New Delhi, India,
Samara National Research University,
Samara, Russian FederationE-mail: gayatri.pragya2001@gmail.comORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9521-0437>

The "Indian Paradox" in the Works of I.A. Bunin

Abstract: researchers of I.A. Bunin's life and work are faced with an obvious paradox: the writer, who is in love with Indian culture, has never been to India, but colorful images, religious and philosophical sentiments, anthropological and historiosophical ideas associated with the ancient civilization are reflected in his works. The article examines the peculiarities of the formation of the "Indian code" in Bunin's work, the artistic axiology that determined the conceptualization of literary material.

Bunin's first impressions of contemplation of the Indian Ocean and Ceylon are biblically, religiously colored: they are combined with impressions of "sacred texts", where the world is value- and hierarchically centered by God in the space of Paradise. It was in this space – in the place of Creation – that Bunin psychomentially found himself, and the "Indian code" is formed in the combination of natural and sacred, personal and sacred, as a special measure that determined the writer's dominant attitude to the world in the categories of "vital kinship" and "universal responsiveness", in the images of "uterine brotherhood", "the cradle of humanity" and spiritual and cultural kinship with the ancestral homeland.

Bunin's "Indian Paradox" reveals the spiritual and cultural potential of the Russian national identity, which makes it possible to significantly correct the Eurocentric model of worldview and world-building and can naturally be in demand with respect to solving anthropological and civilizational problems of modern society.

Key words: Bunin; East; India; Ceylon; metageography; "Indian code"; axiology; anthropology; historiosophy; "world responsiveness".

Citation: Karpenko, G.Yu. and Mishra, P. (2024), The "Indian Paradox" in the Works of I.A. Bunin, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 61–68, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-61-68>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Karpenko G.Yu., 2024** – Doctor of sciences in Philology, Professor, Professor of Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Mishra P., 2024** – Master of Russian Philology, University of Delhi, New Delhi, India; Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Исследователи творчества И.А. Бунина, обратившиеся к теме «Бунин и Индия», сталкиваются с очевидным парадоксом: Иван Алексеевич Бунин, влюбленный в индийскую культуру, никогда не был в Индии. Но колоритные образы, религиозно-философские настроения, антропологические и исторические идеи, связанные с древнейшей цивилизацией, нашли отражение в его творчестве и даже сформировали «индийский код», художественную интенцию, определявшую концептуализацию литературного материала. Писатель выделяет Индию среди других стран Глобального Востока. Он мыслит Индию как колыбель человечества, как кровную родину и духовный исток евразийских народов. В одном из своих интервью он признается: «Я вообще люблю Восток и восточную религию <...> Индия же интересует меня как колыбель человечества и религии» (Летопись 2017, т. 2, с. 24).

Для индуса такая тяга Бунина к индийской культуре вполне объяснима: Индия не только яв-

ляется древнейшей цивилизацией, подарившей миру плодотворные идеи сотрудничества, но и представляет собой в силу особой духовной отзывчивости безопасное жизненное пространство, где каждый может гармонично взаимодействовать с природой, с другими людьми, проявлять себя, свои способности и даже просто жить в гармонии с самим собой, не претендуя на особый социальный статус и положение в обществе. Именно «последняя» способность индуса жить в гармонии с миром и самим собой, жить, сохраняя в себе первоустройство бытия, и привлекала Бунина.

Безусловно, в творчестве Бунина можно выделить «индийскую образность» и «индийский след» по номинативному обозначению, когда писатель открыто заявляет: «Мой пращур обитал в Индии...» (Бунин 1965–1967, т. 5, с. 301), «Три руки! Ведь это Индия!» (Бунин 1965–1967, т. 7, с. 245). С другой стороны, выявление и описание «индийского кода» сопряжено с трудностью: его

очень сложно отграничить от восточного колорита в том случае, когда речь идет о древнеиндийских верованиях, о буддизме, об историсофских и антропологических концепциях, в которых индийское сопряжено с цейлонским, а цейлонское с индийским («Соотечественник», «Город Царя Царей»). В таком случае важно в целом сориентировать и определить «восточную» точку зрения Бунина, понять ее и как своеобразную оппозицию европоцентристскому взгляду на мир, и как сохранившееся в веках первосушностное мировосприятие, дополняющее рационально-прагматическое отношение к жизни современного человека («Братья», «Отто Штейн», «Третий класс»). Отношение Бунина к Востоку отличалось от привычного европейского взгляда на Восток. И.А. Таирова совершенно справедливо пишет: «...в странах Европы знания о традициях Востока преломлялись через европейский взгляд на «неевропейскую» – чуждую, непонятную культуру. Совершенно по-особому интересовался неевропейскими культурами И.А. Бунин» (Таирова 2007, с. 347).

Восток как культурно-исторический феномен занимает особое место в жизни и творчестве И.А. Бунина. Для писателя Восток – это всеобъемлющее явление: «<...> понятие «Восток» в творчестве Бунина включает в себя традиционное для России и довольно большое содержание: это страны Ближнего и Среднего Востока (Иудея, Палестина, Аравия, Турция, Иран), Северной Африки (Египет, Тунис, Абиссиния), Дальнего Востока и Южной Азии (Индия, Цейлон, Япония, Китай)» (Ковалева 2017, т. 11, № 1, с. 72).

Полное представление о географии бунинского Востока можно получить, если обратиться к «Списку населенных пунктов, где жил И.А. Бунин», размещенному на сайте ИМЛИ РАН в разделе «Академический Бунин» (Список).

Схожую мысль о географии «русского» Востока высказывает и И.А. Таирова: «Востоком называются местоположение тех стран, которые не всегда и не вполне соответствуют географическому направлению стороны света, противоположной западу, но своим особым миром отличаются от стран Европы. Такое определение впервые возникло в Римской империи. В России принято считать Востоком культурные области Передней, Южной и Восточной Азии и отчасти Африки. Под восточными традициями подразумевается история, культура и быт древних народов Востока, основу мировоззрения которых составляла та или иная религия или мифология» (Таирова 2007, с. 347).

Е.Б. Смольянинова определяет бунинский Восток не географически, а метагеографически, актуализируя аксиологические проблемы и вопрос духовно-генетического наследования: «Загадочный мир Востока с его мистицизмом, созерцательным мировосприятием, фатализмом и фанатизмом,

идеей верности своему пути был необыкновенно притягателен для русского человека. Он хранил тайну зарождения человечества <...> Буниным он воспринимался как хранилище древней мудрости, истин и тайн, дарованных человечеству, но забытых и безвозвратно утраченных им» (Смольянинова 1996, с. 205–206).

Бунин в понимание феномена Востока по сравнению с европейским отношением вносит другое измерение. Для него Восток становится не только культурно-географическим пространством, открывающим путешественнику свои экзотические красоты и картины повседневной народной жизни, но и метагеографическим. Он больше чем географическое явление: Восток манит писателя своей «родственностью». Для него восточное – цейлоно-индийское – значило не неевропейское, а родное и близкое. Писатель смотрел на проблему не только культурологически, подчеркивая разницу мировосприятия европейского и восточного человека, но и антропологически, «реставрируя», «досотворяя» человека до состояния, каким он был в «начале», в «первые дни Творения». На такое «сверхмерное» отношение Бунина к Востоку обратил внимание еще А.М. Горький, определивший интерес писателя к Индии как «свое, органическое, наследственное тяготение к Востоку» (Горький 1955, с. 147).

Постановка проблемы

В своих произведениях писатель использовал легенды, мифы, притчи, сказания, взятые из восточных культур, которые до сих пор нуждаются в специальном комментарии. В его тексты вошли многие религиозные понятия, имена божеств, географические названия, имеющие символическое значение, такие как Индийский океан, Атман, Будда, Рикша, Цейлон (Окраина Земли). Обращаясь к реалиям Востока Бунин передал собственное мировоззрение, синтезировав опыт религиозных культур этого обширного региона и сопоставив их ответы на «вечные вопросы» с собственными. Он шел по пути осмысления «восточно-русской близости» (Бекметов 2018).

Однако, несмотря на, казалось бы, достаточную изученность и разработанность темы Востока в творчестве Бунина, на наличие обобщающих характеристик, сохраняется проблема «начала» формирования «индийского кода» и особенностей его выражения: как в мировосприятии Бунина появляется «восточное видение» и как в «восточном видении» складывается «индийский код» – не только восторженное и близкое родное, пришедшее из глубин веков «райски чувственное мироощущение», но и «телесность праотца». Проблема формирования и особенностей выражения «индийского кода», в том числе появления первых «индийских впечатлений» во время

путешествия Бунина на Цейлон посвящена предлагаемая статья.

Чтобы проследить становление «индийского кода» мировосприятия Бунина, необходимо иметь в виду и авторитетные источники. На сегодняшний день таким надежным источником является «Летопись жизни и творчества И.А.Бунина», выпуск которой запланирован в четырех томах, и к настоящему времени вышло 2 тома: Летопись жизни и творчества И.А.Бунина. Т. 1 (1870–1909) / сост. С.Н. Морозов. Москва: ИМЛИ РАН, 2011. 944 с.; Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / сост. С.Н. Морозов. Москва: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.

Как формируется «индийский» взгляд Бунина, восприятие Востока – «ненасытное восприятие» (Бунин, т. 3, с. 483), отражают многие документы, собранные С.Н. Морозовым в фундаментальном издании «Летопись жизни и творчества И.А. Бунина».

Ход исследования

Первыми впечатлениями Бунин делится в письме к своему брату Юлию от 19 февраля (4 марта), сообщая ему: «Мы уже в Индийском океане <...> Чувствую себя счастливым, дай Бог не сглазить» (Летопись 2017, с. 90). В этих первых впечатлениях Бунин сопрягает очень важные величины и состояния: Индийский океан вызывает чувство счастья, причем такого, что оно – особого качества и ценности – нуждается в своеобразной сакрализации, освящении, защите «от сглазу»: «Дай Бог не сглазить». В письме Бунина обращает на себя внимание такая необычная характеристика в одно слово открывшейся его взору равнины: «обширная низменность цвета слона» (Летопись 2017, с. 90). Примечательно, что Бунин оценивает цвет низменности, используя не прилагательное, а характерное существительное «слон», тем самым передавая не только цвет, но и шероховатость поверхности обширной пустыни. Он использует сочетание «низменность цвета слона», чтобы описать окружающее серое пространство, которое может показаться всем тусклым цветом, но сравнение ее низменности со слоном меняет ее восприятие, придавая ей особое значение: в индийской культуре слон символизирует такие качества, как божественность, королевскую власть и силу. Семиотически уже в первых эмоционально-лексических реакциях Бунина задан определенный ценностный масштаб восприятия: Индийский океан, обширная низменность, слон, счастье, Бог, – задана мера величия и душевно-духовного простора. Писатель чувствует, что он оказался в другом ценностном пространстве, в иной точке бытия. Бунин сообщает брату: «Вид этого нового неба возбудил во мне странные чувства, точно я еще раз, сознательным, родился на земле право,

что-то вроде этого и было грустно, потому что, наверно, не увижу я этого неба еще раз уже никогда. Хорошо и то, что ни души нет, кроме нас, на пароходе <...> Нынче утро было очень тяжелое, очень влажное, облачное <...>. В 9 часов прошли мимо Перима, к завтраку прошли пролив и сразу стало легче, свежее, светло, знойно-весело: Индейский океан!» (Летопись 2017, с. 90). Бунин был поражен огромным небом и назвал его «новым небом», потому что оно дало ему необычные переживания, которых он никогда раньше не испытывал. Он чувствовал себя «заново» рожденным, как будто только начал понимать суть бытия, тайну жизни, соотношенную в его переживании с «новым небом» и «Индийским океаном!» Но речь идет скорее и точнее не о физическом рождении вновь, а о переживании той «родственной жизненности», которая связана с этими божественными реалиями, речь идет об узнавании своей прародины, о таком эффекте, когда человек не помнит, что он «здесь» был, но психобиологически, рецептивно чувствует, что «здесь» он, конечно, был.

Именно «здесь», в точке претворения, собирания всех «восторгов» бытия, рождается другое – не книжное – восприятие мира, обретается понимание его непостижимых тайн. Позже в рассказе «Воды многие» Бунин передаст в художественной форме случившееся с ним освобождение, преобразование: «Уже в Океане. Совсем особое чувство – безграничной свободы. <...> Долго ходил по палубе с необыкновенной легкостью, наслаждаясь бьющим в лицо ветром. Потом решительно пошел в каюту, развязал набитый книгами чемодан, который мы с ненавистью таскали всю зиму по отелям в Египте, и торопливо стал отбирать прочитанное и не стоящее чтения. А отобрав, стал бросать за борт и с большим облегчением смотреть, как развернувшаяся на лету книга плашмя надает на волну, качается, мокнет и уносится назад, в океан – навеки. Думала ли она <...> кончить свои дни в Индийском океане! <...> Выбросив несколько книг и успокоившись, будто сделал что-то очень нужное, после чего все должно пойти гораздо лучше, глядел с палубы в пустой простор этих «вод многих», со всех сторон безответно объемлющих нас, все с тем же вопросом в душе: за что и зачем? – и в этой же самой божьей безответности, – непостижимой, но никак не могущей быть без смысла, – обретая какую-то святую беззаботность» (Бунин, т. 5, с. 326–327).

Удивительное признание Бунина: уже в первых своих переживаниях он почувствовал себя человеком, мировосприятие которого зародилось в «этих местах». Оно не вычитывается из человеческих книг, а рождается здесь, среди людей, которые почитают «только Библию, Коран, Веды! <...> знают одно – древнюю «покорность Вожатому» (Бунин, т. 5, с. 327).

Следует обратить внимание, как Бунин семиотически оформляет предельно значимые для себя переживания: Индийский океан, Библия, Коран, Веды – эмоционально «нагруженные», сакрализуемые слова, неизменно «освящаемые» восклицательным знаком. Для Бунина восклицательный знак – это очень сильный знак. По наблюдениям Н.В. Пращерук, «...восклицательные предложения, в целом не характерные для бунинской манеры письма» (Пращерук 2022, с. 37).

Получается так, что именно «восклицательное» величие Индийского океана, которое в рассказе «Воды многие» побудило Бунина предположить эпиграф из Псалтири «Господь над водами многими...» (соединить тем самым в своем сознании-восприятии «индийское» и библейское), и «подтолкнуло» писателя «упокоить» многие книги в «водах многих». Индийский океан как духовная мера подлинного, рождающаяся прежде всего в интимно-личностном мировосприятии, в органике душевного подарил Бунину и пробудил в нем чуткость к первоначально первичным смыслам и ценностям бытия, которые не вычитываются из книг, а открываются «утробно» в созерцании-восторге.

Поэтому не случайно и закономерно, что Бунин, находясь под впечатлением от потрясающего масштаба увиденного, создает стихотворения «Океан под ясною луной...», «Мелькают дали, черные, слепые...», «Ночлег» («В вечерний час тепло во мраке леса...») и указывает, где и когда они были написаны, фиксирует не только время – февраль 1911 года, но и место – Индийский океан (Бунин, т. 1, с. 331–332). Ценностно-семантически место пребывания Бунина – Индийский океан – сопрягается в стихотворениях с местом Творения, с первосущностными силами – с «небесными Силами» (Бунин, т. 1, с. 332), порождающими мир и «руководящими» им: «Бог, в довременный хаос погруженный, / Мрак сотрясает ропотом своим» (Бунин, т. 1, с. 332). И в этом Богом сотворенном месте Бунин испытывает родственность своей души распахнувшемуся мирозданию: «И растворишься, исчезни в небе чистом – / Вернись на родину, душа!» (Бунин, т. 1, с. 332).

Так Бунин уже в начальных впечатлениях преодолевает «романтический экзотизм» открывающихся картин: «здесь» – в Индийском океане, под «чистым небом» – он видит и переживает не экзотическое, а родное и близкое.

В марте 1911 года Бунин путешествует по Цейлону. В письме к брату Юлию от 6 (19) марта Бунин пишет: «Цейлон так поразил и меня, и Веру, что были мы там положительно как в горячем сне. Ни на что не похоже – и хорошо, одуряюще хорошо так, что начинаешь верить, что здесь был Рай, и всем существом чувствуешь, что перенесен в древность, на землю первобытных богатств и

роскоши. Ты знаешь, меня первое время ничто не поражает, но тут я ошалел» (Летопись 2017, т. 2, с. 93).

Нетрудно заметить, что писатель фиксирует свои психоментальные состояния словами эмоционального предела и восторга («Цейлон поразил», «в горячем сне», «одуряюще хорошо», «я ошалел»), Вот это чувство «новой» сокровенной радости Бунин воплотит в дальнейшем в своем творчестве в образах цейлоно-индийской и русской родственности. Для него (уже в изначальном восприятии) Цейлон и Индия – это, безусловно, Рай, колыбель, чарующая и влекущая древность первобытных богатств в их материальном и духовном выражении: открывающиеся его взору картины социальной жизни при всех их мрачности не смогут затемнить радостного переживания своего душевно-духовного первородства.

Как видим, первоначальные впечатления Бунина, связанные с Индией и Цейлоном, находят свое выражение в образах, которые встречаются в «священных текстах», где мир ценностно и иерархически центрируется Богом в пространстве Рая. Именно в этом пространстве психоментально оказался Бунин, и «индийский код» формируется в соединении природного и священного, личностного и сакрального, – как особая мера, определившая доминантное отношение писателя к миру в категориях «жизненной родственности» и «вселенской отзывчивости».

Индийско-цейлонское пространство мыслится и воспринимается писателем как «добιοграфическая» родина, с которой он связан «чувственной памятью», доставшейся ему от далеких предков, проживавших именно в этом регионе и передавших в процессе «исхода» и расселения такой редкий дар, как «воспоминание»: «А воспоминание, – употребляю это слово, конечно, не в будничном смысле, живущее в крови и тайно связующее нас с десятками и сотнями поколений наших отцов, живших, а не только существовавших, воспоминание это, религиозно звучащее во всем нашем существе, и есть поэзия, священнейшее наследие наше, и оно-то и делает поэтов, сновидцев, священнослужителей слова, приобщающих нас к великой церкви живших и умерших» (Бунин 1998, с. 168).

Именно Восток «воскресил» в Бунине глубинное свойство души, особое знание, которое, по мысли писателя, покоится в потаенном виде в каждом человеке и в подсознательной, чувственной форме наследуется им из поколения в поколение. Человек обладает удивительной способностью, «чувственной памятью», он наделен «чувствующей душой», «помнящим сердцем» (Карпенко, Франковская 2023, т. 1, № 4, с. 18–27). «Чувственная память» есть «нечто такое, что недоступно обычной человеческой памяти» (Бунин, т. 9, с. 45). Она определяется писателем как особая специфика

ческая способность человека знать душой, сердцем: «Но ведь слишком скудно знание, приобретаемое за нашу личную краткую жизнь – есть другое, бесконечно более богатое, то, с которым мы рождаемся» (Бунин, т. 6, с. 13).

«Чувственная память» – это общее достояние человечества, она наследуется и свидетельствует о том, что в людях течет единая жизнь: «Единая жизнь совершает свое таинственное странствование через тела наши, стремись же ощутить это единство и благоговеи: в нем твое бессмертие (долгота дней) и самоутверждение» (Бунин, т. 5, с. 318).

Но есть особый род людей (к нему Бунин относил и себя), который наделен исключительной способностью: «Способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и прочих, – то есть, как принято говорить, способностью перерождения и, кроме того, особенно живой и особенно образной (чувственной) Памятью» (Бунин, т. 5, с. 302); «Эти люди, одаренные великим богатством восприятий, полученных ими от своих бесчисленных предшественников, чувствующие бесконечно далекие звенья Цепи, существа, дивно (и не в последний ли раз?) воскресившие в своем лице силу и свежесть своего райского праотца, его телесности. Эти люди райски чувственные в своем мироощущении, но рая уже лишённые» (Бунин, т. 5, с. 306).

Бунин, воплощая в своем творчестве концепцию цейлоно-индийского и русского родства, постоянно подчеркивает сходство географически удаленных друг от друга культур: «деревянная статуя» на Цейлоне расписана, как «точь-в-точь деревянные миски и чашки на наших ярмарках» (Бунин, т. 4, с. 403); а московская «Богородица треручица» отсылает к образам Индии: «Три руки! Ведь это Индия!» (Бунин, т. 7, с. 245).

Но для писателя важны не только признаки внешнего сходства, но и проявления духовно-чувственного «воспоминания» о своей прародине (об этом говорит Никита Зотов, герой рассказа «Соотечественник»): «Дело, говорит он, не в одном внешнем сходстве <...> он уже видел, чувствовал индийские тропики, может быть, тысячи лет тому назад, – глазами и душой своего бесконечно давнего предка» (Бунин, т. 4, с. 403–404).

О переживании «единоутробного» родства с «давними предками» Бунин пишет в рассказе «Город Царя Царей» (Бунин, т. 5, с. 132). В религиозно-философском рассказе «Ночь» он еще раз обращается к волнующему его антропному комплексу, роднящему лирического героя с индийскими предками: «Но ведь так вероятно, что мои пращуры обитали именно в индийских тропиках. Как же могли они, столько раз передававшие сво-

им потомкам и наконец передавшие и мне почти точную форму уха, подбородка, бровных дуг, как могли они не передать и более тонкой, невесомой плоти своей, связанной с Индией? Есть боящиеся змей, пауков «безумно», то есть вопреки уму, а ведь это и есть чувство какого-то прежнего существования, темная память о том, например, что когда-то древнему пращуру боящегося постоянно грозила смерть от кобры, скорпиона, тарантула. Мой пращур обитал в Индии» (Бунин, т. 5, с. 301).

Итак, Бунин последовательно проводит мысль о причастности русского человека к общей мировой истории, о его кровно-духовной связи с единым – цейлоно-индийским – истоком человеческого рода.

Не случайно Бунин, безусловно, знакомый с различными научными и религиозно-мифологическими концепциями происхождения человечества, в рассказе «Город Царя Царей» ссылается на ту из них, которая сводит цейлоно-индийскую традицию и библейскую (ветхозаветную и даже кораническую) к одному корню (Минаев 1878, ч. 1, с. 5, 65). Согласно распространенной легенде (Геккель 1899, с. 123–124) первыми действующими лицами «арийского царства» были библейские герои Адам, Ева, Авель и Каин: «Создатель сделал его раем, местом сотворения человека, и отдал Адаму в полное владение» (Бунин, т. 5, с. 130–131). Адам, нарушив запрет Бога, перебрался вместе с Евой по сооруженному им мосту – Адамову мосту – в Индию, положив тем самым начало развитию всего человечества. Так в творчестве Бунина оформляется историософская мифологема не только географического единства индийского и цейлонского пространств, но и духовного родства разных религиозных традиций, – так получает концептуальное выражение идея «восточного» – индийского – пути европейского человечества (Карпенко 2024, с. 123–134).

Выводы

Культурно-историческая значимость «индийского кода», получившего свою реализацию в произведениях Бунина, видна в сравнении. С одной стороны, бунинская концепция культурной взаимности является своеобразной формой выражения таких свойств русского национального характера, как «всемирная отзывчивость», «всепримиримость», «всечеловечность», впервые запечатленных, по словам Ф.М. Достоевского, в творчестве Пушкина: «... ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено» (Достоевский 1984, т. 26, с. 148), – и, безусловно, изначально имеющих христианскую основу (Бердникова 2009), (Ковалева 2024, с. 153–171). С другой стороны, в европейской культуре формировались концепции антропологической исключи-

тельности (Фихте 2009, с. 128, 166), (Тайлор 1898, с. 62–76). Так, Г.В.Ф. Гегель в «Лекциях по философии истории», читанных в 1822–1830-м годах, хотя и признает, что «Индия является исходным пунктом для всего западного мира» (Гегель 1993, с. 181), все же «диалектично» утверждает историческую смерть индийского духа, который никак, по его словам, не повлиял на становление мирового процесса: «Распространение индийских элементов является доисторическим <...> Выход Индии за ее пределы вообще является лишь немым распространением» (Гегель 1993, с. 181–182), – и, находясь во власти германопассионарных настроений, заключает: «Германский дух есть дух нового мира» (Гегель 1993, с. 361). «Какое заблуждение!» (Ренан 1902, т. 6, с. 95) – восклицал Э. Ренан, осуждая германские и европейские претензии на историческое и мировое господство: «Это весьма крупная ошибка, которая погубила бы европейскую цивилизацию, если бы сделалась господствующей» (Ренан 1902, т. 6, с. 94).

Именно в широком культурологическом контексте и должна быть осмыслена бунинская концепция о русско-индийском родстве. «Индийский парадокс» Бунина, таким образом, выявляет тот духовно-культурный потенциал национального самосознания, который позволяет существенно скорректировать европоцентристскую модель мировидения и миропостроения и, естественно, может быть востребован в решении антропологических и цивилизационных проблем современного общества.

Источники фактического материала

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Москва: Художественная литература, 1965–1967. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием тома и страницы.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. Москва: Наследие, 1998. 640 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август. Ленинград: Наука, 1984. 518 с.

Библиографический список

Бекметов Р.Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: РИЦ «Школа», 2018. 328 с.

Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж: Воронежская обл. типография; Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. 272 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 479 с.

Геккель Э. Натуралист под тропиками. Москва: Русская мысль, 1899. 196 с.

Горький А.М. Письмо И.Ф. Жиге от 15 августа 1929 г. // Горький А.М. собр. соч.: В 30 т. Т. 30: Письма, телеграммы, надписи. Москва: ГИХЛ, 1955. С. 146–147.

Карпенко Г.Ю. Путь с Востока: И.А.Бунин и Н.К. Рерих о единстве человечества (литературно-исторический и антропологический контекст) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. № 1. С. 123–134.

Карпенко Г.Ю., Франковская Л.В. Особенности художественной гносеологии И.А. Бунина: от наблюдения до «чувственной памяти» // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Филология. 2023. № 4 (42). Т. 1. С.18–27.

Ковалева Т.Н. Мир востока в лирике И.А. Бунина 1900–1910-х годов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11, № 1. С. 72–76.

Ковалева Т.Н. Евангельская основа темы братства людей в творчестве И.А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 2. С. 153–171. DOI: <http://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13582>.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / сост. С.Н. Морозов. Москва: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.

Минаев И.Н. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского: В 2 ч. Санкт-Петербург: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1878.

Пращерук Н.В. Проза И.А. Бунина: философия, поэтика, диалоги. Екатеринбург: Изд-во Урал. унта; Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 432 с.

Ренан Э. Собрание сочинений: В 12 т. Киев: Издание Б.К. Фукса, 1902.

Смольянинова Е.Б. «Буддийская тема» в прозе И.А. Бунина // Русская литература. 1996. С. 205–212.

Список населенных пунктов, где жил И.А. Бунин // ИМЛИ РАН. Академический Бунин. URL: <https://ivbunin.ru/index.php/biografiya/spisok-naselennykh-punktov-gde-zhil-i-a-bunin> (дата обращения 10.05.2024).

Таирова И.А. (Таварацян И.А.) Знаки памяти «величия Вселенной» в поэзии И.А. Бунина // Текст: проблемы перспективы. Москва: Макс Пресс, 2007. С. 347–349.

Тайлор Э.Б. Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации. Санкт-Петербург: Издание И.И. Билибина, 1898. 434 с.

Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 349 с.

References

Bekmetov, R.F. (2018), *Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue)*, RIC "Shkola", Kazan, Russia.

- Berdnikova, O.A. (2009), *"God's Peace is so sweet to the heart": I. Bunin's work in the context of the Christian spiritual tradition*, Voronezhskaya oblastnaya tipografiya; Izdatel'stvo imeni E.A. Bolxovitinova, Voronezh, Russia.
- Hegel, G.W.F. (1993), *Lectures on the philosophy of history*, Nauka, St. Petersburg, Russia.
- Haeckel, E. (1899), *Naturalist under the tropics*, Russkaya my'sl', Moscow, Russia.
- Gorky, A.M. (1955), Letter to I. F. Zhige dated August 15, 1929, Gorky A.M. *Collected works: In 30 vol. t. 30: Letters, telegrams, inscriptions*, GIHL, Moscow, Russia, pp. 146–147.
- Karpenko, G.Yu., (2024), The Way from the East: I.A.Bunin and N.K. Roerich on the Unity of mankind (literary, historiosophical and anthropological context), *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Philological sciences*, no. 1, pp. 123–134.
- Karpenko, G.Yu. and Frankovskaya, L. (2023), Features of I.A. Bunin's artistic epistemology: from observation to "sensory memory", *Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. Philology*, vol. 1, no. 4 (42), pp.18–27.
- Kovaleva, T.N. (2017), The World of the East in the lyrics of I.A. Bunin of the 1900-1910s, *Izvestiya Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities*, vol. 11, no. 1, pp. 72–76.
- Kovaleva, T.N. (2024). The evangelical basis of the theme of the brotherhood of man in the works of I.A. Bunin, *Problems of historical poetics*, vol. 22, no. 2, pp. 153–171, DOI: <http://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13582>.
- Chronicle of the life and work of I.A. Bunin* (2017), vol. 2 (1910-1919), S.N. Morozov (Comp.), IMLI RAS, Moscow, Russia.
- Minaev, I.N. (1878), *Essays on Ceylon and India. From the travel notes of the Russian: In 2 vols.*, L.F. Panteleev (ed.), St. Petersburg, Russia.
- Prashcheruk, N.V. (2022), *I.A. Bunin's prose: philosophy, poetics, dialogues.*: Ural Publishing House, Yekaterinburg; Aleteya, St. Petersburg, Russia.
- Renan, E. (1902), *Collected works: In 12 vols.*, B.K. Fuchs (ed.), Kiev, Russia.
- Smolyaninova, E.B. (1996), "Buddhist theme" in the prose of I.A. Bunin (the story "The Cub of Life"), no. 3, pp. 205–212, Russian literature, Russia.
- List of settlements where I.A. Bunin lived* (2024), IMLI RAS, Academic Bunin, [Online], available at: <https://ivbunin.ru/index.php/biografiya/spisok-naselennykh-punktov-gde-zhil-i-a-bunin> (Accessed 05 October 2024).
- Tairova, I.A. (2007), *Signs of memory of "greatness of Universe" in the poetry of I.A. Bunin, Text: problems of perspective*, pp. 347–349, MAKS Press, Moscow, Russia.
- Tylor, E.B. (1898), *Anthropology. Introduction to the study of man and civilization*. Edition of I.I. Bilibin, St. Petersburg, Russia.
- Fichte, I.G. (2009), *Speeches to the German nation*, Nauka, St. Petersburg, Russia.

Submitted: 01.03.2024

Revised: 21.05.2024

Accepted: 10.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-69-77

Дата поступления: 01.02.2024
рецензирования: 06.06.2024
принятия: 15.06.2024

К.В. Сарычева

Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: kr.sarycheva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1357-900X>

Семиотика самоидентификации в эго-документах 1930-х гг.: на примере архива И.А. Гринеvской

Аннотация: в статье анализируется семиотический механизм выстраивания личностной, литературной и гражданской самоидентификации писательницы И.А. Гринеvской в ее эго-документах 1930-х гг. Материалом исследования послужила переписка И.А. Гринеvской с директором Центрального литературного музея В.Д. Бонч-Бруевичем и переданные ею в музей воспоминания («История моих Восточных поэм» и «Я среди людей мира (Мой энциклопедический словарь)»), которые по большей части писались одновременно с обсуждением передачи их в музей, в 1930-е гг. История передачи в музей архива впервые рассматривается с точки зрения столкновения личной воли владельца и государственной системы со стороны музея, как событие, которое привело к переписыванию личных документов и выстраиванию самоидентификации заново. Восприятие личных архивов определяет различие в отношении к государству: Гринеvская выделяла себя из круга современников, она сама как свидетельница многих выдающихся людей и ее архив обладали символической ценностью, конвертируемой в денежный эквивалент, тогда как Бонч-Бруевич уравнивал ее с другими держателями архивов, требовал от нее служения государственному делу построения музея, гражданского самосознания, знаком которого считал акт передачи личных бумаг в музей. Как показано в статье, в переданных воспоминаниях писательница старалась примирить гражданскую и личную идентичность не только на уровне содержания, где прослеживаются знаки преданности государству и размышления о миссии писателя, но также в структуре и композиции повествования.

Ключевые слова: семиотика самоидентификации; модели поведения; мемуары; архив; музей; эго-документы.

Цитирование: Сарычева К.В. Семиотика самоидентификации в эго-документах 1930-х гг.: на примере архива И.А. Гринеvской // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 2. С. 69–77. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-69-77>.

Благодарности: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сарычева К.В., 2024 – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

K.V. Sarycheva

A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kr.sarycheva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1357-900X>

Semiotics of Self-identification in the 1930s Ego-documents (the Example of Isabella Grinevskaya's Archive)

Abstract: the present paper aims to explore the development of the personal, literary and civil self-identification of the writer Isabella Grinevskaya in her ego-documents. The research material was the correspondence of Grinevskaya with the director of the Central Literary Museum Vladimir Bonch-Bruевич and her memoirs

she transferred to the museum, which for the most part were written simultaneously with the discussion of transferring them to the museum in the 1930s. In the article, for the first time, documents transferred to the museum are examined from the point of view of the semiotic mechanism of building self-identification as a result of the collision of the personal will of the owner and the state system on the part of the museum. The study revealed differences in the perception of personal documents by the museum director and the writer. Grinevskaya saw her special role in literature as a witness to outstanding contemporaries, while Bonch-Bruевич equated her with other owners of archives, demanded that she serve the state cause of building a museum, civil consciousness, the manifestation of which he considered the act of transferring personal papers to the museum. As shown in the article, in the transmitted memoirs the writer tried to reconcile civil and personal identity not only at the level of content, where signs of devotion to the state and reflection on literary work can be outlined, but also in the structure and composition of the narrative.

Key words: semiotics of self-identification; models of behavior; memoirs; archive; museum; ego-documents.

Citation: Sarycheva, K.V. (2024), Semiotics of Self-identification in the 1930s Ego-documents (the Example of Isabella Grinevskaya's Archive), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 69–77, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-69-77>.

Acknowledgments: the research was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences under the grant of the Russian Science Foundation No. 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Sarycheva K.V., 2024 – candidate of philology, senior research fellow of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, build. 1, Povarskaia str., Moscow, 121069, Russian Federation.

Введение

Согласно определению, приведенному в статье Е.Е. Бразговской «Семиотика идентичности» (Бразговская 2014), акт идентификации (отождествления) – «это семиотическая практика, основанная на обнаружении знаков идентичности, которыми актуализируется общий признак / признаки объектов внутри класса. Таким образом, семиотика видит отождествление сквозь призму иконического подобия» (Там же, с. 109). Процессы идентификации и самоидентификации Бразговская рассматривает как реализации модели отождествления: «Оба процесса основаны на отображении внешнего референта (объекта отождествления) и выделении знаков идентичности» (Там же).

Самоидентификация происходила во многих эго-документах 1920-х–1930-х гг., (анализ эго-документов советского времени см.: Хелльбек 2021; Паперно 2021). Согласно закрепившемуся в науке представлению о дуальности советской культуры, люди так или иначе отталкивались от государственной идеологии, в своем поведении они могли им следовать или уклоняться от официально заданных моделей поведения, но всегда согласовывали с ними свое поведение и образ. И.Ю. Савкина, проанализировав дневники авторов-женщин, показала, что для них существенным являлось соотношение еще и с женскими моделями поведения (Савкина 2023, с. 334–354; с. 355–376). Для нашего исследования актуальными станут обе обозначенные модели самоидентификации. Привлекший наше внимание архив И.А. Гриневской мы будем рассматривать как один из возможных вариантов

самоидентификации в эго-документах 1930-х гг. Мы будем рассматривать то, как сама писательница *характеризовала* свою идентичность, сравнивая ее высказывания в разных документах. Конечно, судить о том, насколько слова совпадали с ее внутренним самоопределением, в рамках нашего исследования, не представляется возможным.

Архив Гриневской относится к той части ее наследия, которая привлекает наиболее активный интерес исследователей (см. биографию: (Гришунин 1992; Митник 2006; Митник 2023; Виноградова 2011; Гриневская 2017; Гриневская 2019; Гриневская 2020; Леоненко 2018)). Мы обратимся к документам И.А. Гриневской, хранящимся в РГАЛИ (ф. 125, 580 ед. хр.), куда они поступили после смерти писательницы из Государственного литературного музея. В фонде хранятся переписка, статьи, очерки, афиши, вырезки из газет, старые описи архива. В РО ИРЛИ (1362 ед. хр.), куда Гриневская передала архив перед смертью, в 1944 г., многие документы дублируются, однако, фонд более обширный и в нем наличествуют, например, записные тетради Гриневской, которых нет в РГАЛИ. Отличаются обстоятельства и прагматика передачи архивов: документы в РО ИРЛИ Гриневская сдавала по собственной инициативе незадолго до смерти (Виноградова 2011). В Государственный литературный музей¹ архив передавался по запро-

¹ В 1931 г. была сформирована Комиссия по устройству Центрального литературного музея. В 1933 г. был образован Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики. В 1934 г. он слился с Литературным музеем Государственной библиотеки имени В.И. Ленина.

су его директора, Вл.Д. Бонч-Бруевича, несколько раньше, в 1930-е гг., последние комплекты документов музеем были получены в 1941 г.

Е.В. Леоненко проанализировала стратегии самопрезентации И.А. Гриневской как писательницы в ее эго-документах, находящихся в РО ИРЛИ (Леоненко 2022), в частности, в «Истории моих Восточных поэм», на которой мы также сфокусируем внимание. Кроме этого мы привлечем и ранее не изученные документы: переписку Гриневской с директором музея о передаче личных документов и воспоминания «Я среди людей мира (Мой энциклопедический словарь)». Все перечисленные документы документов относятся к 1930-м гг.

В рассматриваемом процессе подготовки архива и его передачи в музей сталкиваются интересы двух субъектов действия: государства и частного лица – владелицы личных документов. Основную цель своего исследования мы видим в том, чтобы, сравнив модели поведения и образ Гриневской, создаваемый ею в письмах, с одной стороны, и в мемуарах – с другой, понять, в какой мере модели и образы, идеологически предписанные государством, представителем которого являлся Бонч-Бруевич, были ею усвоены, какие приемы она использует для их воспроизведения. Реконструируемая в статье история проливает свет на обстоятельства музейного дела, поскольку позволяет поставить более общий вопрос о том, как влияло отчуждение личного архива, инициированное государством, на самоидентификацию владельца.

Ход исследования

Знакомство Вл.Д. Бонч-Бруевича и И.А. Гриневской произошло предположительно после того как в 1931 г. была создана Комиссия по устройству Центрального литературного музея и выявлению документов, и Бонч-Бруевич активно занялся поиском и приобретением личных архивов. Ему в этом помогали многие корреспонденты. От кого-то из осведомителей Бонч-Бруевич выяснил, что Гриневская пишет воспоминания, которые он хотел приобрести для музея. В письме к Бонч-Бруевичу от 9 ноября 1940 г. Гриневская напоминала: «...вы первый обратились ко мне с предложением посылать Музею мои воспоминания и обратились ко мне в такой форме, которую я всегда ценила в отношении ко мне и которая всегда заставляла меня оказывать предпочтение материальным посулам» (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 745. Л. 54). Сразу следует отметить, что термин «архив» и «воспоминания» в переписке и в самих документах Гриневской используются как синонимы. Под «архивом» Бонч-Бруевич понимал прежде всего «документы личного происхождения» – мемуары, дневники, письма.

В ответ на просьбы Бонч-Бруевича прислать архив Гриневская отвечала обещаниями. Она при-

сылала не совсем то, что от нее ожидал директор музея, а очерки, статьи, книги и другие предметы из своей коллекции. Писательница пребывала в бедственном положении и благодаря продаже предметов в музей могла получить средства к существованию. В ее собственном понимании она сама как свидетельница ушедшей эпохи и выдающихся ее представителей, и, соответственно, предметы ее коллекции имели особую символическую значимость и должны быть по достоинству оценены государством. В то время как для музея архив Гриневской – один из большого множества архивов других держателей. Сама себя она выделяла из круга современников, и мужчин, и женщин: «...я выступала в качестве лектора часто и вместе с первоклассными профессорами и одна в самых многолюдных публичных собраниях, а в качестве декламатора с известнейшими артистами. В этом отношении я являюсь уникалом среди поэтов, беллетристов, драматургов: (знаю всего несколько только мужчин поэтов, читавших публично лекции, особенно в таком окружении, как я. (И за все это – ничтожная пенсия, не могу удержаться, чтобы не воскликнуть)» (РГАЛИ, Ф. 612 оп. 1 ед. хр. 745. Из письма к Бонч-Бруевичу 9 января 1933 г. Л. 4об).

Отчуждая от себя эти предметы, символы собственной уникальности, Гриневская оставалась свидетельницей, но не имела уже вещественных подтверждений этому. В то же время музей оценивал предметы из ее коллекции так же, как предметы других владельцев. Музеем у Гриневской были закуплены бюсты: бюст Л.Н. Толстого работы Аронсона и бюст Гриневской работы Л.Л. Толстого; альбом с шаржами Поля Робера; комплект книг, приобретенных у нее за 300 р. Пенсия Гриневской в 1933 г. составляла 100 рублей, в конце 1936 г. – 200 руб. в месяц. Затем музей приобрел у нее альбом с шаржами Поля Робера, платой за который – 29 рублей, чем Гриневская была возмущена. У нее были также приобретены бюсты Аронсона Л.Н. Толстого, и ее бюст работы сына Толстого Льва Львовича за 150 р.

Недостаточно высокая оценка предметов ее коллекции – одна из часто повторяющихся тем в переписке (например, 11 апреля 1934 г. она выражала в письме к Бонч-Бруевичу надежду на то, что оплату за бюсты повысят). В то же время, видя, насколько для Бонч-Бруевича ценен архив, а именно воспоминания, и, нуждаясь в деньгах, могла бы получить хорошую сумму за него, она не торопилась его передавать, объясняя это тем, что ей нужно привести его в порядок и переписать. В одном из писем (8 июня 1939 г.) Гриневская поясняла, зачем ей нужно это делать: она якобы имела обыкновение писать на оборотных сторонах черновиков, и это было неудобно для чтения. Опасения писательницы понятны: она не хотела, чтобы эти черновики кто-то увидел.

С самоидентификацией себя как свидетельницы и хранительницы литературы согласуется и корпус документов, которые писательница передавала в музей: очерки и воспоминания о литераторах. На протяжении всех 8 лет переписки с Бонч-Бруевичем она постоянно, почти в каждом письме, интересовалась судьбой очерка о братьях Чириковых, который прислала для публикации в «Звеньях». Характерно, что Бонч-Бруевич принял этот очерк в редакционный портфель сборника, однако в фонд Гриневской он не был включен, поскольку такого рода тексты его не интересовали: в очерке о братьях Чириковых личная позиция автора заглушена, воспоминания замаскированы под литературно-критическое сочинение.

После долгих уговоров и просьб со стороны Бонч-Бруевича и уклонений Гриневской в их переписке весной 1934 г. заметно нарастает напряжение. В письме от 10 марта 1934 г. Бонч-Бруевич просит прислать архив и утверждает, что он слышит от других людей, что она работает над ним: «Жду не дождусь, когда Вы пришлете основной Ваш архив? Слышу со всех сторон, что Вы над ним много работаете и, наверное, все уже привели в порядок. Очень мне хотелось бы видеть хотя бы часть списка Вашего архива. Если что у Вас готово, пожалуйста, пришлите мне» (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 745. Л. 26).

Возможно, намек в письме на то, что за работой Гриневской наблюдают, или другие обстоятельства, не упомянутые в переписке, повлияли на писательницу, но в следующем письме, машинописном, не датированном в отличие от других писем Гриневской, но имеющем номер (№ 3836), проставленный при регистрации в ЦЛМ, который позволил нам его отнести примерно к началу апреля 1934 г., происходит резкая перемена: Гриневская наконец дает подробную опись своего архива, в который включены очерки, рукописи, ее корреспонденция, и при этом преуменьшает его значимость:

«Мне приятно, что Вы проявляете интерес к моему архиву. Но чтобы вы не были разочарованы, скажу вам: в нем нет ничего архи стародавнего (ср. с тем, что она говорила в другом письме, что наоборот, стиль ее устарел и поэтому он не может быть интересен музею. – К.С.). Все материалы – состоят из моих сочинений, (1) вышедших книгами, 2) напечатанных в разных газетах и журналах и рукописных) и материалов, касающихся этих сочинений и меня, вернее, моей литературно-научной деятельности, а также сценической» (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 745. Л. 29).

Опись архива должна была показать Бонч-Бруевичу преданность Гриневской государственному делу создания музея, что согласуется с выражением гражданского самосознания, очевидно, навязанное Бонч-Бруевичем, для которого граждан-

ское самосознание означало готовность расстаться со своими документами:

«Верьте, глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич, что делаю все возможное для приведения в должный вид моего архива.

Еще раз прошу верить в мое искреннее желание делать все, что в моих силах в пользу прекрасного Вашего дела» (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 745. Л. 32).

Ранее, как мы видели, Гриневская придерживалась нейтральной позиции по отношению к государству, не отождествляя, но и не противопоставляя себя ему. Теперь же государство, гражданское самосознание были обозначены как то, с чем она обязана была соотносить свое поведение. В приведенном письме она разделяет свои идентичности как «поэтессы» и как «гражданки», при этом гражданская идентичность, сопряженная с бытовыми неудобствами, ее тяготит. Она снова делает акцент на том, что она – женщина, в этот раз, как кажется, с целью вызвать у адресата снисходительное отношение: «Видите, глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич, как вышеупомянутым двум женщинам поэтессе Из. Грин. и гражданке трудно справляться со всеми этими обстоятельствами» (РГАЛИ, Ф. 612 оп. 1 ед. хр. 745. Л. 31об).

Опись архива в понимании Гриневской, по-видимому, была только знаком преданности делу создания музея, чтобы вселить в своего корреспондента надежду. Однако и дальше Гриневская продолжала уклоняться от вопросов об «архиве», в письмах переводила тему обсуждения на свои статьи. Во второй половине 1935 г. Бонч-Бруевич начал психологически давить на свою корреспондентку, одновременно все больше втягивая ее в дело создания музея. Например, 11 ноября 1935 г. Бонч-Бруевич благодарил ее за то, что она помогает находить архивы и приведенный ниже пассаж прочитывается как угрожающее послание самой Гриневской:

«Благодарю Вас за постоянные хлопоты о нашем Музее и за то, что Вы всем постоянно о нем напоминаете. Но знайте, русскую публику надо долбить, как капля по капле камень долбит, так и камень этот – интеллигенцию надо раздолбивать и может быть через год и другой-третий энергия появится и тот или другой человек, имеющий архивы в конце концов поймет, что он может превратить свои материалы в рубли и купить себе то, что ему не хватает, наконец, расшевелится и пришлет» (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 745. Л. 67).

11 ноября 1936 г. Гриневская сообщила Бонч-Бруевичу, что отнесла на почту пакет с «образцами оформления архива», содержащий: «1) «Владимир Соловьев», воспоминания; 2) М.Г. Савина, Восп. 3) Мои первые начинания и Петр Исаевич Вейнберг в воспоминаниях». Она отмечала, что в тексте воспоминаний приводятся письма

Вл. Соловьева, М. Савиной, П.И. Вейнберга, переписка с ним Достоевского, Тургенева, Рубинштейна и другие письма» (РГАЛИ, Ф. 612 оп. 1 ед. хр. 745. Л. 128).

31 мая 1939 г. в музей поступила машинопись 1 части «Истории моих Восточных поэм» (82 лл.) с правкой автора, эпизоды 2 часть «Истории...» передавались с 19 ноября 1939 г. по 13 мая 1940 г., вероятно, по мере готовности текстов. 2-я часть архива состояла из словаря «Я среди людей мира» («Мой энциклопедический словарь»), она передавалась в музей с 4 ноября 1940 г. по февраль 1941 г. и состояла из частей «Люди художественного слова», «Журналисты», «Люди науки». Соответственно, полный архив поступил в музей в 1940–1941 гг., когда Бонч-Бруевич был уже снят с поста директора, а место директора музея занял Н.В. Боев (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 4. Ед. хр. 34. Старые описи архива И.А. Гриневской).

Приведенная история передачи архива в музей и переписка с директором демонстрируют обстоятельства передачи личных документов и перемену в восприятии собственных бумаг и в отношении к музею как государственному делу. Гриневская хотела отдать в музей архив, видя свою значимость в том, чтобы быть свидетельницей знаменитых современников. Идентификация себя как гражданки и осознание ответственности перед государством и историей, по-видимому, была внушена Бонч-Бруевичем и предполагала передачу архива на хранение в государственный музей. Причем директор музея активно настаивал на том, чтобы хранительница собственного архива его не редактировала, т. е. – на отчуждении владельца от своих бумаг. С помощью манипуляций со своими документами Гриневская демонстрирует прямо противоположное отношение к собственным документам: она отправляет в музей именно то, что считает нужным для публикации, не спешит передавать архив, тщательно его редактирует, т. е. воспринимает его как свою собственность, и редактирование архива можно понимать как способ вернуть себе владение своими же документами. Переписка также позволяет увидеть, на что обращал внимание Бонч-Бруевич и что, понимая это, Гриневская старалась скорректировать, акцентировать или убрать, и именно зная об этом, мы должны рассматривать «Историю моих Восточных поэм» и «Я среди людей мира. (Мой энциклопедический словарь)».

Примечательна форма переданных текстов. Оба комплекта архива, как «История моих Восточных поэм», так и «Я среди людей мира» («Мой энциклопедический словарь») являются воспоминаниями, в которых индивидуальное, психологические и бытовые подробности жизни автора скрыты. В первом из них Гриневская повествует о работе над главнейшими в своей творческой де-

ятельности произведениями, историю постановки пьесы «Баб», восприятия в критике, путешествия на Восток и др. Вторая часть архива представляет собой словарь, систематизированный по тематическому и алфавитному принципу, куда она занесла всех людей из различных сфер культуры. Сведения, которые попали в словарь, прежде всего, касаются литературы. Гриневская избегает подробностей о личной жизни, психологии, быте. Такая характерная для мемуаров черта как исповедальность здесь тоже отсутствует.

На уровне названия также переплетаются отстраненно-обезличенное («архив», «история», «энциклопедический словарь») и более личное метаописание в форме притяжательного местоимения 1-го лица («моих ... поэм», «мой архив», «Я среди людей мира (Мой ... словарь)»).

Повествование «Истории...» охватывает годы с начала 1900-х по 1917 г. Оно открывается кратким предисловием к «Моему архиву», в котором Гриневская декларирует, что приводила архив в порядок (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1), поскольку его «многие изъявили желание приобрести всецело и, между прочим, выразила желание и дирекция Гослитмузея в Москве» (Там же). Здесь же Гриневская рассуждает о том, что такое «письмо» и «воспоминания» и приходит к выводу, что «воспоминания всегда субъективны и всегда говорят о пишущем больше, чем об объекте повествования» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 3).

В самом повествовании Гриневская избегает сходства с эго-документами, мемуарами, как с текстами, в которых она бы предстала свидетельницей эпохи. Этот уход от эго-повествования, вопреки жанру мемуаров, замечен уже на первых страницах «Истории...», которая начинается с интервью Гриневской сотруднику «Биржевых ведомостей». В этом интервью собеседник писательницы спрашивает ее о том, как появился замысел пьесы «Баб» о персидском пророке. Гриневская цитирует интервью без изменений и собственные слова приводит в третьем лице. Однако зная, что Гриневская редактировала архив, можно предположить, что она сознательно поместила свои реплики из интервью под общей рамкой чужого текста, поскольку такой прием позволял придать больший документализм и достоверность тексту по сравнению с повествованием от 1-го лица, но также отстраненность автора от событий прошлого и дистанцированность автора от своего «я».

В то же время в форме интервью изложено собственное, личное отношение Гриневской к социальным проблемам, повлиявшее на ее творческий замысел:

«– Меня часто спрашивают, – сказала <...> И. А. Гриневская, – почему я остановилась на таком сюжете. На это отвечу: каждое растение бе-

рет из земли необходимые для питания элементы. Мое сердце с самой ранней юности болезненно переживало вражду нетерпимости и ненависти, свидетельницей которых мне приходилось быть постоянно. Мою драму считают ученым трудом, раскрывающим душу мусульманского Востока, но она вместе с тем выражает мое личное страдание и сострадание к человечеству» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 9).

Дальнейшее повествование перемежается собственными воспоминаниями и отзывами современников о творчестве Гриневской. Она пишет о ходе работы над пьесой и изучении материалов на тему персидского учения и пророка Баба: «Первое время мои наброски относились даже не к пьесе, а к философскому труду, в котором я тогда думала отразить и развить мои мысли. Совершенно случайно в мои руки попала книга Дьелафоа, о Персии, и личность Баба, начертанная неполно и бегло в этой книге натолкнула меня на изучение Востока и дальнейшие изыскания» (Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Крайние даты 1939–40 гг. 9об).

Закономерен отбор исторических событий и прагматика их интерпретации в «Истории...». Например, Гриневская упоминает русско-японскую войну и возмущается царской цензурой, которая сняла с репертуара ее пьесу:

«В ней изображена революция. Но разве возможна была бы проповедь мира среди мирных и без того полей. А разве не полезно всем знать, что таится в бушующих волнах моря, какие рифы в нем и мели, что гнездится в мятежных сердцах, какие беды терпят люди, какие нужны можно утолить?... (...) А боялись «страшных» слов и того, что устами «мусульманина» произносятся христианские истины... (...)

По этому поводу я написала письмо в редакцию «Pet. Zeitung», когда она осудила именно это и позу Тинского в 3 акте.

– Я вам сделаю сюрприз на первом представлении, – сказал мне артист.

Сюрприз состоял в том, что в 3 акте, в молитве своей среди умирающих бойцов-бабидов, он принял позу Христа на картине «Моление о чаше»!! Вот-то «сюрприз». Я знала – он даром не пройдет.

И эта новая поза тоже была причиной запрета пьесы» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 41).

Завершаются же мемуары рассуждением о революционных событиях 1917 года и советском правительстве, которому Гриневская выражала признательность за обеспечение ей жизни в старости, и что благодаря этому она не чувствует себя забытой (как мы помним, в письмах она, наоборот, говорила о недостатке в средствах и недостаточной помощи государства):

«...в самое тяжелое время Советское правительство пришло мне на помощь. Оно оценило значение моих писем. Благодаря отзыву, написан-

ному Державиным и подписанному нашими учеными, – я была спасена от отчаяния, от полного разочарования в необходимости работать для этого «общего блага», – что было задачей всей моей жизни. Получая с 1926 года персональную пенсию, я ныне чувствую себя обеспеченной» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 180).

В результате использования перечисленных приемов индивидуальное отношение к людям и событиям, личность, психологический облик повествовательницы оказываются скрытыми, затемненными взглядом со стороны, описанием внешних событий, изложением событий с позиции того, как того требовала идеология. Окружение и себя она описывает с помощью «Истории...» своих главных произведений, с их помощью вписывая себя в историю, в литературный круг столицы.

Как и в переписке, но более отчетливо и последовательно, в воспоминаниях появляются попытки соотносить свое поведение с женскими или мужскими моделями. Иногда Гриневская прямо сравнивает свое поведение с тем, что требовало и ожидало общество от женщины (ср. с письмом, в котором она пишет, что не каждый мужчина может похвастаться таким окружением, как она), осознавая, что ее поведение, и в литературе, и в быту, не вполне вписывается в традиционные рамки поведения женщины. Так, например, она приводит свои слова из интервью в 1904 г., в которых оценивает себя как бы со стороны, моделируя взгляд писателя-мужчины: «Ведь известно по рассказу Чехова: если дама написала драму, надо ее убить. А тут еще драма дамы даже в стихах! Кому нужны драмы в стихах, если это не драмы Пушкина, Алексея Толстого или подобных корифеев. (...) А тут драма дамы, да в стихах, да сплошь в рифмах, да из персидской жизни, да еще название какое незвучное – “Баб”» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 10).

Здесь же Гриневская говорит о восприятии собственного творчества. В своих глазах она была серьезной писательницей: «Никому, очевидно, из газетных и журнальных деятелей не было известно, что первым моим оригинальным произведением был очерк о французском моралисте XVI века Мишеле Монтень, и его Essais» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Крайние даты 1939–40 гг. Л. 10).

Далее, перейдя уже к повествованию о работе над пьесой «Баб», она рассматривает творческий процесс как жертву творчеству, искусству и обществу. В этих «мемуарах» «жертва» женщины-писательницы заключается в отказе от светских увеселений (балов и путешествий):

«Я была охвачена моими идеями. Они толпились в моем мозгу и не давали места ничему, что вне их области. Я двигалась в обыденной жизни, как сомнамбула. Меня уже не влекло то, что меня

прежде радовало. Вот я помню вечер, скорее, бал, к которому готовилась было заранее. Для танцев, которые любила и в которых отличалась, должен был играть известный тапер. Однако я на этот вечер не пошла. Не хотела разбить свое настроение – я уже приступила к моей поэме!.. Пожертвовала возможностью танцевать под игру знаменитости и услышать множество обычных комплиментов!!

Отказалась, помимо писанного, от такого соблазна, пред которым вряд ли устоял кто-либо, особенно женщина, особенно такая, которая обладала значительным преимуществом наружности. Вы думаете – это малая жертва?!» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 14).

В преамбуле ко второй главе Гриневская весь свой опыт сочинения описывает как «жертву»: «Расскажу об этой жертве длинно, со всеми подробностями и обычными отступлениями воспоминателей» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 14).

От других женщин Гриневскую отличало, по ее собственным словам то, что она смогла отказаться от поездки в Париж на Всемирную выставку: «После мучительного колебания, я отказалась от этой заманчивой поездки. Я начала писать «Баба», делала важные наброски!.. (...) Я думаю, всякая женщина с радостью ухватилась бы за возможность увидеть мировую столицу – в ней весь мир посмотреть и самой пред миром покрасоваться. А ведь я была не только молодая, но, как уверяли, вдобавок и красивая!..» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 15об).

Таким образом, любовь к развлечениям Гриневская здесь трактует как особенность женского образа жизни, вероятно, артикулируя общее, традиционное, а не только свое представление. В то же время специфический женский опыт, опыт материнства, который у нее был, опыт замужней жизни остаются за пределами повествования.

Жертва светской жизнью во имя творчества сопровождалась для Гриневской отказом и от следования канонам женственности во внешнем виде. В подтверждение этому она приводит здесь слова музыкантки Анны Дмитриевны Новицкой: «...она была против моей слишком скромной прически и что я брезгала пудрой. «Почему? Вы были бы, Белочка еще красивее». Но я не поддавалась ее внушениям этого рода. Не пудрилась и хранила, по возможности, молчание» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 17об).

Расхождения с поведением, которое ожидалось от женщины, Гриневская обнаруживает и в процессе подготовки к постановке пьесы в театре. Например, когда один из актеров отказался играть в постановке ее пьесы, Гриневская отметила, что отреагировала хладнокровно, не впала в истерику: «Удар был слишком жестокий даже для сильного мужчины, закаленного в житейской борьбе за су-

ществование! Ведь отказ Бравича играть в двух последних актах грозил бы отменой спектакля, но я мужественно вынесла этот удар (не мужественно, а чудодейственно) и воскликнула несвойственным мне в обыденных отношениях голосом, а голосом сценическим, какой требуется в декламациях со сцены.

(...)

...не уронила знамя настоящего писателя, что я, как женщина, не билась тут же в истерике, не упала в обморок!» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 33–34).

С одной стороны, у Гриневской, очевидно, перед глазами были каноны женственности, от которых она отказывалась, с другой стороны, одной из моделей самоидентификации для нее является писатель, который совершает миссию, служит через свое творчество обществу, жертвует собой. Например, о своем юбилее она пишет: «Только тогда, когда он создал произведение, в котором исчерпал до глубины свою душу, в которую вложил всю веру, все сострадание, весь восторг своей души, – только тогда она может сказать: «я писатель, я – поэт, я – пророк!»» (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 65).

В соотношении своего поведения и облика с традиционными женскими моделями, Гриневская, на наш взгляд обнаруживает в себе черты, которые выделяют ее из круга современниц и эти же характеристики отличают и о мужчин-современников. Гриневская идентифицирует себя как художника-творца, мессии, приносящего жертву ради блага людей. У Гриневской этой жертвой является отказ от женственности. В результате редактирования, оценка собственного поведения в рамках традиционных представлений о женственности, переплетенная с литературной идентификацией, оказалась одним из главных проявлений индивидуальности в мемуарах, замаскированных под очерк об истории поэм.

«Мой энциклопедический словарь» «Я среди людей мира» представляет собой другой вариант передачи воспоминаний. На первый взгляд, в нем каталогизированы люди, значимые в судьбе писательницы. В то же время здесь нет хронологического деления: на людей из отдаленного прошлого, с которыми она не могла быть знакома (так, в словаре есть статьи о Гоголе, Жуковском, Викторе Гюго, Данте, Лермонтове) и с кем она была лично знакома. Писательница таким образом дистанцировалась от контекста начала XX в. и от современников. Позиция Гриневской в энциклопедическом словаре согласуется с тем, что она писала о себе в других документах, в переписке с Бонч-Бруевичем и в «Истории моих Восточных поэм»: она вписывает себя прежде всего в литературный контекст и мыслит себя свидетельницей литературных событий и явлений своего времени.

В статье о Лермонтове, например, приводятся впечатления от чтения его поэзии, пересечениях с ним, о том, что критик Басаргин отмечал сходства в пьесе «Баб» с лермонтовским творчеством (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 22. Воспоминания. «Я среди людей мира» или «Мой энциклопедический словарь». Раздел «Люди художественного слова». Л. 9). Также упоминаются эпизоды, когда Гриневской предложили написать стихи для песни к юбилею Лермонтова и что Литфонд обеспечил Гриневской санитарку, которая обслуживала и родственниц Лермонтова. Снова, как мы видим, подчеркивается забота о писательнице со стороны советской организации.

Часто статьи представляют собой цитирование переписки: так выглядит статья об Анненском и многие другие. Подробный очерк посвящен П.Н. Ариан и ее роли в женском движении и борьбе за права женщин (РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 23. Воспоминания. «Я среди людей мира» или «Мой энциклопедический словарь». Раздел «Журналисты». Л. 60б).

В словаре повествование от первого лица является практически только в цитатах из писем, отсутствует непрерывное повествование о себе, в котором прослеживалась бы рефлексия о себе и своем творчестве, которая есть в «Истории...». Таким образом в воспоминаниях «Я среди людей мира» проблема самоидентификации нивелируется.

Заключение

Изложенная в статье история демонстрирует, как сам процесс отчуждения личных документов и передачи их в государственное хранение проблематизировал вопрос самоидентификации для владелицы архива и создавал необходимость заново выстроить идентичность, отталкиваясь от новой идеологии. В переписке мы увидели, что изначально Гриневская идентифицировала себя как литератора, свидетельницу многих выдающихся современников. Под влиянием Бонч-Бруевича у нее появляется новое определение себя как «гражданки», которое противопоставлено определению «поэтесса». Самоидентификация как гражданки, в понимании Бонч-Бруевича, проявляется в акте передачи архива, составленного из личных документов, и, передавая в музей архив, Гриневская демонстрирует тем самым гражданскую идентичность. В переданных документах Гриневская, хотя и сохраняла интенцию говорить о себе, однако старалась маскировать эго-повествование под формой рассказа от 3-го лица. В «Истории моих Восточных поэм» повествование идет от 1-го лица, хотя и в основном сфокусированное на истории произведений и пространственными цитатами из чужих текстов, однако индивидуальность писательницы раскрывается в ее рассужде-

ниях о следовании канонам женственности и о ее предназначении в литературе. В «Моем энциклопедическом словаре» за счет самой выбранной формы отсутствует непрерывное эго-повествование, оно спрятано в цитаты из писем, и в результате этого вообще исчезает проблема самоидентификации, актуальная для «Истории моих Восточных поэм».

Источники фактического материала

Гриневская И.А. Воспоминания «История моих Восточных поэм». Эпизоды с 1 по 5. // РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 20. 193 л.

Гриневская И.А. Воспоминания «История моих Восточных поэм». Эпизоды с VI по XVI // РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 21. 235 л.

Гриневская И.А. Воспоминания «Я среди людей мира» или «Мой энциклопедический словарь». Раздел «Люди художественного слова» // РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 22. 169 л.

Гриневская И.А. Воспоминания «Я среди людей мира» или «Мой энциклопедический словарь». Раздел «Журналисты» // РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 23. 136 л.

Гриневская И.А. Старые описи фонда Гриневской И. А. // РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 4. Ед. хр. 34. 107 л.

Переписка с ГЛМ Гриневской Изабеллы Аркадьевны // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 745. 193 л.

Библиографический список

Бразговская Е.Е. Семиотика идентичности // Вестник Пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Выпуск 4(28). С. 108–115.

Виноградова Е.В. Гриневская Изабелла Аркадьевна: фонд 55 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. Санкт-Петербург, 2011. С. 1102–1103.

Гриневская И. А. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) [главы I–VI] (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. А. Митник) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 г. Санкт-Петербург, 2017. С. 434–491.

Гриневская И.А. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (Продолжение) [главы VII–VIII] (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. А. Митник) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 г. Санкт-Петербург, 2019. С. 271–287.

Гриневская И.А. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (Продолжение) (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е.А. Митник). // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. / Российская Академия наук. Институт русской ли-

тературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Т.С. Царькова. Санкт-Петербург, 2020. С. 387–404.

Гришунин А.Л. Гриневская Изабелла Аркадьевна. Русские писатели. Библиографический словарь. Т. 2. Г–К. Москва: научное издательство «Большая российская энциклопедия» ФИАНИТ, 1992. С. 44–45.

Леоненко Е.В. К истории создания драматической поэмы «Баб» Изабеллы Гриневской // Литературные события и феномены XX–XXI веков: год 2016. Материалы заочной интерактивной конференции (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН, 4–7 июля 2016). Кн. II. Санкт-Петербург; Воронеж, 2017. С. 46–53.

Леоненко Е.В. И.А. Гриневская, забытый автор Серебряного века, и истоки ее драматической поэмы «Баб» // Русская литература в иностранной аудитории: Сборник научных статей. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2018. С. 31–39.

Леоненко Е. Архив Изабеллы Гриневской: стратегии саморепрезентации // *Revue des études slaves* [En ligne], XCII-1 | 2021, mis en ligne le 01 janvier 2022, consulté le 28 avril 2022. URL: <http://journals.openedition.org/res/4308>; DOI: <https://doi.org/10.4000/res.4308>.

Митник Е.А. Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 г. Санкт-Петербург, 2006. С. 246–267.

Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 320 с.

Савкина И.Ю. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 470 с.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. Пер. с англ. С. Чачко. 2-е изд. Москва: Новое лит. обозрение, 2021. 416 с.

References

Brazgovskaya, E.E. (2014), Semiotics of identity. *Bulletin of Perm State University. Russian and Foreign Filology*, Issue 4(28), pp. 108–115.

Vinogradova, E.V. (2011), Grinevskaya Izabella Arkad'yevna: fond 55, *Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2009–2010*, pp. 1102–1103, St.-Peterburg, Russia.

Grinevskaya, I.A. (2017), Journey to the Edge of the Sun (about what she saw, heard and experienced), chapters I–VI, *Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2016*, pp. 434–491, St.-Peterburg, Russia.

Grinevskaya, I.A. (2019), Journey to the Edge of the Sun (about what he saw, heard and experienced), chapters VII–VIII, *Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2018–2019*, pp. 271–287, St.-Peterburg, Russia.

Grinevskaya, I.A. (2020), Journey to the Edge of the Sun (about what he saw, heard and experienced) Continuation (Introductory article, preparation of the text and comments by E.A. Mitnik), *Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2020*, pp. 387–404, St.-Peterburg, Russia.

Grishunin, A.L. (1992), Grinevskaya Izabella Arkad'yevna, *Russkie pisateli. Bibliograficheskii slovar', Russian Writers. Bibliographic Dictionary*, vol. 2, pp. 44–45, G–K, Moscow, Russia.

Leonenko, E.V. (2017), On the history of the creation of the dramatic poem “Bab” by Isabella Grinevskaya, *Literary events and phenomena of the 20th–21st centuries: year 2016. Proceedings of the correspondence interactive conference*, St.-Petersburg, Institute of Literary Literature of the Russian Academy of Sciences, July 4–7, 2016, Book II, pp. 46–53, Saint Petersburg, Voronezh, Russia.

Leonenko, E.V. (2018), I.A. Grinevskaya, the forgotten author of the Silver Age, and the origins of her dramatic poem “Bab”, *Russian literature in a foreign audience: Collection of scientific articles*, pp. 31–39, Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen, St.-Petersburg, Russia.

Leonenko, E. (2021), Archive of Isabella Grinevskaya: strategies of self-representation, *Revue des études slaves* (En ligne), XCII-1 | 2021, mis en ligne le 01 janvier 2022, consulté le 28 avril 2022, [Online], available at: <http://journals.openedition.org/res/4308> (Accessed: 15.02.2024); DOI : <https://doi.org/10.4000/res.4308>.

Mitnik, E. A. (2006), Unknown materials of Isabella Grinevskaya: “Journey to the Edge of the Sun”, *Yearbook of the Manuscript Department for 2005–2006*, pp. 246–267, St.-Peterburg, Russia.

Paperno, I. (2021), *Soviet epoch in the memoirs, diaries, dreams. Experience of reading*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Savkina, I.Yu. (2023) *Paths, crossroads and dead ends of Russian women's literature*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Khell'bek, I. (2021), *Revolution on my mind: Writing a diary under Stalin*, S. Chachko (trans.), 2nd edition, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Submitted: 01.02.2024

Revised: 06.06.2024

Accepted: 15.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.4

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-78-91

Дата поступления: 20.12.2023
рецензирования: 01.02.2024
принятия: 10.06.2024

А.И. Мантарова

Институт по философия и социология
при Българска Академия на науките
София, България
E-mail: anna.mantarova@abv.bg
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9599-257x>

Личностни стратегии за предотвратяване и отреагиране на рискове

Анотация: темата за рисковете е особено актуална в днешното динамично общество, в което процесите и явленията са тясно взаимосвързани в широк мащаб и промените в едни или други звена от веригата на социални взаимодействия пораждаат множество последващи ефекти. Изследването на рисковете е особено важно за социалната практика поради необходимостта от разработване на ефективни стратегии за превенция и минимизиране на отрицателните последици.

Най-общо формулирана изследователската задача, която си поставя настоящата работа, е като открои основните социални рискове в днешното българско общество, да установи как се преценява уязвимостта от тях, какви са личностните стратегии за превенция и отреагиране, какви са очакванията към държавата и как се оценяват релевантните ѝ действия.

В работата се представят и коментират резултати от две емпирични социологически изследвания - национално представително за населението над 18 години и изследване сред представители на малкия бизнес. Във фокуса на вниманието са рискове за физическата сигурност и за материалното благосъстояние. Основните линии за анализ са percepция на риска, оценка, личностни стратегии за отреагиране, очаквания за действия на държавата, оценка на тези действия.

Получените резултати са ценни като рисуващи картината по интересуващите ни въпроси в момент на повишена динамика и неопределеност, наситен с интензивни рискове с различен произход и трайност.

Ключови думи: социален риск; лична сигурност; бедност; престъпност; безработица; здравеопазване; околна среда; държавна подкрепа

Цитат: Мантарова, А.И. (2024), Личностни стратегии за предотвратяване и отреагиране на рискове, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 78–91, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-78-91>.

Благодарности: статията е подготвена в рамките на работата по проект «Личностни и институционални стратегии за превенция и управление на рискове: специфики и детерминанти», финансиран от Фонд «Научни изследвания» – България.

Информация за конфликт на интереси: авторът заявява за отсъствие на конфликт на интереси.

© Мантарова А.И., 2024 – доктор на социологическите науки, професор, ръководител катедра «Социален контрол, отклонения и конфликти». Институт по философия и социология при Българска Академия на науките, 1000, България, София, ул. Сердика, 4.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

А.И. Мантарова

Институт философии и социологии
Болгарской Академии наук,
г. София, България
E-mail: anna.mantarova@abv.bg
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9599-257x>

Персональные стратегии предотвращения рисков и реагирования на них

Анотация: тема рисков особенно актуальна в современном динамичном обществе, в котором процессы и явления тесно взаимосвязаны в широком масштабе, а изменения в тех или иных звеньях цепи социальных взаимодействий порождают многочисленные последующие эффекты. Исследование рисков особенно важно для социальной практики в связи с необходимостью разработки эффективных стратегий по их предотвращению и уменьшению возможных неблагоприятных последствий

Наиболее общей исследовательской задачей, которую ставит перед собой настоящая работа, является выделение основных социальных рисков в современном болгарском обществе, установление того, как оценивается уязвимость к ним, каковы личные стратегии предотвращения и реагирования, каковы ожидания по отношению к государству, и как люди оценивают соответствующие действия государственных институций.

В работе представлены и комментируются результаты двух эмпирических социологических исследований – национального репрезентативного населения в возрасте старше 18 лет и исследования среди представителей малого бизнеса. В центре внимания – риски физической безопасности и материального благополучия. Основными направлениями анализа являются восприятие риска, его оценка, личные стратегии реагирования, ожидаемая поддержка со стороны государственных учреждений, оценка их действий.

Полученные результаты ценны тем, что рисуют картину интересующих нас вопросов в период повышенного динамизма и неопределенности, насыщенный разнообразными и интенсивными рисками различного происхождения и продолжительности.

Ключевые слова: социальный риск; личная безопасность; бедность; преступность; безработица; здравоохранение; окружающая среда; государственная поддержка.

Цитирование: Мантарова А.И. Персональные стратегии предотвращения рисков и реагирования на них // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 4, № 2. С. 78–91. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-78-91>.

Благодарности: статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Личностные и институциональные стратегии предотвращения и управления рисками: особенности и определяющие факторы», финансируемый Фондом научных исследований Болгарии.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Мантарова А.И., 2024 – доктор социологических наук, профессор, Руководитель кафедры Социального контроля, отклонений и конфликтов, Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, 1000, Болгария, г. София, ул. Сердика, д. 4.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.I. Mantarova

Institute of Philosophy and Sociology
at Bulgarian Academy of Sciences,
Sofia, Bulgaria

E-mail: anna.mantarova@abv.bg

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9599-257x>

Personal Strategies to Risk Prevention and Reacting

Abstract: the topic of risks is particularly relevant in today's dynamic society, in which processes and phenomena are closely interconnected on a wide scale, and changes in one or other links of the chain of social interactions give rise to numerous subsequent effects. The study of risks is particularly important for social practice due to the need to develop effective strategies for prevention and minimizing negative consequences.

The most generally formulated research task that the present work sets itself is to highlight the main social risks in today's Bulgarian society, to establish how vulnerability to them is assessed, what are the personal strategies for prevention and reaction, what are the expectations towards the state and how people evaluate its relevant actions.

The work presents and analyzes the results of two empirical sociological studies: a nationally representative one of the population over 18 and a study among representatives of small businesses. In the focus of attention are risks to physical security and material well-being. The main lines of analysis are risk perception, assessment, personal reaction strategies, expectations of state actions, evaluation of these actions.

The obtained results are valuable as presenting the picture of the issues of interest to us at a time of increased dynamics and uncertainty, saturated with intense risks of different origin and durability.

Key words: social risk; personal security; poverty; crime; unemployment; health care; environment; governmental support.

Citation: Mantarova, A.I. (2024), Personal Strategies to Risk Prevention and Reacting, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 78–91, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-78-91>.

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the research project "Personal and institutional strategies for preventing and managing risks: specifics and determinants", funded by the Bulgarian Scientific Research Foundation.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Mantarova A.I., 2024 – DSc, Professor, Department of Social Control, Deviations and Conflicts, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, 4, Serdica Street, Sofia, 1000, Bulgaria.

Въведение

Темата за рисковете е особено актуална последните четири-пет десетилетия. Живеем в много динамично време, когато процесите и явленията са тясно взаимосвързани в широк мащаб и промените в едни или други звена от веригата на социални взаимодействия пораждаат множество последващи ефекти. В тези условия на неопределеност, съвсем закономерно интересът на изследователите се насочва към изучаване на рисковете и тяхното вписване в социокултурния контекст. „Рисковата парадигма ще става все по-наложителна в институционалното мислене с цел опазването на сигурността и обществения ред в държавата. Т. е. ако не искаме да живеем непрестанно в извънредни положения, ще трябва да се научим да мислим през понятието за риск и да овладеем инструментите за неговото управление“ (Смедовска 2023).

Самият термин „риск“ има определена многозначност в дългогодишната си и масова употреба. За разлика от реалисткия възглед, който го интерпретира като нещо реално, съществуващо независимо и вън от индивидите и социалните групи, които го възприемат и реагират спрямо него, конструктивисткият счита, че рискът като такъв не съществува, а се конструира от хората и това винаги е и ще бъде продукт на исторически, политически и социално обусловен възглед за света. Схващането на риска е резултат от процеси, които се осъществяват на ниво индивид или група и повлияват субективното възприемане и осмисляне или от социални процеси, повлиявани от културни фактори.

Независимо от изходните методологически позиции, дефинирането на риска е неразривно свързано с понятията несигурност и неопределеност. Двете основни интерпретации са като опасност или заплаха поради (вследствие на) лоша случайност или беда и като вероятност да се претърпи неблагоприятна последица или някаква загуба.

Социологическото изследване на рисковете се вписва в социокултурното направление на изучаването им, акцентиращо на зависимостта на възприемането, осмислянето и отреагирането на рисковете и от обикновените хора, и от експертите от политическия и културен контекст. Изследването на рисковете е особено тясно свързано със социалната практика, с необходимостта да се намерят решения на важни, дори екзистенциални за човека и човечеството проблеми.

За всяко общество и неговото бъдеще управлението на рисковете от природно, социално и екологично естество е от съдбоносно значение. То се определя от сериозността и мащабността

на техните последици в сложния, взаимоотношен и взаимозависим свят. С оглед на това, най-общо формулирана изследователската задача, която си поставя настоящата работа, е като открие основните социални рискове в днешното българско общество, да установи как се преценява уязвимостта от тях, какви са личностните стратегии за превенция и отреагиране, какви са очакванията към държавата и как се оценяват релевантните ѝ действия.

Методология и емпирично изследване

Изходна методологическа позиция е дадената от Н. Генов в социологически контекст дефиниция на риска (Генов 1993, с. 17). като „вероятност от пряк или косвен вреден ефект върху човешки индивиди и общности“ и „вероятност от дисфункционални влияния на определени процеси върху една социална система“. Основните линии за анализ са перцепция на риска, оценка, отреагиране, оценка на реакцията.

Тук ще бъдат изложени и коментирани резултати от две емпирични социологически изследвания. Първото е национално представително за населението над 18 години. Извадката е стохастична, двустепенна гнездова. На първа стъпка, с вероятност, пропорционална на броя на населението в отделните селища и при спазване на съотношението град – село, на случаен принцип са определени населените места, в които ще се проведе изследване. От извадковия план са изключени селища с население под 100 души, като там живеят под 1 % от генералната съвкупност. На втора стъпка са определени 100 гнезда, в които по модифицирания метод на Киш са подбрани единиците за изследване. Информацията е събирана чрез интервю лице в лице в домовете на респондентите. Обемът на изследваната съвкупност е 937 души. При изследването са обхванати рискове, отнасящи се до физическата (като здравословно състояние и защитеност от престъпни посегателства) и икономическа (като доход, работа) сигурност на личността, а също и природни и екологични рискове. Събрана е информация за перцепцията, оценката на рисковете, поведението с оглед превенция и минимизиране на отрицателните последици, очаквания за действия на държавните органи и други наиндивидуални социални субекти, оценки на действията им.

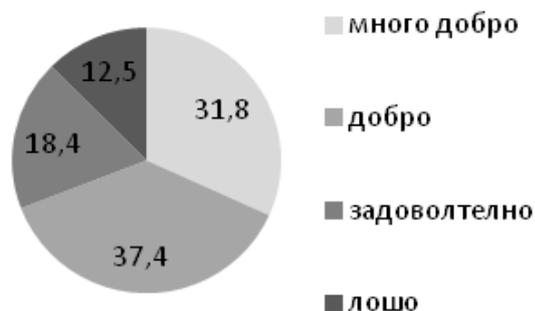
Второто изследване е сред представители на малкия бизнес, който в България е много разпространен - по данни на Националния статистически институт през 2020 година 93 %, а това е 38313 от 411564 фирми, има щат не повече от 9 човека. В хода на направеното проучване са интервюирани

представители на малък бизнес от различни сектори: търговия, туризъм, места за настаняване, заведения за хранене, услуги – автомонтъорски, строително-ремонтни, шивашки, фризьорски, козметични, дентални, развлекателни, ремонт на компютри. Локацията на бизнесите е из цялата страна – около една трета са от София, около една четвърт – от областни центрове, останалите са приблизително по равно от други градове и от села, като последните са най-вече по морето. Според броя на заетите, доминират бизнесите с между 2 и 5 заети – около 60 % от случаите. Следват тези с между 5 и 10 заети. Около една девета са само с един зает, а около 5 % – са с персонал повече от 10 души (касае се за хотели по Черноморието). В половината от случаите заетите са само от семейството и няма други наети. При малко повече от половината в семейството има и работещ извън семейния бизнес.

Резултати

Що се отнася за рисковете за физическата сигурност, в изследването са застъпени два нейни аспекта – здравето и уязвимостта от престъпно посегателство.

Изследването показва, че според самооценките на анкетираните, здравословното им състояние е следното:

Фиг. 1. Вие лично, как оценявате здравословното си състояние?

Рис. 1. Вы лично, как оцениваете состояние своего здоровья?

Най-голяма част от анкетираните оценяват здравословното си състояние като добро – 37,4 %, 31,8 % – като много добро, 18,4 % – задоволително и 12,5 % – лошо. При това, за 12 % именно здравословното състояние е най-голям личен проблем.

Същевременно се вижда, че при половината от респондентите, по една или друга причина, търсенето на медицинска помощ е сведено до случаите, когато има неотложен или сериозен проблем (фиг. 2).

27,6 % се обръщат към лекар, когато е неотложно, други 25,8 % – когато те преценят, че проблемът е сериозен. 7 % го правят когато имат

нужда от болничен лист. Тези отговори показват известна степен на небрежно отношение към собственото здраве. Но част от обяснението е и в оценките, които хората дават на състоянието на здравеопазването в страната. Повече от една пета – 21,8 % го определят като „много тежък проблем“, още 34,0 % – като тежък. Наред с пряката оценка, това е и косвено изразено мнение за направеното от държавата в тази насока.

Хората определено свързват здравето със състоянието на околната среда. Половината в някаква степен се страхуват, че замърсяването ѝ може да навреди на здравето им. Още по-често се дават тези отговори когато става дума за здравето на децата – 84,2 %. Именно към държавата е насочено очакването да се грижи за здравословна околна среда – според 46,5 % това е ангажимант изцяло на държавата, според 28,3 % – основно на нея. Същевременно оценките за правеното от нея в това отношение са нееднозначни (фиг. 3).

Очевидно тези оценки се основават на наблюденията и преценките за състоянието на компоненти на околната среда, които имат най-пряко отношение към здравето на хората. За една трета (33,9 %) замърсяването на въздуха и за повече от една четвърт (27,3 %) това са тежки и много тежки проблеми.

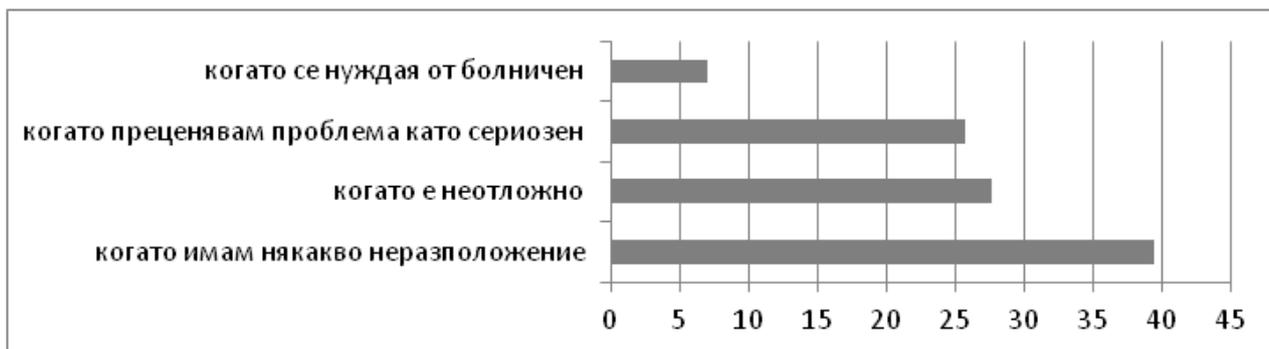
Що се отнася до оценките, фокусирани върху правеното от държавата за системата на здравеопазване, то те определено са негативни (фиг. 4).

Очевидна е асиметричността в разпределението на отговорите. Напълно и отчасти недоволни са 70 %, докато в някаква степен доволни са едва 27 %, при това само 2,5 % – напълно. Не случайно 55,8 % са определили състоянието на здравеопазването като тежък и много тежък проблем.

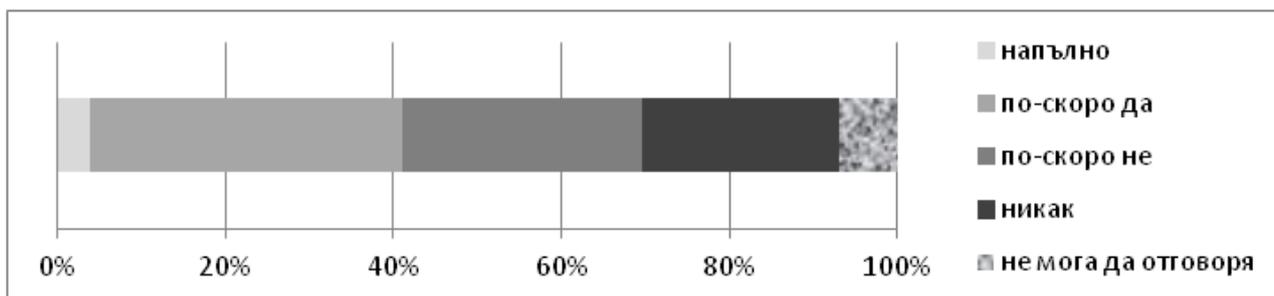
Ясно е, че държавата е далеч от това да обезпечи качествено и достъпно здравеопазване, но следва да се види и какво е активното поведение на отделния човек, насочено към съхранение/подобрене на собственото здравословно състояние (фиг. 5).

Почти една четвърт (23,8 %) директно заявяват, че не правят нищо. Само 18,1 % редовно ходят на профилактични прегледи. И докато покупката и консумацията на био храни са недостъпни за огромна част от населението по финансови причини, то стремежът за здравословно хранене, което е възможно за повече хора, се споменава едва от 36 %. Редовно излизат сред природата едва 30 %, спортуват 17 %. Всичко това говори за липса на активност, на грижа за собственото здраве.

Друг един аспект на поведение, насочено към минимизиране на здравни рискове и за преодоляване на последиците от неблагоприятни събития е ползването на допълнително здравно осигуряване и пестенето на пари за посрещане на неочаквани медицински разходи (фиг. 6).

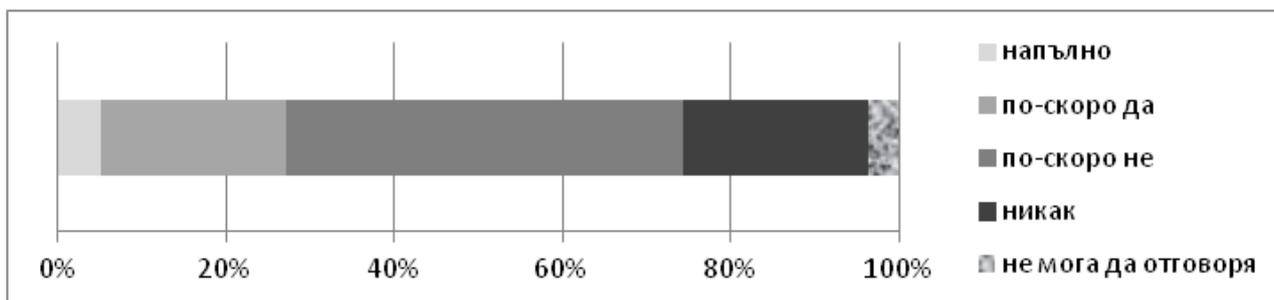

Фиг. 2. Обикновено кога търсите медицинска помощ?
 Рис. 2. Когда Вы обычно обращаетесь за медицинской помощью?

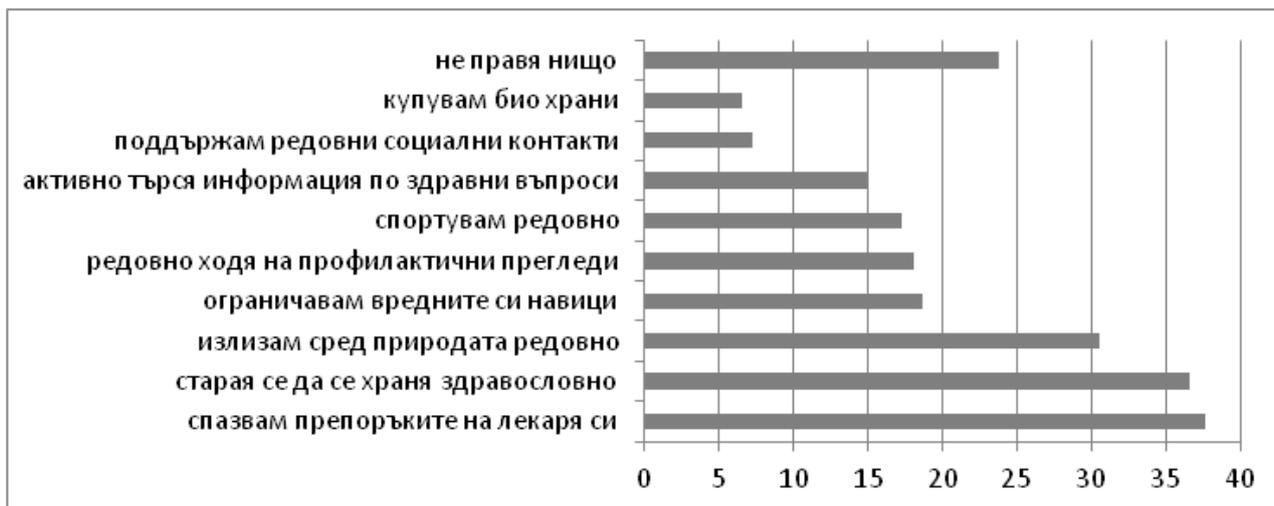

Фиг. 3. Доколко сте удовлетворен от това, което държавните институции правят за опазване на околната среда?
 Рис. 3. Насколько вы удовлетворены тем, что государственные учреждения делают для защиты окружающей среды?

СОЦИОЛОГИЯ

Фиг. 4. Доколко сте удовлетворение от това, което държавните институции правят за осигуряване на достъпна и качествена медицинска помощ?
 Рис. 4. Насколько вы удовлетворены тем, что государственные учреждения делают, чтобы обеспечить доступную и качественную медицинскую помощь?

Фиг. 5. Вие лично, какво правите, за да съхраните/подобрите здравето си?
 Рис.5. Что Вы лично делаете для поддержания/улучшения своего здоровья?

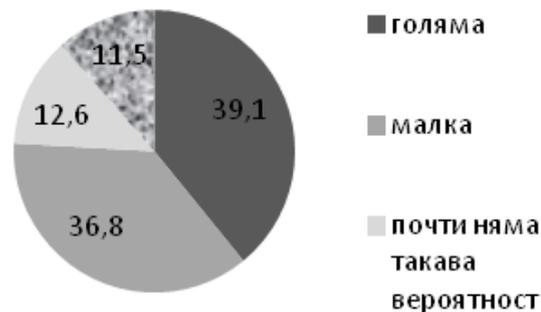
Фиг. 6. Имате ли допълнително здравно осигуряване?
Рис. 6. Есть ли у вас дополнительная медицинская страховка?

Допълнително здравно осигуряване, което дава значително по-големи възможности за ползване на медицинска помощ, имат едва 15 % от анкетираните, като за 10 % то е направено от работодателя, а едва 4,7 % го правят лично. Огромната част от населението нямат (повечето, най-вероятно, защото не могат да си го позволят). Процентът на тези, които са запознати с предлаганите здравни застраховки е почти равен на тези, които ползват такива – 15,9 %. Доста повече от половината от анкетираните направо заявяват, че въобще не са запознати с предлаганото в тази област.

Към икономически фактори, детерминиращи поведението, насочват и отговорите на въпроса за пестене на пари за посрещане на неочаквани разходи, свързани със здравето (фиг. 7).

Почти половината – 47,8 %, не пестят нищо, защото нямат възможност да го правят. 28,1 % отговарят, че когато могат пестят и само 3,9 % го правят редовно.

Друг риск за личната физическа сигурност е вероятността човек да стане жертва на престъпно посегателство. Изследването показва, че повече от една трета от респондентите – 39,1 %, оценяват вероятността те лично да станат жертва на престъпление като голяма. На другия полюс – че почти няма такава вероятност, са 12,6 %. Не могат да определят 11,5 % (фиг. 8).

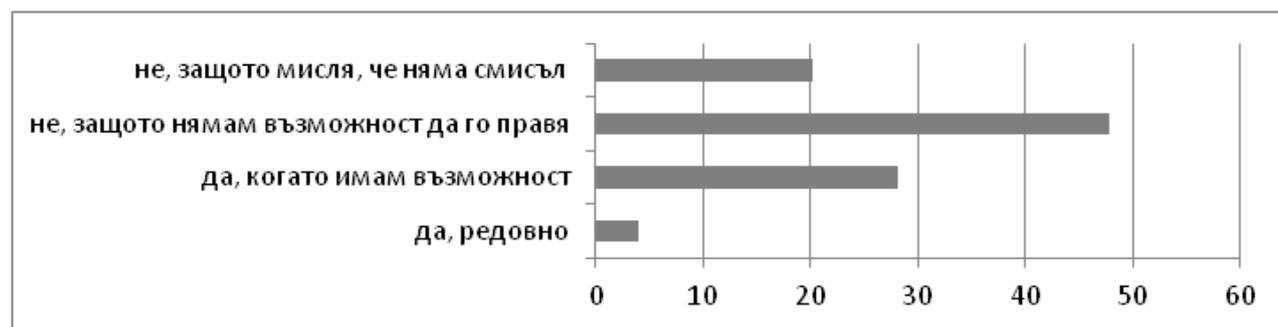
Фиг. 8. Как оценявате вероятността Вие лично да станете жертва на престъпно посегателство?
Рис. 8. Как вы оцениваете вероятность того, что Вы лично можете стать жертвой преступного посягательства?

Не е чудно като се има предвид оценката за този аспект на социалната ситуация. Тя определено е обезпокояваща – малко по-малко от две трети – 60,6 %, определят състоянието на престъпността като тежък и много тежък проблем за днешното българско общество.

Същевременно от изследването се вижда силната неудовлетвореност от правеното от държавните институции за гарантиране на безопасността на хората (фиг. 9).

Напълно удовлетворени от правеното от държавата са минимален процент – 1,2 %, частично – 16,8 % или общо по-малко от една пета. На другия полюс – напълно неудовлетворени са 30,2 %, по-скоро не – 47,6 %. Повече от очевидно е, че държавата не отговаря на очакванията и изискванията на гражданите си по отношение на основно тяхно право и не може да се очаква, че това няма да рефлектира и върху тяхното отношение към държавата и към изпълнението на гражданските им задължения.

Показателни са и отговорите на хората, които през предхожащите изследването 12 месеца са станали жертва на някакво престъпно посегателство и са уведомили полицията. Приблизително една четвърт са в някаква степен доволни – 4,2 % напълно и 20,8 % – частично. Мнозинството изразяват недоволство – никак не са доволни от дей-

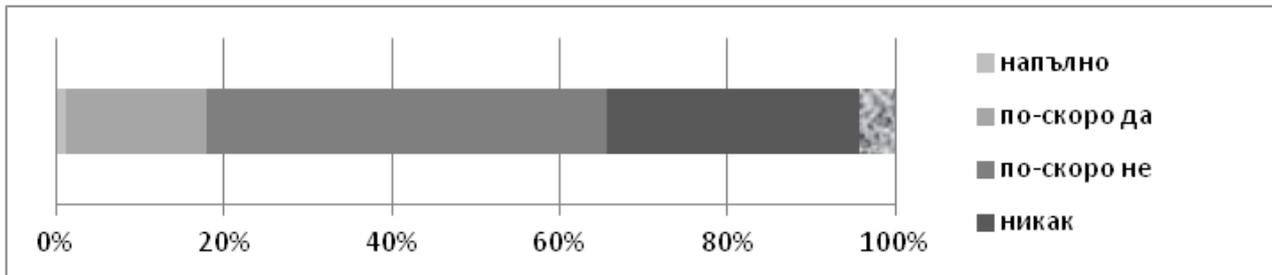
Фиг. 7. Пестите ли пари за неочаквани медицински нужди?
Рис. 7. Откладываете ли Вы деньги на непредвиденные медицинские нужды?

ствията на полицията 32,2 %, а по-скоро недоволни са 42,7 % (фиг. 10).

В мненията си, чия грижа трябва да е обезпечаването на личната и на собствеността сигурност, хората са разделени. Според 54,6 % това трябва да е изцяло или предимно ангажимент на държавата, докато останалите считат, че за това трябва да се грижи отделният човек (фиг. 11).

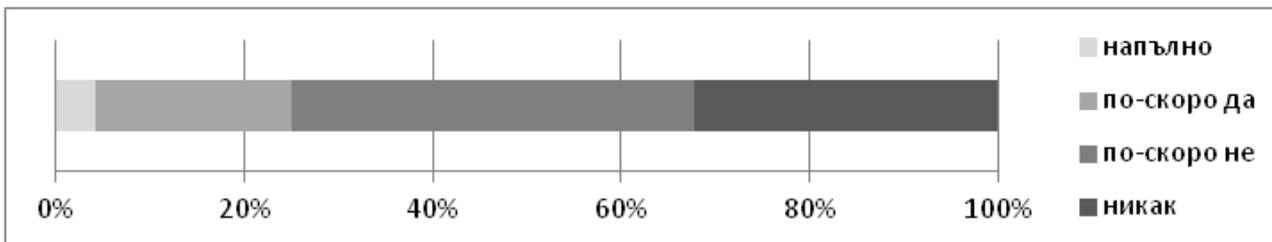
Регистрираното изнасяне на отговорите в посока на отделния човек, много вероятно е повлияно от продължилата повече от три десетилетия неспособност на държавата да овладее престъпността, която принуждава отделния човек да вземе „в свои ръце“ грижата за сигурността си.

Какво правят хората, за да се предпазят от престъпни посегателства? (фиг. 12)

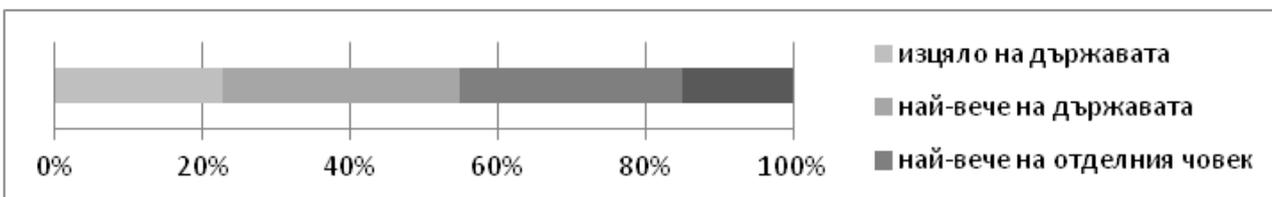
Фиг. 9. Доколко сте удовлетворени от това, което държавните институции правят за гарантиране на личната и на имуществото сигурност?

Рис. 9. Насколько Вы удовлетворены действиями государственных органов по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан?

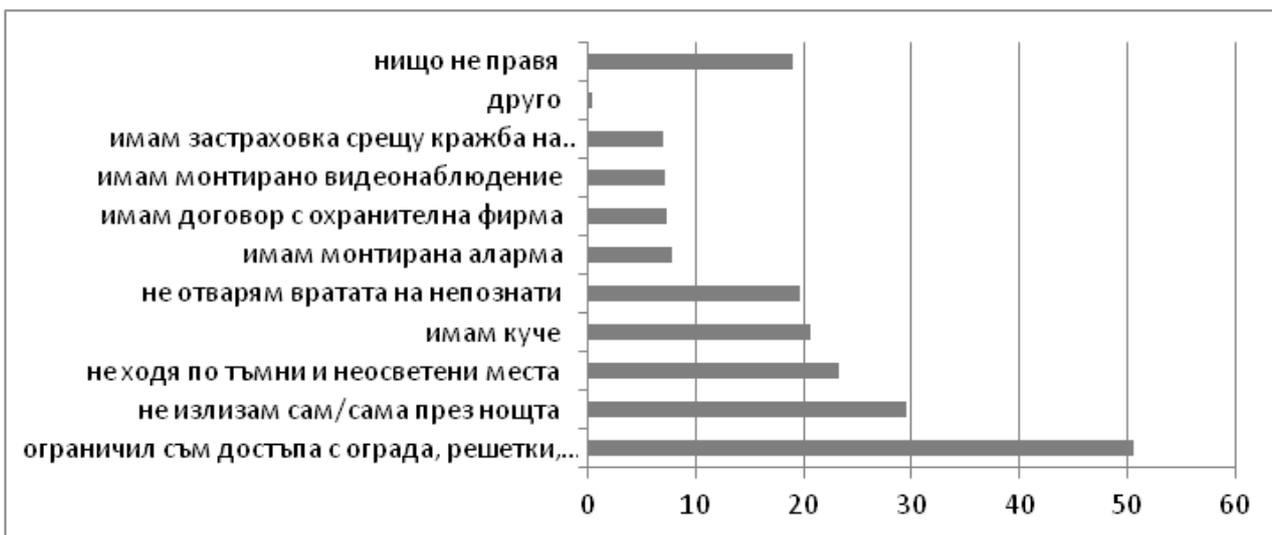
Фиг. 10. Доволни ли сте от предприетите от полицията действия?

Рис. 10. Удовлетворены ли Вы действиями полиции?

Фиг. 11. Според Вас, чия грижа трябва да бъде обезпечаването на сигурността на хората и имуществото им?

Рис. 11. По Вашему мнению, кто должен отвечать за обеспечение безопасности граждан и их имущества?

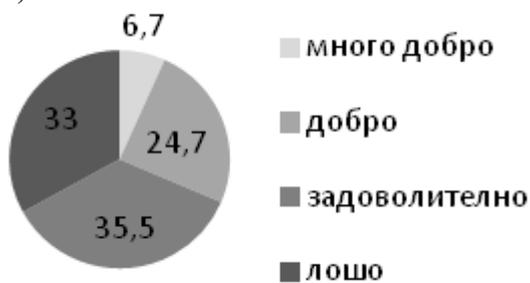
Фиг. 12. Вие лично, правите ли нещо, за да повишите своята и на имуществото си сигурност?

Рис. 12. Вы лично предпринимаете какие-то меры, чтобы повысить свою личную и своего имущества безопасность?

Събраната информация показва, че по-малко от една пета, по една или друга причина, не правят нищо. Половината обаче, според възможностите си, са направили нещо (огради, решетки на прозорци и пр.), за да ограничат достъпа до себе си и имотите си. Относително малко, очевидно по финансови причини, са тези, които ползват охранителни фирми, аларми и видеонаблюдение. Значителна част от хората в поведението си се съобразяват със ситуацията – почти 30 % не излизат сами в късните часове и през нощта, други над 20 % не ходят в тъмни и неосветени места, още толкова не отварят вратата на непознати.

Друг съществен риск се отнася до материалното благосъстояние.

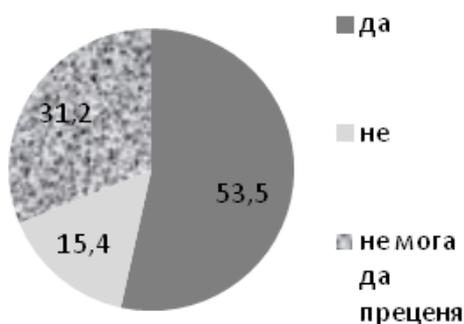
И настоящото изследване извежда на първо място сред проблемите в обществото ни бедността. Тя е много тежък проблем според 52 % от анкетиранияте, а тежък, според още 31 %. За повече от една четвърт (27,3 %) именно ниският доход е най-голям личен проблем. Самите респонденти оценяват материалното положение на домакинствата си най-често като задоволително и лошо (фиг. 13).

Фиг. 13. Как оценявате материалното си положение?

Рис. 13. Как вы оцениваете свое финансовое положение?

При това, според значителна част от хората има риск при самите тях в близка перспектива да настъпи неблагоприятна промяна във финансовото положение (фиг. 14).

Фиг. 14. Мислите ли, че има опасност материалното Ви положение да се влоши осезаемо през следващата година?

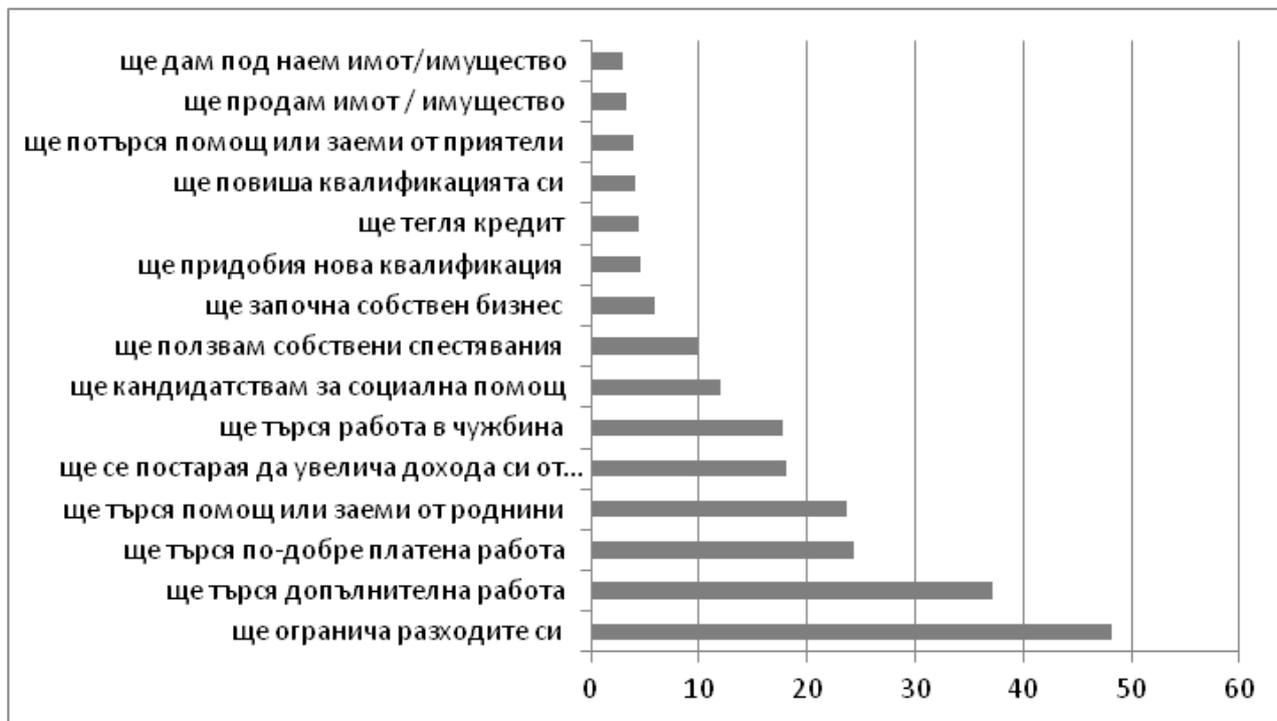
Рис. 14. Считаете ли Вы, что существует опасность того, что Ваше материальное положение может осезаемо ухудшиться в следующем году?

Същевременно категорично доминира становището, че държавата не се справя успешно с подпомагане на бедните, като то е изразено от 76 % от анкетиранияте. Тази позиция може да се свърже и с наскоро миналата пандемия от COVID 19, която доведе до рязък спад на доходите на значителна част от населението. Наистина, правителството въведе поредица от мерки – на хората, които не могат да полагат труд поради ограничителните мерки се предостави възможност да теглят безлихвени потребителски кредити до определен размер; от 1 октомври 2020 се увеличи месечното обезщетение за безработица; даде се възможност за разсрочване на вече взети кредити при значително свиване на доходите. Предприеха се специфични мерки за подкрепа на уязвими социални групи – за хора в нужда (възрастни, хора с увреждания, хора с доход под прага на бедност) се организира предоставяне на топъл обяд. Министерството на труда и социалната политика и Агенцията за социално подпомагане осъществиха кампания за осигуряване на пакети с храни от първа необходимост за най-нуждаещите се семейства; даде се възможност за получаване на еднократни и месечни помощи за семейства с деца до 14-годишна възраст, които учат дистанционно или не ходят на училище и на детска градина заради COVID; помощ за гледане на деца чрез осигуряване на детегледачи; еднократна помощ за ученици, записани в осми клас. Но трябва да се добави, че за да се използват изброените възможности, има редица изисквания и силно рестриктивни подходни критерии, което много стеснява кръга на потенциалните бенефициенти и фактически семейства със средни за страната доходи, не могат да се възползват от тях.

Същевременно „бизнесът и гражданите през този период изразяват недоволство, че са били третирани по-скоро като обект на политиките за предотвратяване разпространението на COVID-19 и на мерките за подкрепа, отколкото като ключова заинтересована страна, която активно да участва в процеса по тяхното създаване, прилагане и мониторинг“ (Димов 2023, с. 57).

Логично е да се очаква, че при натрупания опит и при оценката на риска, хората имат обмислени свои лични стратегии (фиг. 15).

Изследването показва много широко разпространени нагласи за прилагане на пасивни стратегии за справяне. Най-много – 47,2 % декларират, че ще ограничат разходите си. Някакви форми на активни стратегии са застъпени в около половината отговорите. Показателно обаче е, че само под 4 % от отговорите включват повишаване на квалификацията или придобиване на нова квалификация. И докато това са намерения за една хипотетична ситуация, то вече реално правеното за повишаване на доходите потвърждава вече очертаната картина. При положение, че две трети оценяват

Фиг. 15. Ако материалното Ви положение се влоши, какво бихте предприели, за да го подобрите?
 Рис. 15. Если Ваше финансовое положение ухудшится, что Вы предпримите для его улучшения?

СОЦИОЛОГИЯ

материалното си положение като лошо и задоволително и само 1,7 % казват, че нямат нужда да увеличат дохода си, то 58,5 % не правят нищо, за да го постигнат. По около 12 % поддържат домашно стопанство и без регистрация извършват услуги срещу заплащане (т.е. сива икономика). Почти 10 % работят допълнително без трудов договор, по около 5 % работят допълнително при същия или друг работодател с договори. Само 3,3 % имат допълнителен собствен бизнес. Изводът, който се налага е, че активност почти липсва, а доколкото я има, тя се реализира в не малка степен в някаква форма на скрита икономика.

Сходна картина се очертава и от събраната в хода на изследването на представители на бизнеса информация за приложените стратегии за справяне с последиците от COVID и скока на цените на енергийните ресурси. И по отношение на бизнеса бяха аносирани редица мерки за подкрепа – възможност за получаване на кредити при облекчени условия за микро и социални предприятия, за предприемачи и самонаети лица, за малки и средни предприятия; кредити с лихвена субсидия за малки и средни предприятия, запазващи заетостта по време на криза; инвестиционни и оборотни кредити за градско развитие и пр. За запазване на заетостта и гарантиране на доходи, се въведоха няколко финансови мерки, напр. „60/40“, при която държавата покри 60 % от осигурителния доход на работниците и от осигурителните вноски, дължими от осигурителя. В сферата на туризма тази схема бе „80/20“. Други мерки са: мярка „3-10“, изплащане на компенсации в размер на 290 лв.

месечно за всяко запазено работно място в секторите на туризма, хотелиерството и транспорта, субсидия за минимална работна заплата на предприятия, които по програма „Заетост за теб“ наемат безработни лица за период от 3 месеца, проект „Запази ме“ и др.

И в този случай обаче има редица ограничителни условия. Според бизнеса, особено често посочвана пречка, е наличието на задължения към хазната (каквито имат много фирми) или блокирани поради задължнялост сметки, което не дава възможност за кандидатстване.

Въпреки широко рекламираните правителствени мерки за подпомагане на работодателите, според изследване на Националния статистически институт, през ноември 2020 г. едва 9,8 % от нефинансовите предприятия се възползват от тях. Като основни проблеми се очертават ниската информираност за антикризисните мерки и програми и нежеланието за кандидатстване поради високи критерии и изисквания, проблеми с подготовката на необходимите за кандидатстване документи, които особено за безработните се явяват реална бариера да не могат да достигнат до програмите за подпомагане, недоверието към антикризисните мерки и управлението им (Мантарова 2021).

Изследването показва, че и при бизнеса категорично превес имат пасивните поведения. За справяне най-често е направено свиване на разходите, освобождаване на персонал, работа при снижени цени, без печалба, колкото да се възстановят вече вложените средства. В около 15 % от случаите, собственици на малък бизнес са се ориентирали

към закриването му и са потърсили работа като наети.

Като прилагани активни стратегии, макар и с различен резултат, се наблюдава активно търсене на нови клиенти по различни канали (особено неформални), ориентация към он-лайн дейности и търговия, предлагане на доставки по домовете, удължаване на работното време.

От събраната информация се вижда, че активни стратегии са прилагали най-вече мъже. Интересно е, че противно на очакванията, това не са хора от по-ниските възрастови групи, а по-зрелите. Средната възраст на използвалите активни стратегии за справяне е над тази на всички интервюирани. Също така се вижда, че хората от София са по-малко активни, те по-скоро изчакват ситуацията да се подобри от само себе си.

Що се отнася до намеренията за действия в рисковата за проспериране и дори за съществуване на бизнеса среда, и тук доминират пасивните стратегии – от примирение до изчакване подобрене на конюнктурата и действие по обичайния начин. Предвижданата ценова политика варира в широк спектър – от задържане на цените на услуги и работа почти без печалба, за да не се загубят клиенти и бизнесът да може да функционира в очакване на по-добри времена, през умерено повишение, за да се компенсират увеличените цени на консумативи, енергия, апаратура, до по-осезаемо увеличение, за да се увеличи заплащането и да се предпазят от текучество на персонала. Някои, предлагащи уникален или много търсен продукт, са ориентирани към по-осезаемо увеличение на цените, уверени, че ще имат достатъчно платежоспособни клиенти. Освен ценовата политика, бъдещите намерения са свързани и с нови форми на работа – он-лайн курсове, предлагане на нови услуги, разширяване асортимента на предлаганите стоки и услуги. Минимален е дялът на заяvilите, че ще повишат квалификацията си, за да предлагат по-качествени и нови услуги. Не на последно място трябва да се каже за наличието на развиващи до сега собствен или семеен бизнес, които се ориентират към търсене на допълнителна заетост или дори закриване на бизнеса и търсене на нова работа.

Неразривно свързана с доходите на населението е безработицата. През декември 2022 г. (времето на изследването) регистрираната безработица в България е ниска. Нисък е и дялът на хората, които възприемат риска да останат без работа като висок (фиг. 16).

Само за 6 % такава вероятност е много голяма и за 10,5 % – голяма. Въпреки, че процентите са ниски, за хората, които останат без работа и за семействата им, последиците са драматични. В същото време трябва да се има предвид и че определен дял от работещите заемат позиции, които не съответстват на придобитите от тях професии и на квалификацията им, така че може да се допусне, че въпросът за търсене на нова работа стои и пред тях.

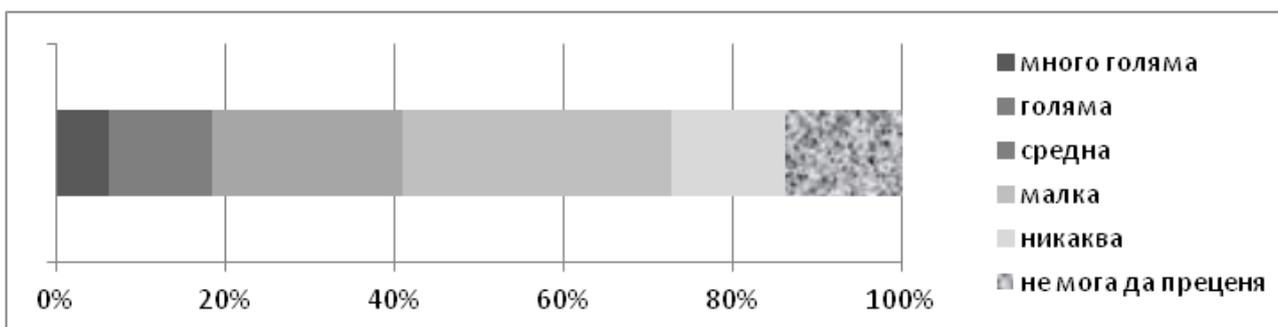
Определено очакванията за подкрепа от държавата в това отношение са ниски. И тук се регистрира силна неудовлетвореност от правеното от държавните институции (фиг. 17).

Очевидно от ключово значение е това, което самият човек ще прави.

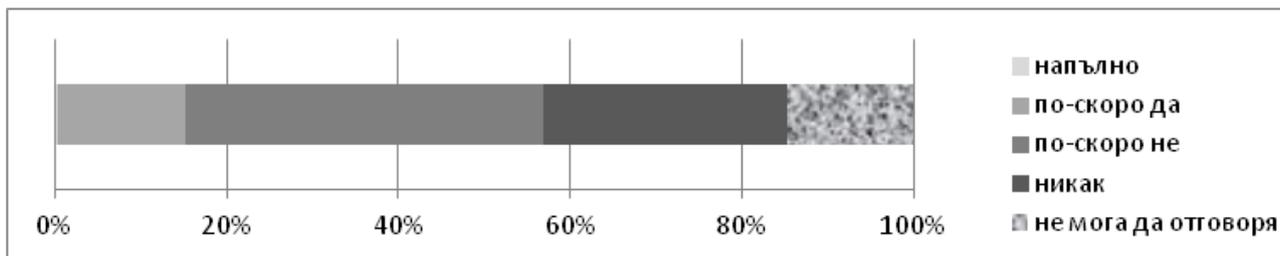
Запитани, ако им се наложи да търсят работа, как биха го правили, респондентите излагат своите намерения. (Допускайки, че хората, които преценяват, че няма вероятност да търсят работа, вкл. пенсионерите, не са обмисляли въпроса и нямат макар и приблизителна стратегия, относителните дялове са изчислени само за тези, според които има вероятност да търсят нова работа.) (фиг. 18)

Веднага се вижда яркото доминиране на ориентацията към ползване на неформални контакти. Повече от две трети биха се обърнали за помощ в търсенето към приятели, над 40 % – към колеги. 41,8 % ще ползват за търсене на работодател интернет. На следващо място са поставени роднините – 35,7 %. Практически същият е и дялът на тези, които ще търсят нова работа с помощта на държавните бюра по труда – 34,9 %. Много малък е дялът на посочилите обяви в медиите, а към частни агенции биха се обърнали едва 2,6 %.

Интересно е да се види какви оценки дават хората, които вече са ползвали услугите на едни или други организации и институции. Това ще покаже доколко нагласите са адекватни на качеството на

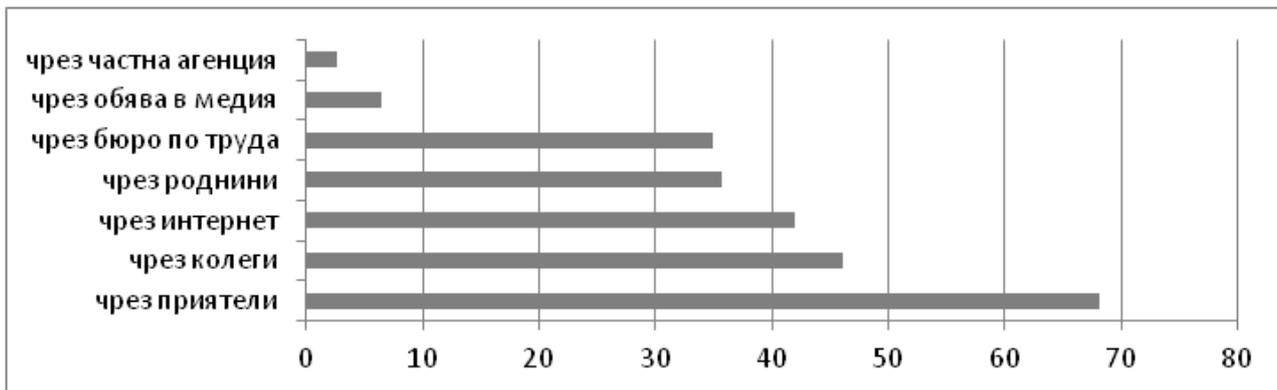

Фиг. 16. Как преценявате вероятността да останете без работа? (% от работещите)
Рис. 16. Как Вы оцениваете вероятность остаться без работы? (% процент работающих)

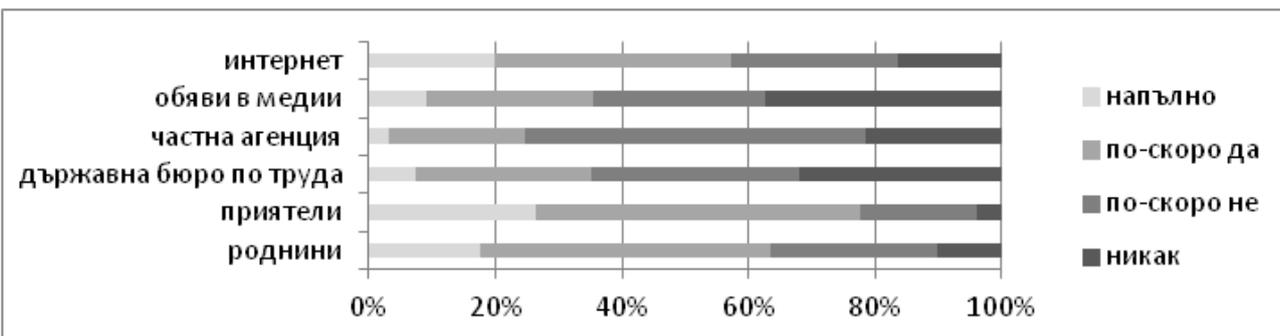
Фиг. 17. Доколко сте удовлетворени от това, което държавните институции правят за подпомагане на хората за намиране на работа?

Рис. 17. Насколько Вы удовлетворены действиями государственных учреждений в сфере помощи гражданам в поиске работы?

Фиг. 18. Ако Ви се наложи да търсите работа, как ще го правите?

Рис. 18. Если Вам придется искать работу, как Вы будете это делать?

Фиг. 19. До колко сте удовлетворени от оказаната помощ при търсене на работа (от заявите, че вече са ползвали такива услуги)

Рис. 19. Насколько Вы удовлетворены помощью, оказанной Вам при поиске работы (из числа тех, кто заявил, что уже пользовался подобными услугами)

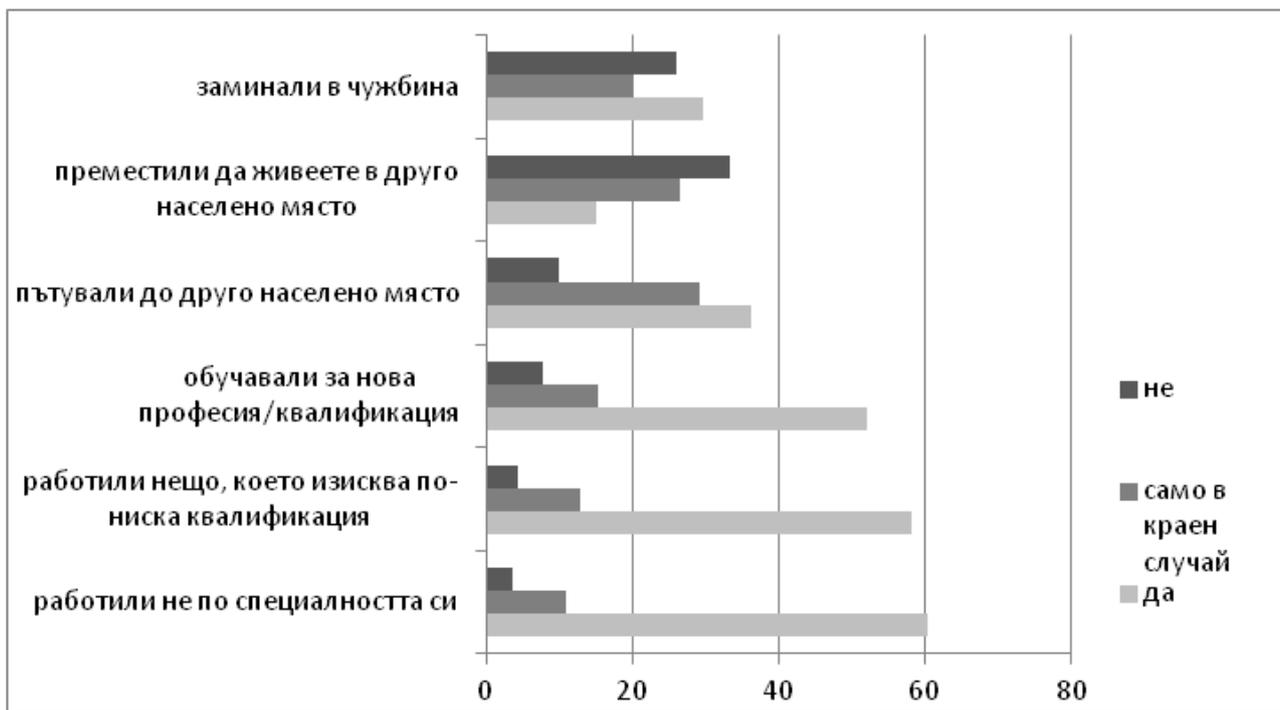
оказваните услуги или се базират на някакви предварително създадени мнения (фиг. 19).

Оказва се, че най-много са доволните от помощта за намиране на работа, оказана от приятели и роднини – съответно 75,6 % и 62,1 %. Близко е и интернет – 56 %. Що се отнася до услугите, предоставяни от държавните бюро по труда, мнението на ползвалите ги определено не е добро. Напълно или частично доволните са малко повече от една трета – 34,4 % (съответно 7,2 % и 27,2 %). Още по-категорично отрицателни са оценките по отношение на услугите от частните агенции – напълно доволни са едва 2,5 %, а на другия полюс – изцяло недоволни са 18,4 %. Съпоставката на отговорите за удовлетвореността от оказаните услуги и за ориентацията към определени субекти за такава услуга показва, че явно по неформални

канали тече информация и тя насочва хората към кого да се обърнат за помощ при търсене на работа. Същевременно е видно и че държавните бюро по труда трябва сериозно да променят работата си, за да бъдат не просто административни структури със статистически функции, а да изпълняват успешно задачите, за които са създадени.

Какво биха направили хората при трудности в намиране на работа (фиг. 20)?

Вижда се, че най-масово хората биха приели да работят не по специалността си – 60,3 % безусловно съгласни и 10,9 % – в краен случай; да приемат работа, изискваща по-ниска от притежаваната от тях квалификация – съответно 58,2 % и 12,9 %. Общо 67,3 % са склонни да се обучават за нова професия или за повишаване на квалификацията си. Доста по-малко – 36,2 % и още 29,2 %

Фиг. 20. Ако се наложи да търсите работа и не намерите такава, която Ви харесва, бихте ли:

Рис. 20. Если Вам придется искать работу, и Вы не найдёте ту, что Вам по душе, то Вы:

в краен случай, са готови да пътуват за работа до друго населено място. Само 15 % и 26,6 % в краен случай са склонни да се преместят да живеят в друго населено място. При това, делът на тези, които, попаднали в такава ситуация имат нагласа да заминат да работят в чужбина е по-висок. Допълнителни конкретизиращи въпроси потвърждават слабата готовност за вътрешна пространствена мобилност. Готовност за преместване в друго населеното място има най-вече за значително по-добре платена работа, и на следващо място – за работа в много по-добри условия.

Изводи

Общият извод от събраната в хода на изследванията информация е, че сред населението доминира мнението, че държавата трябва да има основната грижа за предпазване на хората от широк спектър рискове.

Що се отнася до рисковете за физическата сигурност – отнасящи се до здравето и неприкосновеността на личността, то очакванията са отправени на първо място към държавата. Общото мнение обаче е, че тя е далеч от изпълнение на ангажиментите си – не обезпечава достъпно и качествено здравеопазване, околна среда, която да не вреди на здравето на хората, не ги защитава в приемлива степен от престъпни посегателства срещу тях и собствеността им. При тази неудовлетвореност от правеното от държавата не може да се очаква, че няма да има отражение и върху отношението на хората към държавата и към изпълнението на гражданските им задължения. Същевременно и това, което отделният човек пра-

ви не може да се определи като активно поведение, особено що се отнася до собственото здраве. И макар че детерминираността в много случаи е икономическа, видно е, че не се използват и достъпни възможности. Разочарованието от продължилата повече от три десетилетия неспособност на държавата да овладее престъпността, принуждава отделния човек да вземе „в свои ръце“ грижата за сигурността си и според възможностите си да предприеме действия, повишаващи сигурността, най-малкото – да адаптира поведението си към ситуацията.

Сред населението категорично доминира становището, че в условията на лошо материално положение на широки слоеве от населението, държавата не се справя успешно с подпомагане на бедните. Що се отнася до индивидуалните стратегии, те са предимно пасивни и въпреки значителния дял хора, определящи положението си като лошо, значителна част от тях не правят нищо, за да го подобрят. Доколкото има активност, тя се реализира в не малка степен в някаква форма на скрита икономика.

Не само в личен план, но и при малкия бизнес категорично превес имат пасивните поведения. Прилагането на активни стратегии е ограничено и въпреки очакванията, то не е концентрирано сред младите и жителите на столицата. Сред интервюираните е минимален делът на ориентираните към повишаване на квалификацията с оглед иновации и предлагане на по-качествени и нови услуги. По едни или други причини, предложената в кризисна ситуация държавна подкрепа се оценява като недостатъчна и слабо достъпна.

В търсенето на работа като основен източник на доходи, хората разчитат преди всичко на неформални контакти. Държавните структури не се оценяват като ефективно работещи и съответно нагласата за търсенето на помощта им е доста ограничена. Готовността за пространствена мобилност в страната е слаба, по-предпочитан вариант е компромис при приемане на работа – изискваща по-ниска квалификация или не по предпочитаната специалност.

Като цяло съществува неудовлетвореност от правеното от държавата, но и индивидуалните стратегии за предотвратяване на рискове и за ограничаване на отрицателните им последици се характеризират с пасивност и често се свеждат до налагане на ограничения. Нагласите, а още по-малко реалното осъществяване на перспективни от гледна точка на бъдещето действия, е слабо разпространено.

Библиографическият списък

Арент, Х. (1997), *Човешката ситуация*, Критика и хуманизъм, София, България.

Бек, У. (2013), *Рисковото общество*, Критика и хуманизъм, София, България.

Генов, Н. (1993), *Устойчиво развитие и екологичен риск*, РЕГЛО, София, България.

Генов, Н. (2000), *Източна Европа в глобалните процеси*, РЕГЛО, София, България.

Гидънс, А. (2003), *Социология*, Изд. Прозорец, София, България.

Димов, Т. (2023), Институционални политики за справяне с рискове: актуални аспекти. В: Мантарова А. (съст. и ред.), *Превенция и управление на рискове*, с. 41–60, Авангард Прима, София, България.

Мантарова, А. (2021), Пандемия COVID-19 и мерки по ограничению ея разпространения в България: последиствия и изводи, В: *Семиотически изследвания*, бр. 1, 2021, с. 78–90.

Мантарова А. Стратегии на малкия бизнес за предотвратяване и управление на рисковете. Доклад. X Международен научен конгрес „Стратегии на предприемачеството: бизнес-екосистема, реални ценности, общество“, Москва, 20–21 май 2022, Организатор Финансов университет при Правителството на Русия.

Мантарова, А. (2023), Състояние и динамика на престъпността в България: перцепции и реакции, В: Мантарова А. (съст. и ред.), *Превенция и управление на рискове*, с. 71–82, Авангард Прима, София, България.

Попов, Ст. (2021), *Риск. Концептуална рамка*, Нов български университет, София, България.

Решение № 378 на Министерския съвет от 12 юни 2020 г.

Решение № 418 на Министерския съвет от 25 юни 2020 г.

Решение № 482 на Министерския съвет от 15 юли 2020 г.

Решение № 525 на Министерския съвет от 30 юли 2020 г.

Решение № 609 на Министерския съвет от 28 август 2020 г.

Решение № 673 на Министерския съвет от 25 септември 2020 г.

Решение № 855 на Министерския съвет от 25 ноември 2020 г.

Решение № 72 на Министерския съвет от 26 януари 2021 г.

Решение № 395 на Министерския съвет от 28 април 2021 г.

Решение № 426 на Министерския съвет от 26 май 2021 г.

Решение № 547 на Министерския съвет от 28 юли 2021 г.

Решение № 629 на Министерския съвет от 26 август 2021 г.

Слатински, Н. (2019), *Рискът. Новото име на сигурността*, Изток-Запад, София, България.

Смедовска-Тонева, Р. (2023), Извънредност – криза – риск, В: Мантарова А. (съст. и ред.), *Превенция и управление на рискове*, с. 11–40, Авангард Прима, София, България.

Тилкиджиев, Н. (2006), Качество на живот и щастие: европейски ренесанс на една традиция, В: М. Грекова и П. Кабакчиева (съст.), *Отвъд дисциплинарните ограничения*, Университетско издателство „Св. Кл. Охридски“, София, България.

Тилкиджиев, Н. (2002), *Средна класа и социална стратификация*, ЛИК, София, България.

Човешката сигурност (1997), ПРООН, Фондация „Фр. Еберт“, София, България.

Lupton, D. (1999), *Risk and sociocultural theory. New Directions and Perspectives*, Cambridge University Press, UK.

Renn, O. (1992), Concepts of Risk. In: Sheldon Krimsky, Dominic Golding (Eds.), *Social Theories of Risk*, Praeger Publishers, Westport–Connecticut–London, UK.

Zinn, T. (2006), Current Directions in Risk Research: New Developments in Psychology and Sociology, *Risk Analysis*, vol. 26, no. 2.

Емпирично социологическо изследване „Рисковете: перцепции и реакции“, проведен в рамките на проект „Личностни и институционални стратегии за превенция и управление на рискове: специфики и детерминанти“, финансиран от ФНИ, декември 2022 г.

Емпирично социологическо изследване „Малкият бизнес в ситуация на неопределеност“, проведен в рамките на проект „Личностни и институционални стратегии за превенция и управление на рискове: специфики и детерминанти“, финансиран от ФНИ, 2022 г.

References

- Arendt, H., (1997), *The Human Situation, Criticism and Humanism*, Sofia, Bulgaria.
- Beck, W., (2013), *The Risk Society, Criticism and Humanism*, Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Decision No. 378 of the Council of Ministers of June 12 (2020), (In Bulgarian).
- Decision No. 418 of the Council of Ministers of June 25 (2020), (In Bulgarian).
- Decision No. 482 of the Council of Ministers of July 15, (2020), (In Bulgarian).
- Decision No. 525 of the Council of Ministers of July 30, (2020), (In Bulgarian).
- Decision No. 609 of the Council of Ministers of August 18, (2020), (In Bulgarian).
- Decision No. 673 of the Council of Ministers of September 25, 2020. (In Bulgarian)
- Decision No. 855 of the Council of Ministers of November 25, (2020). (In Bulgarian).
- Decision No. 72 of the Council of Ministers of January 26, (2021), (In Bulgarian).
- Decision No. 395 of the Council of Ministers of April 28, (2021), (In Bulgarian).
- Decision No. 426 of the Council of Ministers of May 26, (2021), (In Bulgarian).
- Decision No. 547 of the Council of Ministers of July 28, (2021), (In Bulgarian).
- Decision No. 629 of the Council of Ministers of August 26, (2021), (In Bulgarian).
- Dimov, T. (2023), *Institutional Policies for Dealing with Risks: Current Aspects*, Mantarova, A. (Ed.), Prevention and management of risks, pp. 41–60, Avangard Prima, Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Empirical sociological research "Risks: perceptions and reactions", conducted within the framework of the project "Personal and institutional strategies for preventing and managing risks: specifics and determinants"*, financed by the National Science Fund, December 2022.
- Empirical sociological research "Small business in situations of uncertainty", conducted within the framework of the project "Personal and institutional strategies for preventing and managing risks: specifics and determinants"*, financed by the National Science Fund, 2022.
- Genov, N. (1993), *Sustainable Development and Environmental Risk*, REGLO, Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Genov, N. (2000), *Eastern Europe in Global Processes*, REGLO, Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Giddens, A. (2003), *Sociology*, Prozorets (ed.), Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Human security* (1997), UNDP, Foundation "Fr. Ebert", Sofia, Bulgaria.
- Lupton, D. (1999), *Risk and sociocultural theory. New Directions and Perspectives*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Mantarova, A.I. (2021), Pandemic COVID-19 and measures to limit its spreading in Bulgaria: aftermaths and conclusions, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 78–90, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-78-90> (In Russian).
- Mantarova, A. (2022), *Small business strategies for risk prevention and management*, Report. X International Scientific Congress "Business Strategies: Business Ecosystems, Real Values, Society", Moscow, May 20-21, 2022. Organizer Financial University under the Government of the Russian Federation (In Russian).
- Mantarova, A. (2023), *State and dynamics of crime in Bulgaria: perceptions and reactions*, Mantarova A. (Ed.), Prevention and management of risks, pp. 71–82 Avangard Prima, Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Popov, St. (2021), *Risk. Conceptual framework*, New Bulgarian University, Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Renn, O. (1992), *Concepts of Risk*, Sheldon Krimsky, Dominic Golding (Eds.), *Social Theories of Risk*, Westport – Connecticut – London: Praeger Publishers, UK.
- Slatinski, N. (2019), *The risk. The new name of security*, Iztok-Zapad, Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Smedovska-Toneva, R. (2023), *Emergency - crisis - risk*, Mantarova A. (Ed.), Prevention and management of risks, pp. 11–40, Avangard Prima, Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Tilkidzhiev, N. (2006), *Quality of life and happiness: European renaissance of a tradition*, M. Grekova and P. Kabakchieva (eds.), Beyond disciplinary limitations. University Publishing House "St. Cl. Ohridski", Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Tilkidzhiev, N. (2002), *Middle class and social stratification*, LIK, Sofia, Bulgaria (In Bulgarian).
- Zinn, T. (2006), Current Directions in Risk Research: New Developments in Psychology and Sociology, *Risk Analysis*, vol. 26, no. 2.

Submitted: 20.12.2023

Revised: 01.02.2024

Accepted: 10.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-92-101

Дата поступления: 08.02.2024
рецензирования: 15.04.2024
принятия: 10.06.2024

Г.В. Еремичева

Социологический институт РАН,
филиал ФНИСЦ РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: eremag@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2769-8643>

Г.А. Меньшикова

Санкт-Петербургский государственный
университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: menshikova.g.a@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1381-3310>

Хуань Шоуцюань

Санкт-Петербургский государственный
университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: huyan.official@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9307-3956>

Гостиничный бизнес и гостеприимство в социологической оптике изучения

Аннотация: рост объема гостиничного бизнеса, повышение его важности как отрасли экономики, приносящей доходы и создающей рабочие места, предопределили необходимость теоретического осмысления феномена отельного (гостиничного) обслуживания. Зарубежная наука имеет более глубокие традиции и сформулированные подходы социологического ракурса в изучении отелей: в плане истории, развитии форм и практики гостеприимного поведения, отражение культурных норм и традиций; практические исследования отелей как предприятия, места работы, элемента городской инфраструктуры. В рамках статьи представляются различные наиболее заметные концептуальные разработки как зарубежных, так и отечественных исследователей в этой сфере, а также результаты собственного исследования, выполненного методом контент-анализа российских профильных журналов по вопросам отельного бизнеса. Данные позволяют говорить, что интеграция принципов гостеприимства в коммерческий сектор, роль и специфика эмоциональности в обслуживании российских, в отличие от китайских, отельеров пока не являются первостепенными. Техническая сторона обслуживания и профессионализация персонала кажутся им более существенным индикатором. Однако, содержательный анализ ряда тематических статей, текстов интервью с работниками «индустрии гостеприимства» и клиентами указывает на то, что этические элементы и принципы гостеприимства становятся все более значимыми в этой сфере.

Ключевые слова: социологический ракурс; гостиничный бизнес; гостеприимное поведение; культурные традиции.

Цитирование: Еремичева Г.В., Меньшикова Г.А., Хуань Шоуцюань Гостиничный бизнес и гостеприимство в социологической оптике изучения // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 2. С. 92–101. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-92-101>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Еремичева Г.В., 2024** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН, филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 198005, г. Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская ул., д. 25/14.

© **Меньшикова Г.А., 2024** – кандидат экономических наук, доцент факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

© **Хуань Шоуцюань, 2024** – аспирант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

SCIENTIFIC ARTICLE

G.V. Eremicheva

Sociological Institute of FCTAS RAS,
St.-Petersburg, Russian Federation
E-mail: eremag@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2769-8643>

G.A. Menshikova

Sant-Petersburg State University,
St.-Petersburg, Russian Federation
E-mail: menshikova.g.a@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1381-3310>

Huyan Shouquan

Sant-Petersburg State University,
St.-Petersburg, Russian Federation
E-mail: huyan.official@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9307-3956>

Hotel Business and Hospitality in the Sociological Optics of Study

Abstract: the growth in the volume of the hotel business, the increase in its importance as a sector of the economy that generates income and creates jobs, predetermined the need for a theoretical understanding of the phenomenon of hotel services. Foreign science has deeper traditions and better-formulated approaches from a sociological perspective with respect to the study of hotels: historical, as the development of forms and practices of hospitable behavior, a reflection of cultural norms and traditions; practical studies of hotels as an enterprise, a place of work, and an element of urban infrastructure. The article presents various most notable conceptual developments of both foreign and domestic researchers in this area, as well as the results of our own research carried out using the method of content analysis of Russian specialized magazines on hotel business issues. The data allows us to say that the integration of the principles of hospitality into the commercial sector, the role and specificity of emotionality in service for Russian hoteliers, unlike the Chinese ones, are not yet paramount. The technical side of service and the professionalization of personnel seem to them to be a more significant indicator. However, a substantive analysis of a number of articles on the topic in question as well as interviews with hospitality workers and clients indicates that the ethical elements and principles of hospitality are becoming increasingly important in this area.

Key words: sociological perspective; hotel business; hospitality behavior; cultural tradition.

Citation: Eremicheva, G.V., Menshikova, G.A., Huan, Shoutsuan (2024), Hotel Business and Hospitality in the Sociological Optics of Study, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 92–101, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-92-101>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Eremicheva G.A., 2024** – Candidate of Philosophy, senior researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Menshikova G.A., 2024** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya Embankment, St-Petersburg, 199034, Russian Federation.

© **Huan Shoucuan, 2024** – graduate student of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya Embankment, St-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Введение

Рост объема гостиничного бизнеса и его значимости как отрасли экономики, приносящей доходы и создающей рабочие места, предопределили необходимость теоретического осмысления феномена отельного (гостиничного) обслуживания. Долгое время гостиницы (по крайней мере, в России) рассматривались как предмет научного изучения лишь статистиками и экономистами, но не социологами, что представляется не совсем пра-

вомерным. В зарубежной литературе отмечаются более глубокие традиции изучения этого феномена. Можно выделить ряд аспектов сформулированных подходов, предопределяющих формирование социологического ракурса в изучении отелей: исторический, как формы и практики гостеприимного поведения, отражающих культурные нормы и традиции общества; практические исследования отелей как предприятия, места работы, элемента городской инфраструктуры.

Исторический взгляд на процесс возникновения отеля, влияние культурных норм и традиций

Исторический подход к описанию отелей сложился уже более столетия назад и его сторонники: социологи, урбанисты, историки, – предлагают рассматривать возникновение отелей как сопряжение более широких социальных и экономических процессов, отражающих такие прогрессивные тренды как индустриализация производства, урбанизация, рост сложных форм бизнеса и государственной бюрократии. Другими словами, отели рассматриваются ими как проводники модернизации со всеми драматическими изменениями, которые претерпевал мир. Такие мыслители, как Роберт Парк и Луис Вирт, использовали отель в качестве примера или метафоры некоторых классических условий современности: быстротечности, анонии, *gesellschaft* и так далее. Вполне логично, что феномен отеля как института олицетворял собой, по их мнению, неизбежный подъем современной эпохи, процесс ее индустриализации (Вирт 2005; Парк 2006).

Признание специфической роли отелей как особого поля для исторических исследований привело к объединению историков в рамках журнала «Tourism in History», в котором многочисленные публикации позволяют авторам через историю отелей передать дух времени, специфику социальных отношений. Среди наиболее известных исследователей можно выделить таких как Kevin J. James, A.K. Sandoval-Strausz, Daniel Maudlin, Maurizio Peleggi, Cédric Humair, Molly W. Berger. По их мнению, «отель может быть использован как исторический субъект – как пространство, которое формирует контуры общительности, капитализма и отношений класса, рода и расы». Другими словами, авторы в описании отелей как инфраструктуры, необходимой для путешествий, выявляли «коды и практики гостеприимства, а также отражение экономической и технологической системы» (Kevin, Sandoval-Strausz & others 2017, с. 92).

В книге «Hotel: An American History», своеобразной манифестации сторонников этого подхода, Эндрю Sandoval-Strausz показывает на истории отелей США цивилизационные изменения отношений при колониализме и империализме. И далее в процессе перехода к обществу модерн, индустриализации и урбанизации. Автор предлагает разделять термины «гостиница и отель», рассматривая первых как более раннюю форму организации проживания, а вторую – как более позднюю¹.

¹ Современные рекламодатели указывают, что единственное отличие отеля от гостиницы состоит в названии. Слово «отель» пришло из французского языка, в то время как «гостиница» – русское и используется только в России, реже

Массовый переезд европейцев на территорию Нового Света заложил основы гостиничного дела, выявив при этом внутреннюю специфику отношений, сложившихся в стране на тот момент: между Старым и Новым Светом, между людьми разных национальностей и т.д. Отели он рассматривал как более современную и демократическую форму временного проживания в разных штатах с разными политическими, культурными и национальными традициями (Sandoval-Strausz 2017).

На предметном материале американских отелей работал другой авторитетный историк – Маурицио Пеледжи (Maurizio Peleggi), который предложил разделить «контактной» и «комфортной» зон, и аргументировал его примерами из XVIII века. Описывая формы и функции колониального отеля, он предположил, что эта форма временного проживания одновременно расширила влияние метрополии и отделила ее от нее (Peleggi 2022).

Используя метод «кейс стадии», специалист по европейским отелям, Седрик Юмейр (Cédric Humair), на данных континентальной Европы, выявил роль таких факторов как месторасположение (а, соответственно, и преимущественного проживания населения определенного класса), особенности политических пристрастий владельцев отелей, сформировавших суть отношений в XVIII–XIX вв. (Humair 2017). А Молли Бергер, описывая современные отели, подчеркивала особую роль брендинга, технологий и «индивидуальности» в развитии отельного бизнеса для настоящего времени (Humair, Berger 2017). Именно в этих направлениях идут современные исследования в западной науке.

Как было отмечено, изучение отельного бизнеса в России и Китае в социологическом ракурсе не имеет глубоких традиций и многолетнего опыта в отличие от истории этого процесса. Накопленный обширный литературный и исследовательский материал позволяет остановиться на отдельных наиболее характерных и содержательных примерах России и КНР в разные периоды.

Развитие отельного бизнеса в России и Китае: сходства и различия

В России возникновение «гостиничного дела» известно с древнейших времен. В средние века

на территориях стран, входивших в состав СССР. Уровень оказания услуг, цены, стандарты качества, список того, что входит в сервис, – все это примерно одинаково в обоих местах. В настоящее время появились новые формы гостиничного бизнеса – апартаменты, гостевые дома, пансионаты, мотели и хостелы. Разница между отелем и хостелом заключается в том, что в первом случае путешественник арендует комнату с собственной душевой и туалетом, тогда как в хостеле – только кровать, все остальные зоны общие. Мотелем называют мини-гостиницы, которые расположены возле дороги. При таком формате размещения путешественник также арендует отдельную комнату с удобствами. Также отличие состоит в наличии дополнительных услуг (Сурина 2023).

это были постоянные и гостинные дворы. В XVIII веке, особенно в столицах, временное жилье было представлено еще и трактирами, харчевнями, меблированными комнатами, квартирами, домами, сдававшими в найм, и собственно гостиницами. На начало XX века в России насчитывалось 4685 гостиниц, находящихся в частном владении, не считая постоянных дворов и трактиров с номерами. Учитывая социальную специфику России, следует указать на значимость гостиниц как инфраструктуры, обеспечивающей государственную (чиновничью) деловую коммуникацию, а также потребности перемещения по огромной территории страны. Гостиницы, а точнее постоянные дворы, нужно признать необходимой инфраструктурой обеспечения хозяйствования, в частности землевладения. Собственники земель, вынужденные приезжать в деревни для проверки и контролировать ведение хозяйства, привозить свои семьи на лето для временного проживания, остро нуждались в месте, где можно было остановиться на ночлег во время переезда.

Похожим образом формировались гостиницы в Китае (Gu Huimin, Ryan Chris, Yu Larry 2012, с. 58). Появление постоянных дворов, а точнее почтовых станций в Китае и России имеет черты общего и различного. Обе страны имели уже в период древности – для каждой страны по датам они, конечно, различались – огромные территории, что предопределяло важность дорог и мест для организованного ночлега путешественников. Известно, что уже в период правления династий Инь и Чжоу (самый древний период царствований – XVIII век до н.э.) в Китае существовали дороги с высаженными по краям деревьями. Для порядка и удобства проезжающих, на них имелись указатели, сколько времени нужно ехать до источника с водой, постоянного двора или города/поселения.

Эти станции финансировались из бюджета и контролировались местными органами власти. Для гонцов с государственными («царскими») указами (и других представителей правящего сословия, вынужденных путешествовать) выдавались специальные документы – «свидетельства путешественника», дававшие право на бесплатное проживание и получение необходимой помощи/транспорта. Учитывая, что круг перемещающихся постоянно увеличивался, расширялся и перечень регламентирующих свидетельств. Путешественники и, прежде всего, гонцы обеспечивались не только условиями для проживания, но и транспортом, а также пищей. Продуманность китайской системы высоко оценивалась европейцами, которые приезжали в страну, в частности Марко Поло (Поло 2021).

Что касается гостиниц, тогда они назывались гостевыми домами, то они появились позднее – в период Весны и Осени, развились в период ди-

настии Чжоу. Описывая их, нельзя не оценить их раннюю дифференциацию по видам и функциям, которые в них исполнялись. Для важных постояльцев организовывались приемы, их могли обслуживать переводчики. Наличие специального помещения для приема важных гостей – отличительная черта китайского гостевого дома. Другое отличие – ведение регистрационных списков, в которых фиксировались те, кто и как долго проживал в данном месте.

Как процесс дальнейшего развития гостиниц (гостевых домов) можно рассматривать быстрое появление частных заведений, имея в виду, что первоначально они принадлежали государству или администрации/правительству, местного уровня. Заметный прирост отмечен в период Воюющих царств (V век до н.э.). Признаком эволюции является растущее разнообразие их внешнего вида и большая функциональность предлагаемых услуг. Самыми красивыми, напоминающими «уединенные красивые сады» были государственные гостевые дома, принадлежавшие районной власти. Частные – были несколько скромнее; существовали и бедные – для малоимущих торговцев. Огромную роль владельцы гостиниц отводили вывескам. Уже в период династии Сун гостиницы имели название, которые были тщательно продуманы и обозначали место их нахождения и функционал. Чуть позднее (период династии Юань, XIII–XIV века) гостевые дома стали ранжироваться: по уровню благоустройства, разнообразия обслуживания, состояния окружающей территории (Валиева, Насирова 2023).

Продолжая линию, предложенную зарубежными исследователями, описывать случаи, когда гостиницы объективировали хронологическое время, особенности эпохи и места, наиболее наглядным мог бы стать «советский» кейс. Это очень важный этап развития гостиничного дела, характеризующийся целым рядом особенностей функционирования гостиниц в период хозяйствования СССР. В тот период времени гостиницы могли принадлежать только государству, а их работники получали заработную плату, достаточно невысокую соответственно отраслевым нормам. Администраторы, включая персонал, обеспечивающий расселение клиентов, сделали отели одним из мест «кормления» и формирования коррупционных отношений. По номиналу цены, а они были вполне доступные, номера сдавались только организованным туристам, т.е. групповым путешественникам по путевкам разного рода Бюро путешествий, которые имели с гостиницами договора на размещение. Для самостоятельных туристов, путешественников, командировочных и других рядовых граждан они были доступны только по «звонкам сверху» (по знакомству) или за дополнительную мзду, которая могла составлять двух- или

трехразовое превышение номинала. Полученные «левые» доходы брал администратор при оформлении проживания (на приеме), большую часть передавал старшим управленцам, которые распределяли его между персоналом гостиниц, собой и высшим руководством. Таким образом, гостиницы в СССР были классическим примером неформальной экономики, осознанно формирующей дефицит как признак советского или социалистического хозяйствования, с тем, чтобы использовать его (дефицит) для самообогащения в противовес общественному интересу (Корнаи 1990).

Подводя итог исторической составляющей социологического ракурса, признаем его утилитарность, выражающуюся в описании отелей, обусловленных местом, временем, национальными нормами и традициями, социальными отношениями. При этом можно отметить, что репрезентация особенностей функционирования гостиниц, выявленных в исследованиях текстов исторических источников и литературных зарисовок, как в капле воды отражает дух времени и суть складывавшихся социальных отношений под непосредственным влиянием культуры каждой страны.

Практические исследования отелей как предприятия, места работы, элемента городской инфраструктуры в рамках теории гостеприимства

Для более наглядного рассмотрения отельного бизнеса в социологической оптике как предприятия, места работы, элемента городской инфраструктуры, где воспроизводятся и отрабатываются специфические производственные и культурные практики, вполне адекватной может стать теория гостеприимства. Суть этого подхода заключается в том, феномен гостеприимство является значимым видом социальной деятельности, характеризующийся правилами национальной культуры и условиями коммуникаций, различающийся по формам выражения в разные исторические периоды. Гостеприимство существует в культуре как самостоятельное явление, наполняющееся теми или иными традиционными практиками. Гостеприимство представляет социальный институт, который сформировался по мере развития путешествий и торговых связей и индустриализировался до современной коммерческой сферы, которая напрямую включена в мощную индустрию миллионов профессионалов и направлена на создание позитивной программы для временно проживающих путешественников (Атикеева, Муканова и др. 2021, с. 11).

Интерес к этому ракурсу, как предмету научного изучения, возник в конце XX – начале XXI века, отразив рост индустрии гостеприимства. Частично его воплотили две знаковые монографии: «*In Search of Hospitality: theoretical perspectives and*

debates» (Lashley & Morrison, 2000) и «*Hospitality: a social lens*» (Lashley, Lynch & Morrison, 2007). Основные выводы данных исследований активно задействованы в формировании наших собственных концептуальных рассуждений и представленных в статье.

Первыми и наиболее известными исследователями этого феномена стали антропологи и этнографы (Andrews 2000; Selwyn 2000; Cole 2007). Немалый вклад внесли социологи (Ritzer, 1993, 2007; Lashley 2008), экономисты и социальные географы (Bell 2007; Wharton 2007), историки (Walton, 2000). Фокусом их изысканий стало гостеприимство как особый тип «обслуживающей деятельности», а проблемой – сохраняются ли в настоящее время традиции взаимодействия гостя и хозяина во всей полноте спектра этих отношений. Исследователи, в частности, Колин Лашли, предложили установить контекст гостеприимства, используя три домена, т.е. различая культурное/социальное; частные/домашние и коммерческие отношения (Lashley 2008).

На наш взгляд, в данном случае уместно привести образное выражение Жака Дерриды: «Не только существует культура гостеприимства, но нет культуры, которая не была бы также культурой гостеприимства. Все культуры соревнуются в этом отношении и представляются более гостеприимными, чем другие. Гостеприимство – это сама культура» (Derrida 2002, с. 361). Среди ученых нет единства по вопросу соотношения строгой обязательности норм гостеприимства в современных и исторических условиях. Практически единым является признание обязательности гостеприимства в древнее время, по поводу современности мнения разделились. Ж. Деррида принимает вневременной и неизменный аспект гостеприимства. Большинство исследователей отказывает в этом современным индустриальным обществам, которые не имеют таких же культурных и религиозных обязательств по отношению к незнакомцам. Сейчас нет, как это было бы в средневековой Англии (Heal 1990), в Австрии или Риме (Lomaine 2005), Древней Греции или Иудее (O’Gorman 2007) необходимости предлагать кров, еду и питье незнакомцам. Однако, многие культуры и сейчас сохраняют правила обязательной помощи гостям.

Описывая нормы раннесредневековой Англии, Фелисити Хейл указывает на то, что существовали сильные моральные и культурные обязательства, оказывать гостеприимство путешественникам, незнакомцам и бездомным. Хозяин должен был обеспечить каждому защиту и безопасность, пищу и место для сна. Она отмечает, что эти обязательства были основаны на пяти основополагающих принципах отношения между хозяином и гостем, которые являются «естественными» и обусловлены природой социальной жизни. Они

предопределяют правила поведения хозяина; гостеприимство рассматривается как благородное поведение; это альтруистическое пожертвование, которое является установленной и ожидаемой частью английской общественной жизни. Ценности гостеприимства, социальные отношения и обмены, которые оно порождает, не менее важны, чем те, которые формируются рынком (Heal 1990, с. 22).

Ряд исследователей обращают внимание на правила поведения гостей, дополняя их рекомендацией, сокращать свои требования по мере своего пребывания и ссылаются на красноречивую итальянскую поговорку: «Гости как рыба, через три дня начинают дурно пахнуть» (Selwyn, 2000). Ученые предлагают разделять естественное гостеприимство по отношению к незнакомым гостям (hospitality), основанное на альтруистической помощи, и излишнее, корыстное, преувеличенное (hospitableness), совершаемое или напоказ другим, или в надежде на будущую компенсацию (Telfer 2000).

Хотя большинство исследователей утверждают, что обязательства быть гостеприимными больше не имеют того морального авторитета, которым они когда-то обладали, некоторые из них настаивают на необходимости их сохранения в модернизированных формах, а именно, как способе поддержки безработных и бедняков (Selwyn 2001). По нашему мнению, это – подмена понятий (гостеприимство и вспомоществование), а вот помощь мигрантам можно рассматривать как проявление социального гостеприимства.

Еще больше дебатов возникло вокруг оценки современного коммерческого гостеприимства («индустрии гостеприимства»). Являются ли коммерческие продукты и услуги гостеприимства просто видом услуг или это проявление национальных культурных ценностей? Может ли коммерческое гостеприимство быть по-настоящему гостеприимным? Имеют ли какую-либо ценность образцы культурного и частного гостеприимства? Пол Слэттери и Питер Johns утверждают, что услуги ресторанов, баров и отелей по существу являются экономическими и предполагают управленческую деятельность (Slattery 2002; Johns 2004;). Этот подход разделяет и Ритцер, видя в макдональдизации полное превалирование экономических интересов над культурными традициями (O'Mahony 2003; Ritzer 2007).

Другая точка зрения, в частности, представлена Элизабет Тейфлер, на основании проведенных исследований, построенных на анкетировании обслуживающего персонала, предполагает, что коммерческое гостеприимство не обязательно будет менее искренней версией домашнего гостеприимства. Она подчеркивает, что, возможно, те, кто заинтересован и ценит гостеприимство, будут

скорее вовлечены в работу коммерческого сектора гостеприимства. Они смогут более успешно управлять собственным гостиничным бизнесом или работать на должностях, которые позволяют им проявлять гостеприимство (Telfer 2000).

К подобному выводу пришли ряд ученых в ходе проведения опроса о «запоминающихся блюдах». Они выяснили, что эмоциональные аспекты в процессе еды оказались для опрашиваемых гораздо важнее, чем ее качество. В ходе исследования респондентов попросили представить письменный отчет об их самом запоминающемся приеме пищи. Тексты подверглись семиотическому анализу, и возник многомерный образ трапезы – характер повода трапезы; товарищи по обеду, составлявшие компанию, в которой они обедали; настроения, которые способствовали созданию общей атмосферы; съеденная пища; общая настройка и предоставляемая услуга.

Полученные ответы и использованная при этом лексика, выявили ожидания респондентов погрузиться в атмосферу «дома с гостеприимными хозяевами», что способствовало получению удовлетворения от пребывания на обеде. «Потребность чувствовать гостеприимство и дружелюбие хозяев», «чувствовать себя в безопасности в спокойной обстановке», «ощущать комфорт и тепло», «быть принятым и ценным членом данной социальной группы» – все эти слова использовались для описания эмоций гостя. Такие посещения и были признаны как лучшие и запоминающиеся (Lashley, Lynch, Morrison 2007).

Основываясь на общепринятой концепции мотивации Фредерика Герцберга (Herzberg 1966), нельзя не признать факторы физического свойства вторичными, в отличие от эмоциональных (Balmer, Baum 1993). Удовлетворенность клиентов будет генерироваться качеством эмоций, вызванных их опытом, включающим профессионализм персонала, качество гостеприимства и фона мероприятия (присутствующими коллегами). Долгосрочная лояльность клиентов и повторный выбор места проведения времени отдыха и курорта зависят от эмоций, вызванных перечисленными выше элементами. Посетители, которые остались довольны гостеприимством и качеством обслуживания, с большей вероятностью вернутся или порекомендуют заведение другим членам семьи и друзьям.

Важность работы с эмоциями клиентов стимулировала интерес к эмоциональным измерениям организационной жизни (Goleman 1999), (Fineman 1993; 2000). Стефан Файнман предполагает, что этот аспект является новым, важным, хотя и дополнительным измерением в сервисных организациях из-за дополнительных стрессов, создаваемых необходимостью обеспечить эмоциональную производительность, соответствующую

шую предоставляемой услуге. Эмоциональный интеллект, по мнению многих исследователей, является ключом к организационному успеху в организациях гостиничного бизнеса, где эмоциональность сотрудников напрямую влияет на удовлетворенность клиентов, формируя их будущую предрасположенность к данному виду и месту получения услуги.

Думается, что, как и в далекие времена, домашнее гостеприимство не всегда было идеальным и полным: у хозяев могли быть другие заботы и разные возможности, так и сейчас разные гости имеют разные ожидания, а обслуживающий персонал – возможности. Но именно уникальное

совпадение желаний гостя и возможностей персонала, навыки эмоциональной удовлетворенности сделают услугу незабываемой, а предприятие – лидером конкурентного рынка.

Анализ таблицы показывает, что журнал ориентирован на практический бизнес. Самое большое место в нем (13,5 %) занимают общие проблемы, включая статистику отрасли и конкретные проблемы: ковид, санкции и др. Из собственно практических вопросов журнал предлагает информацию об оборудовании (12 %), опыт работы лучших отелей (9 %). На третьем месте по популярности (практически в равной доле): маркетинг, кадры и работа ресторанов. На четвертом –

Таблица 1

Структура публикаций в журнале «Гостиничное дело»

Table 1

Structure of publications in the magazine “Hotel Business”

Рубрики	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Сум.	%
Сфера гостеприимства	4	7	5	3	17	13	47	28	18	19	161	13,5
Экостатус отеля	2	2	2		1	1	1	4	3	6	22	2
Оборудование	19	19	9	19	20	6	14	6	22	5	139	12
Маркетинг и реклама	8	9	8	5	9	7	8	19	6	7	86	7
Кадры, персонал	1	9	3	5	7	14	6	15	14	10	84	7
Рестораны	11	11	13	11	12	1	3	11	12	1	86	7
Галерея лучших	14	10	14	11	10		16	7	12	1	95	8
Составляющие бизнес-отеля	2		3	2	2		1	9			19	1
Доп. услуги	4	5	5	12	7	7	7	2	2	4	55	5
Технологии для гостиниц IT	9	5	6	5	14	3	6	10	2	4	64	5
Безопасность	8	3	1	8	10	4	7	2	10	2	56	5
Качество сервиса	14	10	5	7	3		3	9	1	5	57	5
Право, норм. документы сертификация		1	1	3	2	7	4	15	5	1	39	3
Франчайзинг, бренды	1	1	1					2		2	7	0
Регионы	3	3								2	8	0
Сети. бронь, цепи	2	2						1		7	12	1
Хаускипинг (чистота)	4	2	3	2	2	4		4			21	1
Разные форматы	4	1	4	1			4	10	1	2	27	1
Заруб. опыт, мир. тренды	1		1					9	2	2	15	1
Продажи (взаимо-действие с туризмом)	1	5	4	2		2		3	13	5	35	2
Менеджмент, бизнес	5	5	5	1	7	9	3	7	9	7	58	5
Дизайн интерьера	2	3	3	3	2		10	14	5		42	4
Клиенты								2	2	1	5	0

менеджмент, безопасность, качество сервиса, расширение дополнительных услуг, использование ИТ оборудования.

Думается, что, учитывая рекламный профиль издание ряд проблем: взаимодействие с сетевыми туристическими агентствами, финансирование, сокращение загрузки в период ковида – не стали предметом открытого обсуждения.

Сравнения по годам данных таблицы показывает некоторое обновление актуальных проблем: практически начиная с периода ковида, актуализировалась проблема коммуникации с клиентами, обострилась необходимость улучшения качества управления, а также возможности улучшения интерьера.

Нельзя не признать, что более существенные вопросы: значимость распространения и укоренения принципов гостеприимства в коммерческом секторе, роль и культурная специфика эмоциональности в процессе обслуживания клиентов пока не стали предметом широкого обсуждения. Можно с уверенностью констатировать тот факт, что техническая сторона обслуживания видится российским, в отличие от китайских, отельеров более существенным и производственным индикатором, чем работа с персоналом в области профессиональной культуры и этики (Чэн Синъю 2007). В то же время, следует отметить, что содержательный анализ ряда тематических статей и интервью непосредственно с работниками «индустрии гостеприимства» и клиентами показывает, что этические элементы и принципы гостеприимства становятся все более значимыми в этой сфере.

Источники фактического материала

Туристические и гостиничные услуги: бухгалтерский учет и налогообложение. Аюдар Инфо, Москва, 2003. Ежемес.

Гостиничное дело. Издательский дом Панорама, Москва, 1998. Ежемес.

Отель. Российская Гостиничная Ассоциация, 1997. Ежемес.

Библиографический список

Andrews, H. (2000), Consuming Hospitality on Holiday, *Hospitality: theoretical perspectives and debates*, Lashley, C., & Morrison, A., (eds.), pp. 127–137, Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.

Balmer, S., Baum, T., (1993), Applying Herzberg's Hygiene Factors to the Changing Accommodation Environment, *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, vol. 5, no. 2, pp.32–44. DOI: <https://doi.org/10.1108/09596119310036629>.

Bell, D. (2007), Hospitality and Urban Regeneration, *Hospitality: a social lens*, Lashley, C., Lynch, P. and Morrison, A. (eds.), Elsevier, Oxford, UK.

Cole, S. (2007), Hospitality and Tourism in Ngadha: an ethnographic Exploration, *Hospitality: a social lens*, Lashley, C., Lynch, P. and Morrison, A. (eds.), Elsevier, Oxford, UK.

Derrida, J. (2002), *Acts of Religion*, Routledge, New York, USA, DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-7506-5431-9.50007>.

Fineman, S. (1993), *Emotion in Organizations*, 1-edition Publication, Sage, London, UK.

Fineman, S. (2000), *Emotion in Organizations*, 2-edition Publication, Sage, London, UK.

Goleman, D. (1999), *Working with Emotional Intelligence*, Bloomsbury, London, UK.

Gu, H., Ryan, Ch., Larry, Y. (2012), The changing structure of the Chinese hotel industry: 1980–2012, *Tourism Management Perspectives*, vol. 4, pp. 58–75, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2012.02.001>.

Heal, F. (1990), *Hospitality in Early Modern England*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Herzberg, F. (1966), *Work and the Nature of Man*, Staple Press, New York, USA.

Humair, C., Berger, M.W. (2017), The hotel in history: evolving perspectives, *Journal of Tourism History*, vol.9, no. 1, pp. 92–111, DOI: <https://doi.org/10.1080/1755182X.2017.1343784>.

Jones, P. (2004), Finding the Hospitality Industry? Or Finding Hospitality Schools of Thought? *Journal of Hospitality, Leisure, Sport and Tourism Education*, vol.3, no. 1, pp. 33–45, DOI: <https://doi.org/10.3794/johlste.31.55>.

James, K., Sandoval-Strausz, A., Maudlin, D., Peleggi, M., Humair, C. and Berger, M. (2017), The hotel in history: evolving perspectives, *Journal of Tourism History*, vol. 9, no. 1, pp. 92–111, DOI: <https://doi.org/10.1080/1755182X.2017.1343784>.

Lashley, C. and Morrison, A. (2000), *In Search of Hospitality: theoretical perspectives Hospitality: theoretical perspectives and debates*, Butterworth-Heinemann, Oxford, Boston, UK.

Lashley, C. (2008), Studying Hospitality: Insights from Social Sciences, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 8(1), pp.69–84. DOI: <https://doi.org/10.1080/15022250701880745>.

Lashley, C., (2008), Studying Hospitality: Insights from Social Sciences, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 8(1), pp. 69–84. DOI: <https://doi.org/10.1080/15022250701880745>.

Lomaine, A. (2005), *Histories of Tourism*, Channel View Publications, Cleveland, UK.

Lynch, P., Morrison, A. and Lashley, C. (2007), *Hospitality: a social lens*, Routledge, London, UK.

O’Gorman, K.D. (2007), Dimensions of Hospitality: Exploring Ancient and Classical Origins, *Hospitality*, pp.17–32, Elsevier, Oxford, UK, DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-045093-3.50005-9>.

O’Mahony, B. (2003), Social and domestic forces in commercial hospitality provision: a view from Australia, *Hospitality Review*, vol. 5, no. 4, pp. 37–41.

Ritzer, G. (1993), *The MacDonaldisation of Society*, Pine Forge, Thousand Oaks, CA.

Ritzer, G. (2007), Inhospitable hospitality? *Hospitality: a social lens*, Lashley, C., Lynch, P. and Morrison, A. (eds), pp. 115–127, Elsevier, Oxford, UK.

Sandoval-Strausz, A.K. (2007), *Hotel: An American History*, Yale University Press, New Haven, Connecticut, USA.

Peleggi, M. (2022), The power of the copy: rethinking replication through the cult image, *British Journal of Aesthetics*, DOI: <https://doi.org/10.1080/1755182X.2017.1343784>.

Selwyn, T. (2000), An anthropology of hospitality, *Hospitality: theoretical perspectives and debates*, Lashley, C., and Morrison, A. (eds), pp. 10–21, Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.

Selwyn, T. (2001), An anthropology of hospitality, *In Search of Hospitality*, pp. 18–37, SOAS, University of London, DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-7506-5431-9.50006-8>.

Slattery, P. (2002), Finding the Hospitality Industry, *Journal of Hospitality, Leisure Sport and Tourism*, vol. 1, no. 1, pp. 19–28, DOI: <https://doi.org/10.3794/johlste.11.7>.

Telfer, E. (2000), The philosophy of hospitable-ness, *Hospitality: theoretical perspectives and debates*, Lashley, C. and Morrison, A. (eds), pp. 38–55, Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.

Walton, J.K. (2005), *Histories of Tourism*, Channel View Publications, Clevedon, UK.

Wharton, A. (2007), Commodifying Space: hotels and pork bellies, *Hospitality: a social lens*, Lashley, C., Lynch, P., and Morrison, A. (eds), Elsevier, Oxford, UK.

Атикеева С.Н., Муканова Б.Ш., Сальменова С.К., Каражанова М.Х. Основы индустрии гостеприимства: учебное пособие. Нур-Султан: Университет «Туран-Астана», 2021. 149 с.

Валиева Н., Насирова С. Становление гостиничного хозяйства в Китае // *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. 2023. С. 397–404. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7670907>.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни (предисловие Николаева В.Г.) *Избранные работы по социологии*. 2005. Москва. С. 93–118.

Корнай Я. Дефицит // пер. с венгерского. Москва: Наука, 1990. 609 с.

Марко Поло Книга чудес света. Великие путешествия. 2021. Москва: Эксмо. 448 с.

Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // *Социологическое обозрение*. 2006. Том 5. № 1. С. 11–18.

Сурина Д. Чем отличается отель от гостиницы и другого жилья для бронирования. 2023. URL: <https://journal.sovcombank.ru/puteshestviya/chem-otlichaetsya-otel-ot-gostinitsy-i-drugogo-zhilya-dlya-bronirovaniya> (дата обращения 12.02.2024).

Cheng, Xinyo (2007), *New ideas for hotel management* (in Chinese) 作者: 2007 年 Beijing, Peking University Press, p. 53.

Reference

Andrews, H. (2000), Consuming Hospitality on Holiday, *Hospitality: theoretical perspectives and debates*, Lashley, C., & Morrison, A., (eds.), pp. 127–137, Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.

Balmer, S., Baum, T., (1993), Applying Herzberg's Hygiene Factors to the Changing Accommodation Environment, *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, vol .5, no. 2, pp.32–44. DOI: <https://doi.org/10.1108/09596119310036629>.

Bell, D. (2007), Hospitality and Urban Regeneration, *Hospitality: a social lens*, Lashley, C., Lynch, P. and Morrison, A. (eds.), Elsevier, Oxford, UK.

Cole, S. (2007), Hospitality and Tourism in Ngadha: an ethnographic Exploration, *Hospitality: a social lens*, Lashley, C., Lynch, P. and Morrison, A. (eds.), Elsevier, Oxford, UK.

Derrida, J. (2002), *Acts of Religion*, Routledge, New York, USA, DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-7506-5431-9.50007>.

Fineman, S. (1993), *Emotion in Organizations*, 1-edition Publication, Sage, London, UK.

Fineman, S. (2000), *Emotion in Organizations*, 2-edition Publication, Sage, London, UK.

Goleman, D. (1999), *Working with Emotional Intelligence*, Bloomsbury, London, UK.

Gu ,H., Ryan, Ch., Larry, Y. (2012), The changing structure of the Chinese hotel industry: 1980–2012, *Tourism Management Perspectives*, vol. 4, pp. 58–75, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2012.02.001>.

Heal, F. (1990), *Hospitality in Early Modern England*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Herzberg, F. (1966), *Work and the Nature of Man*, Staple Press, New York, USA.

Humair, C., Berger, M.W. (2017), The hotel in history: evolving perspectives, *Journal of Tourism History*, vol.9, no. 1, pp. 92–111, DOI: <https://doi.org/10.1080/1755182X.2017.1343784>.

Jones, P. (2004), Finding the Hospitality Industry? Or Finding Hospitality Schools of Thought? *Journal of Hospitality, Leisure, Sport and Tourism Education*, vol.3, no. 1, pp. 33–45, DOI: <https://doi.org/10.3794/johlste.31.55>.

James, K., Sandoval-Strausz, A., Maudlin, D., Peleggi, M., Humair, C. and Berger, M. (2017), The hotel in history: evolving perspectives, *Journal of Tourism History*, vol. 9, no. 1, pp. 92–111, DOI: <https://doi.org/10.1080/1755182X.2017.1343784>.

Lashley, C. and Morrison, A. (2000), *In Search of Hospitality: theoretical perspectives Hospitality: theoretical perspectives and debates*, Butterworth-Heinemann, Oxford, Boston, UK.

- Lashley, C. (2008), Studying Hospitality: Insights from Social Sciences, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 8(1), pp. 69–84. DOI: <https://doi.org/10.1080/15022250701880745>.
- Lashley, C., (2008), Studying Hospitality: Insights from Social Sciences, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 8(1), pp. 69–84. DOI: <https://doi.org/10.1080/15022250701880745>.
- Lomaine, A. (2005), *Histories of Tourism*, Channel View Publications, Cleveland, UK.
- Lynch, P., Morrison, A. and Lashley, C. (2007), *Hospitality: a social lens*, Routledge, London, UK.
- O’Gorman, K.D. (2007), Dimensions of Hospitality: Exploring Ancient and Classical Origins, *Hospitality*, pp.17–32, Elsevier, Oxford, UK, DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-045093-3.50005-9>.
- O’Mahony, B. (2003), Social and domestic forces in commercial hospitality provision: a view from Australia, *Hospitality Review*, vol. 5, no. 4, pp. 37–41.
- Ritzer, G. (1993), *The MacDonaldisation of Society*, Pine Forge, Thousand Oaks, CA.
- Ritzer, G. (2007), Inhospitable hospitality? *Hospitality: a social lens*, Lashley, C., Lynch, P. and Morrison, A. (eds), pp.115–127, Elsevier, Oxford, UK.
- Sandoval-Strausz, A.K. (2007), *Hotel: An American History*, Yale University Press, New Haven, Connecticut, USA.
- Peleggi, M. (2022), The power of the copy: rethinking replication through the cult image, *British Journal of Aesthetics*, DOI: <https://doi.org/10.1080/1755182X.2017.1343784>.
- Selwyn, T. (2000), An anthropology of hospitality, *Hospitality: theoretical perspectives and debates*, Lashley, C., and Morrison, A. (eds), pp. 10–21, Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.
- Selwyn, T.(2001), An anthropology of hospitality, *In Search of Hospitality*, pp. 18–37, SOAS, University of London, DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-7506-5431-9.50006-8>.
- Slattery, P. (2002), Finding the Hospitality Industry, *Journal of Hospitality, Leisure Sport and Tourism*, vol. 1, no. 1, pp. 19–28, DOI: <https://doi.org/10.3794/johlste.11.7>.
- Telfer, E. (2000), The philosophy of hospitable-ness, *Hospitality: theoretical perspectives and debates*, Lashley, C. and Morrison, A. (eds), pp.38–55, Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.
- Walton, J.K. (2005), *Histories of Tourism*, Channel View Publications, Clevedon, UK.
- Wharton, A. (2007), Commodifying Space: hotels and pork bellies, *Hospitality: a social lens*, Lashley, C., Lynch, P., and Morrison, A. (eds), Elsevier, Oxford, UK.
- Atikeeva, S.N., Mukanova, B.Sh., Salmenova, S.K. and Karazhanova, M.Kh. (2021), *Fundamentals of the hospitality industry: a textbook*, Turan-Astana University, Nur-Sultan, Kazakhstan.
- Valieva, N. and Nasirova, S. (2023), Formation of the hotel industry in China, *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, pp. 397–404, DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7670907>.
- Wirth, L. (2005), *Urbanism as a way of life (preface by Nikolaev V.G.)*, Selected works on sociology, Moscow, Russia.
- Kornai, J. (1990), *Deficit*, Science, Moscow, Russia.
- Marco Polo (2021), *Book of Wonders of the World. Great journeys*, Eksmo, Moscow, Russia.
- Park, R. (2006), Urban community as spatial configuration and moral order, *Sociological Review*, vol. 5, no. 1, pp. 11–18.
- Surina, D. (2023), *What is the difference between a hotel and a hotel and other accommodation for booking*, [Online], available at: <https://journal.sovcombank.ru/puteshestviya/chem-otlichaetsya-otel-ot-gostinitsi-i-drugogo-zhilya-dlya-bronirovaniya> (Accessed 02 February 2024).
- Cheng, Xinyo (2007), *New ideas for hotel management* (in Chinese) 作者: 2007 年 Beijing, Peking University Press, p. 53.

Submitted: 08.02.2024

Revised: 15.04.2024

Accepted: 10.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-102-113

Дата поступления: 03.03.2024
рецензирования: 10.05.2024
принятия: 10.06.2024

С.В. Егорова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: svetego@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5596-3854>

С.В. Зорина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aramitch@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2445-2864>

Проактивность и проактивное поведение малоимущих студентов: изучение явных и неявных установок

Аннотация: в статье представлены результаты междисциплинарного исследования по изучению явных и неявных установок проактивности и проактивного поведения малоимущих студентов. Авторами выделены основные подходы к анализу проактивности и проактивного поведения, обоснована связь проактивности с возможностью формирования индивидуальных траекторий действий по выходу из бедности. Для изучения неявных установок использовался краткий имплицитный ассоциативный тест, представляющий собой компьютерную задачу классификации стимулов, относящихся к двум категориям проактивности и пассивности и двум атрибутам позитивной и негативной валентности. Используемый в социологических и психологических исследованиях тест направлен на измерение времени задержки реакции индивида, отражает силу ассоциаций между предъявляемыми словами и свидетельствует о наличии неявных установок. Результаты тестирования подтвердили одинаковый уровень выраженности неявных установок у малоимущих и не малоимущих студентов. Для изучения явных установок использовался метод глубинного интервью с малоимущими студентами. Проведенное исследование показало сформированность положительных явных и неявных установок проактивного поведения у студентов Самарского университета. В заключении сделаны выводы о том, что у малоимущих студентов сформированы явные и неявные установки проактивного поведения, которые могут выступать предпосылками для преодоления бедности и их успешной социальной адаптации.

Ключевые слова: бедность; проактивность; проактивное поведение; явные и неявные установки проактивного поведения; глубинное интервью; краткий имплицитный ассоциативный тест.

Цитирование: Егорова С.В., Зорина С.В. Проактивность и проактивное поведение малоимущих студентов: изучение явных и неявных установок // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 2. С. 102–113. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-102-113>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Егорова С.В., 2024 – кандидат социологических наук, доцент, декан социологического факультета, заведующий кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Зорина С.В., 2024 – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.V. Egorova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: svetego@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5596-3854>

S.V. Zorina

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: aramitch@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2445-2864>

Proactivity and Proactive Behavior of Poor Students: Studying Explicit and Implicit Attitudes

Abstract: the article presents the results of an interdisciplinary study examining the explicit and implicit attitudes of proactivity and proactive behavior of low-income students. The authors highlight the main approaches to the analysis of proactivity and proactive behavior, and substantiate the connection between proactivity and the possibility of forming individual trajectories of action to escape poverty. To study implicit attitudes, a brief implicit association test was used, which is a computer task of classifying stimuli belonging to two categories of proactivity and passivity and two attributes of positive and negative valence. The test used in sociological and psychological research is aimed at measuring the latency of an individual's reaction, reflects the strength of associations between presented words and indicates the presence of implicit attitudes. The test results confirmed the same level of expression of implicit attitudes among low-income and non-poor students. To study explicit attitudes, an in-depth interview method was used with low-income students. The study showed the formation of positive explicit and implicit attitudes of proactive behavior among Samara University students. In conclusion, it is concluded that low-income students have formed explicit and implicit attitudes of proactive behavior, which can be prerequisites for overcoming poverty and their successful social adaptation.

Key words: poverty; proactivity; proactive behavior; explicit and implicit attitudes of proactive behavior; in-depth interview; brief implicit association test.

Citation: Egorova, S.V. and Zorina, S.V. (2024), Proactivity and Proactive Behavior of Poor Students: Studying Explicit and Implicit Attitudes, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 102–113, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-102-113>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Egorova S.V., 2024** – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Methodology of Sociological and Marketing Research, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Zorina S.V., 2024** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Снижение уровня бедности, устойчивый рост доходов малоимущих российских граждан и улучшение качества их жизни остаются приоритетными целями и направлениями деятельности государственных и общественных структур. Среди наиболее оптимальных инструментов достижения указанных целей значимым является способность малоимущего гражданина, в том числе студента, самостоятельно формировать индивидуальную траекторию действий по выходу из бедности, проявлять субъектность, вовлеченность, агентность и проактивность (Егорова, Королева 2022; Егорова 2023).

Феномен проактивности – это новый фронт научных дискуссий и мейстрим современных научных исследований. Самостоятельность и проактивное поведение становится предметом исследований позитивного трансформационного потенциала индивидуальных действий по отношению к окружающей среде (Сорокин 2022).

В. Франкл, впервые употребивший понятие «проактивный», обозначил им личность, способную не перекладывать ответственность на обстоятельства и окружающих людей, а самостоятельно отвечать за себя и свою жизнь (Франкл 1990). В структуре факторов проактивности личности принято выделять когнитивный, мотивационный и ценностно-мотивационный компоненты, которые находятся в тесном взаимодействии друг с другом, образуя то, что называют основой самоопределения, мотивации и инициативности.

Современные условия жизни предъявляют к человеку особые требования: быстрая адаптация к изменениям, умение продуктивно действовать в ситуациях любой сложности, быть инициативным и заинтересованным в конструировании собственной жизненной траектории. Малоимущие граждане, в том числе студенты из малоимущих семей, в сложных ситуациях склонны менять свое поведение двумя способами: становиться пассивными перед страхом неопределенности или

становиться активными и мобильными под влиянием обстоятельств (Старикова, Маничев 2019). Обстоятельство попадания в группу малоимущих граждан может привести к разным стилям поведения: реактивному или проактивному. Реактивное поведение, связанное с высоким уровнем стресса и страхом потерь, характеризуется малозначимыми действиями в ответ на изменения или полным их отсутствием, «неконструктивными моделями поведения и негативной внешней мотивацией» (Егорова 2017). Проактивность же – это «форма надситуативной активности, которая определяется как динамическое условие ее формирования, реализации и модификации, как свойство собственного движения» (Петровский 2010). Как подчеркивают исследователи, проактивные люди «стремятся улучшить свою жизнь, умеют создавать и развивать собственные ресурсы для обеспечения прогресса и высокого качества жизни» (Старченкова 2009).

В современных междисциплинарных исследованиях факторы поведения субъектов все чаще объясняют наличием явных (эксплицитных) и неявных (имплицитных) установок (Чернозуб 2021). Если явные (эксплицитные) установки осознаются субъектом и могут быть получены в ходе опросных методов, то неявные (имплицитные) могут не осознаваться или скрываться, как от внешнего наблюдения, так и от самого себя (Fazio, Olson 2014). В российской социологии заявленная тема активно развивается исследователем О.Л. Чернозуб и его коллегами, обосновывающими двухкомпонентную модель поведения человека и методики измерения неявных (имплицитных) факторов социального действия. Среди данных методик все чаще упоминаются Графический ассоциативный тест отношения (ГАТО) и Имплицитный ассоциативный тест (ИАТ) (Чернозуб 2021, 2022, 2023), (Чернозуб, Белоножко 2023), (Чернозуб, Шураева 2023).

Цель данной статьи – изучить явные (эксплицитные) и неявные (имплицитные) установки проактивности и проактивного поведения малоимущих студентов, обучающихся в Самарском университете. В статье отражены результаты междисциплинарного эмпирического исследования с участием обучающихся Самарского университета, в том числе из малоимущих семей.

Теоретические рамки исследования

Проактивность – это «сложный метафеномен, основанный на личностных факторах», проявляющихся в определенном и независимом от обстоятельств стиле поведения. Под проактивным поведением будем понимать «поведение, обусловленное собственными внутренними мотивами; способностью преодолевать трудности и активно влиять на изменяющиеся условия окружающей

среды; способностью самостоятельно ставить цели, достигать их, умением прогнозировать события и соответственно строить стратегии поведения». Исследователь А.И. Ерзин в структуре проактивного поведения предлагает выделять следующие компоненты: «осознанность своих действий; способность прогнозировать последствия собственного поведения; спонтанность; интернальный (внутренний) локус контроля; автономию в принятии решений; внутреннюю детерминацию поведения; обусловленность поведенческих моделей мотивами, ценностями и убеждениями, а не средовыми факторами» (Ерзин 2014). Наличие указанных аспектов в поведении малоимущих граждан, в том числе студентов, может стать основанием для выхода из бедности.

В социологии и психологии центральное место в объяснении и предсказании поведения занимает понятие социальной установки (аттитюда) (Авдошина и др. 2022). Классик социологии В.А. Ядов под установкой понимал «психологический механизм регуляции как бессознательной, так и осознанной активности субъекта, она содержит механизмы и простейших, и сложных социальных форм поведения» (Ядов 2013). Социальная установка – это «предрасположенность к определенной реакции на социальный объект, обусловленной отношением к нему, возникшим с опорой на прошлый опыт в текущей ситуации» (Егорова и др. 2022). В современной социальной психологии предрасположенность (склонность) субъекта к совершению определенного социального поведения обозначают понятием аттитюда, в структуре которого выделяют такие компоненты, как предрасположенность воспринимать, оценивать, осознавать и действовать определенным образом (Мещеряков, Зинченко 2007).

В классической структурной теории установки принято различать когнитивную, аффективную и конативную составляющую поведения (Katz 1960). Однако современные исследователи все чаще предпочитают выделять явные (эксплицитные) и неявные (имплицитные) компоненты, которые определяют намерения, формируют целостное отношение и собственно реальные действия человека. В соответствии с двойной моделью поведения есть результат активности двух систем, различающихся уровнем контроля, сознательности, автоматичности, взаимодействующим, как согласованно, так и разнонаправленно (Канеман 2014), (Smith, DeCoster 2000). Данные, полученные с использованием эксплицитных и имплицитных инструментов могут быть согласованными или противоположными, поскольку репрезентируют различные процессы, которые в совокупности позволяют получить комплексную информацию об изучаемых явлениях.

Эмпирическая база, дизайн и методы исследования

Эмпирическим объектом междисциплинарного исследования выступили обучающиеся 1-4 курсов социально-гуманитарного института Самарского университета. Исследование проходило в декабре 2023 года.

Стоит заметить, что проактивность и проактивное поведение – социально желательная тема, которая способна оказать влияние на стремление информанта создать о себе положительное мнение, как об активном человеке. Данный тезис лег в основу дизайна настоящего исследования. Изучение явных установок осуществлялось методом глубинного интервью, неявные установки измерялись с помощью краткого имплицитного ассоциативного теста (КИАТ), представляющего собой упрощенный вариант полной процедуры ИАТ. Традиционно имплицитный ассоциативный тест сопоставляется с опросными методами, на результаты которых оказывают влияние социальные нормы и стремление к формированию позитивных представлений о себе. Параллельное сочетание данных методов способно дать адекватную оценку явных и неявных установок на проактивное поведение информантов.

Методом глубинного интервью, основанного на методологии качественного социологического исследования (Готлиб 2002), было опрошено 14 обучающихся (7 девушек и 7 юношей), отобранных целевым способом, где критерием отбора выступил статус малоимущего одиноко проживающего студента или студента – члена семьи, имеющей доход ниже прожиточного минимума (табл. 1).

На данном этапе исследования предполагалось прямое обращение к осознаваемым человеком процессам для изучения «индивидуального аспекта социальной практики» (Семенова 1998), личностным факторам поведения информантов. Вопросы гайда интервью основывались на структуре проактивного поведения, предложенной исследователем А.И. Ерзиным (Ерзин 2014).

В тестирование с использованием КИАТ приняло участие 80 студентов (86,4 % женщин и 13,6 % мужчин) в возрасте от 17 до 21 года, из них 40 обучающихся имеют статус малоимущих. Неявные (имплицитные) установки измерялись с помощью Краткого имплицитного ассоциативного теста (КИАТ) – метода, ориентированного на использование косвенных признаков исследуемых конструкторов. Имплицитный ассоциативный тест (ИАТ; Implicit Association Test), разработанный Э. Гринвальд с соавторами, является наиболее широко используемым методом измерения неявных установок (Greenwald, McGhee, Schwartz 1998). Термин «имплицитный» трактуется как неявный, косвенный и описывает особенности измерения исследуемых феноменов. ИАТ относится к группе инструментов, позволяющих выявить процессы преимущественно автоматические и ограниченно контролируемые сознанием.

ИАТ предназначен для оценки силы ассоциаций между группами стимулов, которая определяется задержкой ответа при выполнении задания соотнесения слов или изображений с различающимися по валентности названиями классов. Десятилетия применения данного метода показали его ценность в изучении социальных установок

Сведения об информантах

Таблица 1

Information about informants

Table 1

№	Пол	Возраст	Место обучения (институт, факультет)
1	Мужской	19 лет	Социально-гуманитарный институт, исторический факультет
2	Женский	20 лет	Социально-гуманитарный, социологический факультет
3	Мужской	18 лет	Социально-гуманитарный, социологический факультет
4	Мужской	21 год	Социально-гуманитарный, психологический факультет
5	Женский	18 лет	Социально-гуманитарный, факультет филологии и журналистики
6	Женский	19 лет	Социально-гуманитарный, факультет филологии и журналистики
7	Мужской	18 лет	Социально-гуманитарный, факультет филологии и журналистики
8	Женский	18 лет	Социально-гуманитарный, исторический факультет
9	Мужской	19 лет	Социально-гуманитарный, исторический факультет
10	Мужской	20 лет	Социально-гуманитарный, социологический факультет
11	Мужской	21 год	Социально-гуманитарный, факультет филологии и журналистики
12	Женский	21 год	Социально-гуманитарный, социологический факультет
13	Женский	18 лет	Социально-гуманитарный, психологический факультет
14	Женский	19 лет	Социально-гуманитарный, психологический факультет

(аттитюдов), стереотипов, преубеждений относительно широкого круга социальных явлений (Greenwald et al. 2020). Позже авторами был предложен краткий имплицитный ассоциативный тест (КИАТ), который представляет собой упрощенный вариант полной процедуры ИАТ, позволяющий уменьшить трудозатраты участников с сохранением валидности получаемых результатов (Nosek et al. 2014).

КИАТ представляет собой задачу, реализованную с использованием специально разработанной компьютерной программы. Участникам предлагается максимально быстро сортировать слова, появляющиеся на экране в зависимости от их принадлежности к определенным классам: категориям (названиям групп исследуемых явлений) и атрибутам (обозначениям валентности явлений). КИАТ содержит фокусные категории и атрибуты, наименования которых размещаются на экране и нефокусные, которые описываются как «все остальные», не представленные на мониторе. Классификация появляющихся слов осуществляется с использованием специальных клавиш: «ш» для фокусных и «у» для не фокусных групп.

Ход и результаты исследования

В рамках первого этапа социологического исследования для оценки явных установок малоимущих студентов был разработан гайд глубинного интервью, включающий вопросы о личностных факторах проактивного поведения, таких как осознанность действий, прогнозирование последствий поведения, спонтанность, внутренний локус контроля, автономию в принятии решений, метамотивацию, внутреннюю детерминацию поведения (Ерзин 2014).

Как показал анализ транскриптов интервью, абсолютное большинство информантов осознают свое положение малоимущего, критически оценивают собственную жизненную ситуацию и имеют план действий по выходу из бедности. В перечне таких действий большинство участников опроса указали на подработки «я конечно подрабатываю, берусь за все варианты и возможности» (инф.1, муж., 19 лет); на необходимость повышения своего образовательного уровня, получение дополнительного образования и расширения компетенций: «я все силы трачу на учебу, уже сейчас я понимаю, что чем больше у меня профессиональных компетенций, умений, знаний и навыков, тем проще мне будет найти работу после окончания университета, ...и точно, моя зарплата будет выше из-за этого» (инф.2, жен., 20 лет), «...я получаю дополнительное образование на всякий случай...» (инф. 3, муж., 18 лет). Менее половины опрошенных студентов указали на возможность получения мер государственной социальной поддержки, что на их взгляд является одним из способов действий по

увеличению дохода: «наша семья оформляет все виды пособий, компенсаций и прочих выплат, ... и доход выше поэтому» (инф.5, жен., 18 лет). Стоит отметить, что среди опрашиваемых студентов лишь два участника упомянули социальный контракт и готовность рассмотреть его оформление, как способа выхода на уровень самообеспечения: «я хочу оформить социальный контракт, хочу заниматься фотографией, там точно заработаю» (инф. 11, муж., 21 год).

Абсолютное большинство участников опроса продумывают собственную стратегию действий и варианты поведения, учитывая возможные риски: «конечно я продумываю все свои шаги, если не знаю что-то, то я советуюсь с членами семьи» (инф. 6, жен., 19 лет), «я всегда имею план Б, если что-то пойдет не так» (инф.1, муж., 19 лет), «... анализ ситуации и что будет, да, всегда продумываю» (инф.10, муж., 20). Один из участников опроса отметил, что ведет дневник, на страницах которого рефлексировать все, что с ним происходит, причины и последствия собственных действий и поступков. Лишь треть информантов отметили, что готовы решать возникающие проблемы только после их возникновения: «стараюсь не думать, что будет впереди, но когда проблемы возникают, я их решаю, зачем настраивать себя на плохое?» (инф.12, жен., 21 год), «а зачем раньше времени думать о том, что впереди» (инф.8, муж., 18 лет).

Оценивая спонтанность, как элемент проактивного поведения малоимущих студентов, напомним, что это «способность человека действовать под влиянием внутренних побуждений, а не только (не столько) под действием внешних причин» (Ерзин, Епанчинцева 2013). Согласно результатам опроса, абсолютное большинство малоимущих студентов демонстрируют «сознательную добровольность», самополагание в своих поступках и действиях: «это мои личные мотивы, это не то, что мне внушают родители» (инф.13, жен., 18 лет).

Как показал анализ транскриптов интервью, большинство информантов демонстрируют внутренний локус контроля, делая акцент на собственных усилиях и готовности брать ответственность за действия и поступки: «все это моя зона ответственности, я взрослый, я готов отвечать за то, что делаю» (инф. 11, муж., 21 год), «все, что происходит со мной, делаю я сама, и отвечаю тоже сама» (инф.14, жен., 19 лет). Лишь два информанта склонны винить окружающих и внешние обстоятельства в происходящих событиях: «а что я сейчас могу сделать, я только что школу закончил, это моя семья, они виноваты в том, что нет денег» (инф. 7, муж., 18 лет), «родители виноваты в том, что мы так живем, я то что могу сейчас?» (инф. 8, жен., 18 лет).

Как показал опрос, абсолютное большинство информантов демонстрируют склонность к само-

стоятельности и способность осуществлять свободный выбор, что подтверждает наличие у них такого компонента проактивности, как автономия в принятии решений. Именно улучшение финансового положения выступает основой будущего благополучия, устремлений и желаний: *«всегда сама выбираю, но мой выбор часто зависит от цен, но тогда я просто выбираю возможное для себя»* (инф.2, жен., 20 лет).

Оценивая такой компонент проактивности, как метамотивацию, подчеркнем, что большинство малоимущих студентов не акцентируют внимание на потребностях высшего порядка (познание, саморазвитие, самореализация), отмечая важность удовлетворения потребностей всех уровней: *«для меня важны и физиологические потребности, и социальные, и духовные, ... иначе голод не даст мне ни о чем думать кроме этого»* (инф. 11, муж., 21 год), *«сейчас для меня главное удовлетворить социальные потребности, я очень общительный человек и мне важно уважение других»* (инф. 6, жен., 19 лет).

Как показал анализ транскриптов интервью, абсолютное большинство малоимущих студентов при выборе моделей поведения в повседневной жизни ориентируется преимущественно на собственные установки, взгляды, убеждения и ценностные ориентации: *«это же про стержень, про то, что если я считаю себя хорошим человеком, то и веду себя соответственно, чтобы не стыдно было»* (инф.2, жен. 20 лет), *«для меня идеал – гармония и личностный рост, я всегда уважительно отношусь к окружающим, всегда мои ценности и убеждения мной руководят»* (инф.12, жен. 21 год).

Подводя итог, отметим, что согласно результатам опроса абсолютное большинство малоимущих студентов Самарского университета демон-

стрируют наличие всех выделенных компонентов проактивного поведения.

Краткий имплицитный ассоциативный тест (КИАТ) состоял из двух частей: тренировочной, необходимой для освоения участниками процедуры исследования, и основной, предназначенной для оценки неявных (имплицитных) установок.

На этапе тренировки участникам исследования предъявлялись слова, относящиеся к категориям «Насекомые» и «Цветы» и атрибутам «Приятные слова» и «Неприятные слова». На основном этапе участники сортировали слова, принадлежащие к категориям «Активность» и «Пассивность» и атрибутам «Приятные слова» и «Неприятные слова» (табл. 1). Поскольку названия фокусных категорий используются в инструкциях, было принято решение заменить научный термин, вероятно требующий пояснения участникам «проактивность» на слово «активность».

Отбор слов для категорий осуществлялся с использованием характеристик проактивности, выделенных в работах А.И. Ерзина (Ерзин 2014). Противоположная конструкция «Пассивность» описывается через приспособление к текущим обстоятельствам и отсутствие инициативы (Bateman, Crant 1993).

Для подготовки основного этапа было проведено предварительное исследование, в котором участникам предлагался список слов, ассоциируемых с категориями «Активность» и «Пассивность». В соответствии с результатами оценки было отобрано по пять слов, максимально связанных с категориями.

Процедура КИАТ включала в себя 2 серии тренировочного и 4 серии основного этапов. Результаты 1 и 3, 2 и 4 серий усредняются с целью повышения надежности выводов (Табл. 2). Порядок первой и второй серий внутри этапов и слова

Таблица 2

Стимульный материал КИАТ

Table 2

Stimulus material BIAT

Этапы		Фокусные группы	Нефокусные группы
Тренировочный этап	Категории	Цветы (тюльпан, роза, нарцисс, сирень, лилия)	Насекомое (Таракан, Блоха, Клоп, Паук, Клещ)
	Атрибуты	Приятные слова: (радость, счастье, наслаждение, блаженство, любовь)	Неприятные слова: (яд, зло, отвращение, мерзость, боль)
Основной этап	Категории	Активность (самостоятельность, ответственность, инициатива, личностный рост, целеустремленность)	Пассивность (приспособление, привыкание, плыть по течению, безынициативность, инертность)
	Атрибуты	Приятные слова (вдохновение, восторг, триумф, победа, дружба)	Неприятные слова (смерть, горе, поражение, страдание, беда)

Таблица 3

Процедура КИАТ

Table 3

Procedure BIAT

Этапы	Фокусные группы	Нефокусные группы
Тренировочный этап. 1 серия	Цветы + Приятные слова	Насекомые + Неприятные слова
Тренировочный этап. 2 серия	Насекомые + Приятные слова	Цветы + Неприятные слова
Основной этап. 1 серия	Активность + Приятные слова	Пассивность + Неприятные слова
Основной этап. 2 серия	Пассивность + Приятные слова	Активность + Неприятные слова
Основной этап. 3 серия	Активность + Приятные слова	Пассивность + Неприятные слова
Основной этап. 4 серия	Пассивность + Приятные слова	Активность + Неприятные слова

рандомизировались. Каждая серия состояла из 20 испытаний, всего участники исследования классифицировали слова 120 раз.

Перед каждой серией участникам предъявлялась инструкция с указанием максимально быстрого нажатия на клавиши, закреплённые за соответствующей группой стимулов. При совершении ошибки на экране появлялся красный крест, и участникам следовало нажать правильную клавишу. На экране компьютера в течение каждой серии в верхнем правом углу размещалось название фокусных категорий и атрибутов.

В исследовании фиксировалось время задержки ответа при классификации каждого стимула. Результаты обрабатывались в соответствии с рекомендациями авторов метода (Nosek 2014): ответы быстрее 400 мс перекодировались в 400 мс, ответы медленнее 2000 мс перекодировались в 2000 мс, в случае ошибки время задержки заменялось на среднее время реакции в блоке для правильных ответов для данного индивида 600 мс, из данных исключались пробы с задержками более 10000 мс.

Данные усреднялись для двух блоков: согласованного (категория «Активность» + атрибут «Приятные слова» и категория «Пассивность» + атрибут «Неприятные слова») и несогласованного (категория «Активность» + атрибут «Неприятные слова» и категория «Пассивность» + атрибут «Приятные слова»). Далее подсчитывался коэффициент D, представляющий собой разницу между задержками в согласованном и несогласованном блоках, деленную на стандартное отклонение времени отклика каждого участника. Чем больше D, тем быстрее участники классифицировали слова в согласованном по сравнению с несогласованным блоком, что указывает на силу ассоциаций между категориями и атрибутами и интерпретируется как индикатор неявного (имплицитного) отношения.

Исследование проводилось индивидуально, в отдельном помещении, с использованием компьютера. Все участники исследования дали добровольное согласие на продолжение исследования, нажав клавишу «Пробел», сообщили о себе социально-демографические данные и выполнили задания, предусмотренные процедурой КИАТ.

С целью проверки согласованности полученных данных с подобными исследованиями были обработаны результаты тренировочного этапа. Положительное значение коэффициента ($D=0,51$) отражает меньшее время отклика в согласованном блоке по сравнению с несогласованным. Одновыборочный t-критерий показывает отличие D от 0 ($t=10,663$, $p<0,001$). В целом результаты свидетельствуют о неявном (имплицитном) предпочтении цветов в сопоставлении с насекомыми, что соответствует результатам аналогичных исследований. В таблице 3 представлены описательные статистики основного этапа.

Критерий Колмогорова-Смирнова показал наличие нормального распределения времени задержки реакции при отнесении стимулов к группам: Активность + Приятные слова ($p=0,097$), Пассивность + Приятные слова ($p=0,200$), Активность + Неприятные слова ($p=0,200$), Пассивность + Неприятные слова ($p=0,200$).

D критерий равен 0,538 и значимо отличается от 0 ($t=13,876$, $p<0,001$). Положительное значение D указывает на то, что классификация стимулов заняла больше времени для комбинации (Пассивность + Приятные слова и Активность + Неприятные слова), чем для комбинации (Активность + Приятные слова и Пассивность + Неприятные слова). Двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями (ANOVA, 2x2) показал наличие значимого взаимодействия между факторами $F(1, 79)=169,046$, $p<0,001$, $\eta=0,682$;

значимого основного эффекта категории «Активность» $F(1, 79)=66,94$, $p<0,001$, $\eta=0,459$; отсутствие достоверного основного эффекта атрибута «Валентность» $F(1, 79)=3,353$, $p=0,071$, $\eta=0,041$ (рис. 1). Участники быстрее соотносили слова, относящиеся к категории «активность» со словами с позитивной валентностью, чем с негативной, и медленнее связывали стимулы, соотнесенные с категорией «пассивность», с группой слов с положительной коннотацией, чем с отрицательной.

В целом полученные результаты свидетельствуют о наличии позитивной неявной (имплицитной) проактивной установки у участников исследования.

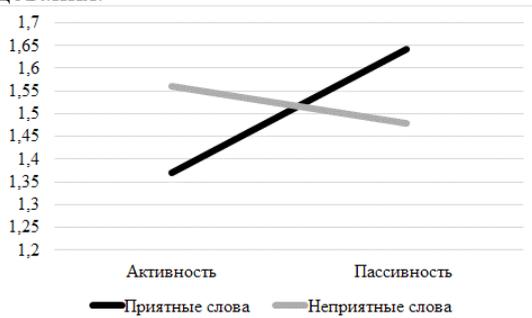

Рис. 1. Взаимодействие факторов

«Активность» и «Валентность» (в секундах)

Fig. 1. Interaction of «Activity» and «Valence» factors (in seconds)

Неявное (имплицитное) предпочтение проактивности является предпосылкой ориентированности на проявление инициативы в профессиональной деятельности, использовании возможностей для достижения успеха и эффективного преодоления трудностей. Проактивная установка связана с уверенностью в успешности инициированных проектов и соответственно с готовностью к постановке перед собой новых целей, что позволяет трансформировать обстоятельства и активно преобразовывать среду (Myszka-Strychalska 2020). Для того чтобы неявные (имплицитные) установки смогли реализоваться в поведении, необходимо сочетание благоприятных внешних и внутренних факторов, прежде всего владения обучающимися профессиональными компетенциями, являющимися инструментами реализации целей.

Проверка гипотезы о различиях неявных (имплицитных) проактивных установок у малоимущих студентов и студентов, не являющихся таковыми, осуществлялась при помощи t-критерия Стьюдента для независимых выборок (Таблица 4).

Результаты данного этапа исследования свидетельствуют об отсутствии значимых различий в неявных установках малоимущих и не малоимущих студентов. У обеих групп обучающихся сформированы позитивные проактивные установки.

Результаты имплицитного и эксплицитного этапов исследования согласованы между собой, что свидетельствует о наличии сформированной проактивной установки у малоимущих студентов. Качественный анализ раскрывает составляющие и внутренние механизмы, обеспечивающие готовность к реализации позиции проактивности в жизнедеятельности. В целом, результаты исследования демонстрируют устойчивое соответствие установки и поведения, создавая предпосылки для реализации студентами собственных выборов в контексте профессионального и личностного развития.

Полученные исследовательские данные не соответствуют описанию малоимущих, в том числе студентов, как приспособляющихся к текущей ситуации, не готовых изменить свое положение даже в условиях фрустрации основных потребностей (Шаповал 2014). Стоит признать, что группа малоимущих студентов неоднородна и включает в себя, как достаточно адаптировавшихся (занявших устойчивое положение, удовлетворяющих свои основные потребности преимущественно за счет собственных усилий), так и приспособившихся за счет стратегии пассивного получения внешней поддержки в ситуации существенного ограничения расходов (Бондаренко 2006).

Участники исследования обладают способностями и качествами, обеспечивающими успешность поступления и обучения в вузе при незначительной материальной поддержке семьи. Действительно, предпочтение высшего образования в краткосрочной перспективе отодвигает возможность существенно улучшить свое материальное состояние. Такой выбор и последующий опыт

Таблица 4

Задержка ответа в зависимости от сочетания категорий и атрибутов (в секундах)

Table 4

Response delay depending on the combination of categories and attributes (in seconds)

Описательные статистики	Активность + Приятные слова	Пассивность + Приятные слова	Активность + Неприятные слова	Пассивность + Неприятные слова
Среднее	1,370	1,641	1,561	1,479
Стандартное отклонение	0,180	0,143	0,167	0,171

Таблица 5

Различия в задержке реакции у малоимущих и не малоимущих студентов вуза (в секундах)

Table 5

Differences in response latency between low-income and non-poor students (in seconds)

Группы, критерий различия между группами	Активность + Приятные слова	Пассивность + Приятные слова	Активность + Неприятные слова	Пассивность + Неприятные слова	D
Не малоимущие студенты	1,366	1,628	1,549	1,455	0,539
Малоимущие студенты	1,375	1,654	1,573	1,503	0,537
t	0,221	0,816	0,647	1,272	0,025
p	0,826	0,417	0,519	0,207	0,98

способствуют поддержанию уверенности в себе, принятию ответственности за свою жизнь и готовности к преодолению трудностей.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Явные проактивные установки, основанные на таких личностных факторах, как осознанность действий, прогнозирование последствий поведения, спонтанность, внутренний локус контроля, автономию в принятие решений, метамотивацию, внутреннюю детерминацию поведения, характерны для абсолютного большинства опрошенных малоимущих студентов Самарского университета.

2. Неявные проактивные установки не зависят от социального статуса малоимущего. Малоимущие и не малоимущие студенты обладают равным уровнем выраженности неявной проактивной установки.

3. Для малоимущих студентов характерно наличие положительных явных и неявных проактивных установок, то есть преобладание явного и неявного положительного отношения к проактивности по сравнению с пассивностью, демонстрации проактивного поведения.

Полученные данные позволяют рассматривать малоимущих студентов в качестве действующих лиц, потенциально способных к активному преобразованию собственной жизни. Обучение в высшем учебном заведении создает предпосылки для построения успешной карьеры на базе профессиональной подготовки. Ограниченность материальных ресурсов может снизить мобильность, гибкость, подготовленность малоимущих студентов на ранних этапах профессионализации. В этом случае государственная поддержка данной категории со сформированными проактивными установками может способствовать преодолению возникающих трудностей и успешной интеграции выпускников в трудовую деятельность, позволяющую преодолеть состояние бедности.

Библиографический список

Bateman, T.S. and Crant, J.M. (1993), The proactive component of organizational behavior: A measure and correlates, *Journal of organizational behavior*, vol. 14, no. 2, pp. 103–118.

Fazio, R. and Olson, M. (2014), *The MODE model: Attitude-Behavior Processes as a Function of Motivation and Opportunity*, *Dual Process Theories of Social Mind*, Guilford Press, New York, USA.

Greenwald, A.G., McGhee, D.E., Schwartz, J.L.K. (1998), Measuring individual differences in implicit cognition: the implicit association test, *Journal of personality and social psychology*, vol. 74, no. 6, pp. 1464–1480.

Greenwald, A.G., Brendl, M., Cai, H., Charlesworth, T., Cvencek, D., Dovidio, J. F., Friese, M., Hahn, A., Hehman, E., Hofmann, W., Hughes, S., Hussey, I., Jordan, C., Jost, J., Kirby, T., Lai, C. K., Lang, J., Lindgren, K. P., Maison, D., Ostafin, B. D., Rae, J. R., Ratliff, K., Smith, C. T., Spruyt, A., & Wiers, R. W. (2019), The Implicit Association Test at age 20: *What is known and what is not known about implicit bias*, University of Washington, Retrieved from [Online], available at: <https://psyarxiv.com/bf97> (Accessed 14 January 2023).

Katz, D. (1960), The Functional Approach to the Study of Attitudes, *Public Opinion Quarterly*, vol. 24, no. 2, pp. 163–204. DOI: <http://doi.org/10.1086/266945>.

Myszka-Strychalska, L. (2020), Proactivity versus self-efficacy in the process of developing a career by the youth, *Culture–Society–Education*, no.1 (17), pp. 147–162.

Nosek, B.A., Bar-Anan, Y., Sriram, N., Axt, J., Greenwald, A.G. (2014), Understanding and using the brief implicit association test: Recommended scoring procedures, *PloS one*, vol. 9, no. 12, [Online], available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0110938> (Accessed 14 January 2023).

Smith, E.R. and DeCoster, J. (2000), Dual-process models in social and cognitive psychology: Con-

ceptual integration and links to underlying memory systems, *Personality and social psychology review*, vol. 4, no. 2, pp. 108–131.

Авдошина Н.В., Егорова С.В., Васькина Ю.В., Зорина С.В., Демина А.И., Нестеров А.Ю. Концептуальная схема социально-психологического мониторинга обучающихся // *Семиотические исследования*. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 87–101. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-87-101>.

Бондаренко Н. Особенности адаптации бедных и состоятельных семей // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2006. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-adaptatsii-bednyh-i-sostoyatelnyh-semey> (дата обращения: 09.01.2024).

Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики. Самара: Издательство «Самарский университет», 2002.

Егорова Е.В. Проактивность и реактивность: два отношения к жизни // *Педагогика и образование в России и за рубежом: проблемы и перспективы развития*. 2017. № 2. С. 125–131.

Егорова С.В. Уровень агентности получателей социальных услуг, заключивших социальный контракт: социологический анализ // *Человек в информационном обществе. Материалы Второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации*. 2023. С. 141–147.

Егорова С.В., Авдошина Н.В., Васькина Ю.В., Зорина С.В., Демина А.И., Нестеров А.Ю. Социально-психологический мониторинг обучающихся: эмпирические методы исследования // *Семиотические исследования*. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 73–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-73-81>.

Егорова С.В., Королева Т.В. Проактивное поведение малоимущих студентов вуза как условие заключения социального контракта // *Проблемы и перспективы организации работы с молодежью. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. 2022. С. 208–218.

Ерзин А.И. Методика «Проактивное поведение»: описание шкал и первичная оценка психометрических показателей // *Актуальные проблемы психологического знания*. 2014. № 4. С. 59–69.

Ерзин А.И. Проактивность как основа становления личности специалиста // *Актуальные проблемы психологического знания*. 2014. № 1. С. 100–110.

Ерзин А.И. Проблема проактивности в психологии здоровья // *Психолог*. 2014. № 1. С. 94–124. DOI: <http://doi.org/10.7256/2306-0425.2014.1.11536>.

Ерзин А.И., Епанчинцева Г.А. Понятие проактивности в современной психологии // *Теоретиче-*

ская и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 1. С. 79–83.

Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро* / пер. с англ. Москва: Издательство АСТ. 2014.

Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. *Большой психологический словарь*. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009.

Петровский, В.А. *Человек над ситуацией*. Москва: Смысл, 2010.

Самостоятельность и проактивное поведение 2 том доклада «Глобальный ландшафт исследований и перспективных разработок в области укрепления человека» / научный редактор П.С. Сорокин. Москва: НИУ ВШЭ. 2022.

Семенова В.В. *Качественные методы: введение в гуманистическую социологию*. Москва: Добросвет, 1998.

Старикова М.А., Маничев С.А. Проактивное поведение в профессиональной карьере // *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта*. 2019. № 7 (173). С. 267–272.

Старченкова Е.С. Концепция проактивного совладающего поведения // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2009. № 12. С. 198–204.

Франкл, В.Э. *Человек в поисках смысла*. Москва: Прогресс, 1990.

Чернозуб О.Л. Двухкомпонентная модель поведения человека: может ли социология чему-то научить маркетинг? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 4. С. 77–98. DOI: <http://doi.org/10.14515/2021.4.1946>.

Чернозуб О.Л. Двухкомпонентная модель поведения человека. Потребители тоже люди // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 5. С. 265–288. DOI: <http://doi.org/10.14515/2021.5.2097>.

Чернозуб О.Л. Двухкомпонентная модель факторов поведения: нужны ли имплицитные факторы теории запланированного поведения? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 3. С. 28–44. DOI: <http://doi.org/10.14515/2022.3.2125>.

Чернозуб О.Л. Двухкомпонентная модель запланированного поведения: интеграция имплицитных факторов улучшает точность прогноза // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 4. С. 21–38. DOI: <http://doi.org/10.14515/2022.4.2236>.

Чернозуб О.Л., Белоножко М.Л. Сравнительный анализ имплицитных измерений ГАТО и IAT: единство в многообразии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 5. С. 221–239. DOI: <http://doi.org/10.14515/2023.5.2413>.

Чернозуб О.Л., Шураева Л.Ю. Ортогональность результатов IAT и ГАТО: чем хуже, тем лучше // *Мониторинг общественного мнения: эконо-*

мические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 218–237. DOI: <http://doi.org/10.14515/2023.6.2478>.

Шаповал И.А. Субъективное качество жизни в психологии бедности // Психологическая наука и образование 2014. Т. 6. № 4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Sharoval.phtml> (дата обращения: 10.01.2024).

Ядов В.А. Гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности и её социальной обусловленности / Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е рас. изд. Москва: ЦСПиМ, 2013.

References

Bateman, T.S. and Crant, J.M. (1993), The proactive component of organizational behavior: A measure and correlates, *Journal of organizational behavior*, vol. 14, no. 2, pp. 103–118.

Fazio, R. and Olson, M. (2014), *The MODE model: Attitude-Behavior Processes as a Function of Motivation and Opportunity, Dual Process Theories of Social Mind*, Guilford Press, New York, USA.

Greenwald, A.G., McGhee, D.E., Schwartz, J.L.K. (1998), Measuring individual differences in implicit cognition: the implicit association test, *Journal of personality and social psychology*, vol. 74, no. 6, pp. 1464–1480.

Greenwald, A.G., Brendl, M., Cai, H., Charlesworth, T., Cvencek, D., Dovidio, J. F., Friese, M., Hahn, A., Hehman, E., Hofmann, W., Hughes, S., Hussey, I., Jordan, C., Jost, J., Kirby, T., Lai, C. K., Lang, J., Lindgren, K. P., Maison, D., Ostafin, B. D., Rae, J. R., Ratliff, K., Smith, C. T., Spruyt, A., & Wiers, R. W. (2019), *The Implicit Association Test at age 20: What is known and what is not known about implicit bias*, University of Washington, Retrieved from [Online], available at: <https://psyarxiv.com/bf97> (Accessed 14 January 2023).

Katz, D. (1960), The Functional Approach to the Study of Attitudes, *Public Opinion Quarterly*, vol. 24, no. 2, pp. 163–204. DOI: <http://doi.org/10.1086/266945>.

Myszka-Strychalska, L. (2020), Proactivity versus self-efficacy in the process of developing a career by the youth, *Culture–Society–Education*, no.1 (17), pp. 147–162.

Nosek, B.A., Bar-Anan, Y., Sriram, N., Axt, J., Greenwald, A.G. (2014), Understanding and using the brief implicit association test: Recommended scoring procedures, *PloS one*, vol. 9, no. 12, [Online], available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0110938> (Accessed 14 January 2023).

Smith, E.R. and DeCoster, J. (2000), Dual-process models in social and cognitive psychology: Conceptual integration and links to underlying memory systems, *Personality and social psychology review*, vol. 4, no. 2, pp. 108–131.

Avdoshina, N.V., Egorova, S.V., Vas'kina, Yu.V., Zorina, S.V., Demina, A.I. and Nesterov, A. Yu. (2022), Conceptual framework for students' social psychological monitoring, *Semioticheskie issledovaniya, Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 87–101, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-87-101>.

Bondarenko, N. (2006), Features of adaptation of poor and wealthy families, *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions*, no.1, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-adaptatsii-bednyh-i-sostoyatelnyh-semey> (Accessed 14 January 2023).

Gottlieb, A.S. (2002), *Introduction to sociological research: Qualitative and quantitative approaches. Methodology. Research practices*, Samara University Publishing House, Samara, Russia.

Egorova, E.V. (2017), Proactivity and reactivity: two attitudes to life, *Pedagogy and education in Russia and abroad: problems and development prospects*, no. 2, pp. 125–131.

Egorova, S.V. (2023), Level of agency of recipients of social services who have entered into a social contract: sociological analysis, *Person in the information society*, Materials of the Second International Scientific and Practical Conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation, pp. 141–147.

Egorova, S.V., Avdoshina, N.V., Vas'kina, Yu.V., Zorina, S.V., Demina, A.I., Nesterov, A. Yu. (2022), Students' social psychological monitoring: research empiric methods, *Semioticheskie issledovaniya, Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 73–81, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-73-81>.

Egorova, S.V., Koroleva, T.V. (2022), Proactive behavior of low-income university students as a condition for concluding a social contract, *Problems and prospects for organizing work with youth*, Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, pp. 208–218.

Erzin, A.I. (2014) Methodology «Proactive behavior»: description of scales and primary assessment of psychometric indicators, *Current problems of psychological knowledge*, no. 4, pp. 59–69.

Erzin, A.I. (2014), Proactivity as the basis for the development of a specialist's personality, *Current problems of psychological knowledge*, no. 1, pp. 100–110.

Erzin, A.I. (2014), The problem of proactivity in health psychology, *Psychologist*, no. 1, pp. 94–124. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0425.2014.1.11536>.

Erzin, A.I., Epanchintseva, G.A. (2013), The concept of proactivity in modern psychology, *Theoretical and experimental psychology*, vol. 6, no. 1, pp. 79–83.

Kahneman, D. (2014), *Think slowly... decide quickly*, AST Publishing House, Moscow, Russia.

Meshcheryakov, B.G., Zinchenko, V.P. (2009), *Large psychological dictionary*, Prime-EVROZNAK, St. Petersburg, Russia.

- Petrovsky, V. A. (2010), *Man above the situation*, Smysl, Moscow, Russia.
- Independence and proactive behavior, volume 2 of the report «Global landscape of research and promising developments in the field of human strengthening»* (2022), Scientific editor P.S. Sorokin, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Semenova, V.V. (1998), *Qualitative methods: An introduction to humanistic sociology*, Dobrosvet, Moscow, Russia.
- Starikova, M.A., Manichev, S.A. (2019), Proactive behavior in a professional career, *Scientific notes of the P.F. Lesgafta*, no. 7 (173), pp. 267–272.
- Starchenkova, E.S. (2009), The concept of proactive coping behavior, *Bulletin of St. Petersburg University*, no. 12, pp. 198–204.
- Frankl, V.E. (1990), *Man in search of meaning*, Progress, Moscow, Russia.
- Chernozub, O.L. (2021), Two-component model of human behavior: can sociology teach something to marketing? *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 4, pp. 77–98, DOI: <http://doi.org/10.14515/2021.4.1946>.
- Chernozub, O.L. (2021), Two-component model of human behavior. Consumers are people too, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 5, pp. 265–288, DOI: <http://doi.org/10.14515/2021.5.2097>.
- Chernozub, O.L. (2020), A two-component model of behavioral factors: Are implicit factors needed in the theory of planned behavior? *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 3, pp. 28–44, DOI: <http://doi.org/10.14515/2022.3.2125>.
- Chernozub, O.L. (2022), Two-component model of planned behavior: integration of implicit factors improves forecast accuracy, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 4, pp. 21–38, DOI: <http://doi.org/10.14515/2022.4.2236>.
- Chernozub, O.L., Belonozhko, M.L. (2023), Comparative analysis of implicit measurements of GATO and IAT: unity in diversity, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 5, pp. 221–239, DOI: <http://doi.org/10.14515/2023.5.2413>.
- Chernozub, O.L., Shuraeva, L.Yu. (2023), Orthogonality of IAT and GATO results: the worse, the better, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 6, pp. 218–237, DOI: <http://doi.org/10.14515/2023.6.2478>.
- Shapoval, I. A. (2014), Subjective quality of life in the psychology of poverty, *Psychological Science and Education*, vol. 6, no. 4, [Online], available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Shapoval.phtml> (Accessed 14 January 2023).
- Yadov, V.A. (2013), *Hypothesis about the hierarchical structure of personality dispositions and its social conditioning / Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: Dispositional concept*, TsSPiM, Moscow, Russia.

Submitted: 03.03.2024

Revised: 10.05.2024

Accepted: 10.06.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 716.7+82

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-114-122

Дата поступления: 03.03.2024
рецензирования: 02.06.2024
принятия: 15.06.2024

В.П. Козырьков

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: kozir3@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4688-0125>

Пушкинская традиция анализа гендерных отношений

Аннотация: в статье раскрывается специфика пушкинского художественного анализа гендерных отношений. «Долг, завещанный от Бога», – эти слова Пимена Пушкин относил и к миссии поэта в русской культуре. Тем самым он дал образец для развития всей духовной культуры, включая социальные науки. Выявляется роль пушкинской традиции в формировании науки об отношении полов. Именно для Пушкина характерно особое внимание к проблемам отношения мужчин и женщин. В этой связи анализируется взаимосвязь исследований гендера и частной жизни. Анализ пушкинской традиции изучения гендерных отношений приводит автора статьи к выводу, что в российском обществе они существуют как противоречивый феномен. Рассматривается развитие пушкинского подхода к анализу гендера самим Пушкиным. Ключом к раскрытию противоречивости гендера у Пушкина является дом человека. Противоречия гендера в статье демонстрируются анализом ряда примеров. Из наследия Пушкина анализом пародии гендера. Примерами из творчества А. Блока и М. Горького, которые развивали пушкинскую традицию. По совокупности рассматриваемых проблем исследование потребовало диалектического и междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: Пушкин; Горький; Блок; традиция; гендер; противоречивость; русская культура.

Цитирование: Козырьков В.П. Пушкинская традиция анализа гендерных отношений // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 2. С. 114–122. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-114-122>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Козырьков В.П., 2024** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.P. Kozyrkov

Lobachevsky State University of N.Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: kozir3@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4688-0125>

Pushkin' Tradition of Analysing Gender Relations

Abstract: the article reveals the specificity of Pushkin's artistic analysis of gender relations. “Duty bequeathed from God” – it is these words of Pimen that Pushkin referred to as the mission of the poet in Russian culture. Thus he gave a model for the development of all spiritual culture, including social sciences. The role of Pushkin's tradition in the formation of the science of gender relations is revealed. It is for Pushkin that special attention to the problems of male-female relations is characteristic. In this regard, the interrelation of studies of gender and private life is analyzed. The analysis of Pushkin's tradition of studying gender relations leads the author of the article to the conclusion that in Russian society they exist as a contradictory phenomenon. The development of Pushkin's approach to the analysis of gender by Pushkin himself is examined. The key to revealing the contradictory nature of gender in Pushkin is the human home. Contradictions of gender are demonstrated in the article by analyzing a number of examples from Pushkin's heritage by analyzing the parody of gender. Examples from the works of A. Blok and M. Gorky, who developed Pushkin's tradition. In

the view of the totality of the problems considered, the research required a dialectical and interdisciplinary approach.

Key words: Pushkin; Gorky; Blok; tradition; gender; gender contradiction; Russian culture.

Citation: Kozyrkov, V.P. (2024), Pushkin' Tradition of Analysing Gender Relations, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 114–122, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-114-122>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Kozyrkov V.P., 2024** – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Professor of Industry-specific and Applied Sociology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation.

Введение

Являясь по природе новаторским, пушкинское наследие в различные исторические эпохи становилось истоком и примером реформирования духовной структуры общества, включая социально-гуманитарную науку. Поэтому оно исследуется не только литературоведами, но и философами, социологами, а сейчас и представителями гендерных исследований (Бояринова 2016; Герасименко 2020; Леонова 2023). Мультидисциплинарность самих гендерных исследований вызывает необходимость анализа общего порядка. В частности, общих проблем, решаемых в поэзии Пушкина (Волков 1989; Лотман 1994; Stewart).

В русской культуре наследие А.С. Пушкина давно перестало быть только художественной величиной. Оно превратилось в своеобразный идентификатор, позволяющий определить принадлежность новых ценностей к сложившемуся русскому культурному коду. При всем многообразии форм и отклонений в различные исторические эпохи русская духовная культура всегда возвращалась к пушкинской традиции, находя в ней меру принятия тех ценностей, которые привлекали в другой культуре.

Пушкинская традиция в художественном анализе отношения полов и его непреклонная вера в единство и величие человеческой природы способны стать потенциалом свободного общественного устройства на основе социальной науки нового типа, в которой не игнорировалась бы проблема гендера.

Общий анализ пушкинской традиции позволяет осуществлять без риска творческие научные поиски в резко изменяющихся новых условиях, ибо всегда есть возможность вернуться «домой». В частности, к наследию Пушкина, вобравшего в себя традиционные и новаторские идеи в анализе гендера.

Своей способностью удерживать противоречия в своей поэзии Пушкин бывал многим неприятен. От него ждали только художественной гармонии. Такое отношение началось уже при жизни Пушкина, когда он задал новую парадигму развития русской мысли, поэзии и русского языка (Шкловский 2020; Лифшиц 2010). И за двести

лет существования пушкинской традиции мы видели неоднократные попытки отойти от Пушкина и даже отбросить его наследие как духовный балласт в культуре России. Но историческое развитие культуры вновь возвращало нас к Пушкину и его подходу к анализу духовной культуры, носить в себе «дух русского языка».

Цель предлагаемой статьи – дать общую характеристику пушкинского подхода к художественному анализу гендерных отношений.

Метод – социокультурный анализ диалектической и междисциплинарной направленности.

Доминирующий подход к исследованию гендера и частная жизнь

Как только социальные отношения стали исследоваться через призму гендера, а кем-то даже отождествляться, так художественная литература стала выходить на передний план в их выражении, так как социальная наука по разным причинам изначально исключила отношения полов, а вместе с ними и частную жизнь из своих приоритетных объектов исследования.

В русской литературе А.С. Пушкин впервые выразил противоречивость гендерных отношений. Создаваемые им женские и мужские образы внутренне конфликтны, начиная с ранних произведений и сказок. В рассматриваемый период частная сфера жизни преимущественно продолжала культивироваться как область жизнедеятельности женщины, а публичная – мужчин. Только к концу XIX века установился определенный когнитивный паритет на право исследования частной жизни, а вместе с ней и отношений полов, наравне с публичными сферами. Но происходило это с различных позиций: во-первых, с определения отношения полов как первичных отношений людей, которые являются продуктом духовных процессов: религии, искусства, морали, идеологии; во-вторых, с классово-экономических позиций, в которых отношения полов, частно-семейные отношения ставились в подчиненное отношение к классам.

В социальной науке реформаторами такого подхода и создания особой науки о частной жизни стали Г. Зиммель и В.В. Розанов. Но сделали они это по-разному.

Г. Зиммель через анализ женского движения и раскрытие сущности женщины и ее отличий от сущности мужчины. В.В. Розанов выделяет сферу частной жизни как первичное пространство проявления женских атрибутивных свойств и качеств, а частное пространство отождествляет с домом.

Г. Зиммель приходит к выводу, что главное достижение женщин в развитии культуры является «дом и влияние женщин на мужчин» (Зиммель 1996, с. 255). При этом дом выводится на передний план. По его мнению, «дом – это часть жизни и вместе с тем особый способ соединять, отражать, формировать всю жизнь. Свершение этого является великим культурным деянием женщины» (Зиммель 1996, с. 257).

Правда, непонятно, кто же построил дом и для кого. Да и обустройство и обживание дома нельзя рассматривать в отрыве от мужчины и детей, как продукта семейного союза мужчины и женщины. В конечном счете, если что-то создано мужчинами, право, например, то оно приписывается заслугам мужчин. Но ведь само существо мужчины неотделимо от женщин, как противоположного пола, поэтому в любом мужском деянии имплицитно присутствует женщина.

Однако все женское движение нацелено лишь на достижение социальных качеств, которыми обладают мужчины, и тот социальный статус, который они обретают в обществе, существующем на основе такого типа разделения труда, в чем видится установление «гендерного равенства». Характер отношения полов складывается исторически под воздействием объективного общественного разделения труда, а не результат произвольного конструирования.

Утверждение пушкинской традиции в формировании гендерного сознания

Хотя еще иронично обсуждается вопрос, почему, как когда-то выразился А. Григорьев (Григорьев 1986, с. 78), Пушкин «наше все», но без обращения к тому значению, который придавался этому выражению самим критиком. А для В. Набокова важно было доказать, что многое о Пушкине есть миф, но задает основание «нового, по своему пленительного мифа» (Набоков 1995). Доказывается, что сказки А. Пушкина, являются выражением социальных оценок поэта различных явлений российского общества, выступают идентификатором национальной идентичности. Россия идентифицируется, то с мужским, то женским началом (Why do Russians call Pushkin «our everything»; Stewart). Разумеется, А. Пушкин никогда бы не согласился, что «наша объективная культура является – за исключением очень немногих областей – только мужской» (Зиммель 1996, с. 235). Точно так же, он не согласился бы с идентификацией России с «вечной женственно-

стью», к чему тяготел В. Соловьев (Рябов 1999; Козырьков 2019). Разве только согласился бы с иронией, обозвав ее «бабой», как он как-то называл поэзию. Ведь если что-то создано мужчинами, социология, например, то она не становится заслугой только мужчин. Хотя бы потому, повторимся, что само гендерное существо мужчины неотделимо от женщины: в любом мужском деянии имплицитно присутствует женщина в различных ее проявлениях, начиная от способности к деторождению и заканчивая способностью преданно любить и заботиться о мужчинах, как он любит своих детей.

Вряд ли, например, К. Маркс смог бы совершить свой научный подвиг в области познания истории, если бы рядом не было его жены, Женни, после смерти которой в 1881 году, К. Маркс уже не работал над своим «Капиталом», а тихо умирал. В пример непосредственных заслуг в области социологии культуры можно назвать и мадам де Сталь, которая написала произведение по истории литературы в социологическом ключе задолго до Конта и Маркса (Сталь 1989). Пушкин, знаток французской литературы, не мог не знать этого произведения, указывая на его значение в «Евгении Онегине». Например:

Нас пыл сердечный рано мучит.

Очаровательный обман,

Любви нас не природа учит,

А Сталь или Шатобриан¹.

В. Розанов, утверждая первичность женского начала, частной жизни и дома, создавал своеобразную социальную науку об отношении полов «методом нежности» и отвергал позитивистскую социологию, поскольку в ней нет этих тем (Козырьков, 2018). Несомненно, это проявление пушкинской традиции.

В основанной Пушкиным художественной традиции воспроизведения гендерных отношений это было сделано оригинально даже для нашего времени. Именно в этом смысле А. Григорьев называл А. Пушкина «наше все», так как «это только контурами набросанный образ народной нашей сущности, – образ который мы долго еще будем оттенять красками» (Григорьев 1986, с. 78). Но то, что А. Григорьев называет «контуром» народной сущности, есть ее социологический образ, который А. Пушкин представил художественными средствами, в том числе отношения полов.

Пушкин сумел показать противоречивость мужских и женских образов, когда женский образ становится идеалом, а мужской – пародией. Уже в ранних стихах и романтических поэмах проводится им поэтический анализ противоречивости женских и мужских персонажей, взаимосвязь образов

¹ Цитаты даны по изданию: Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-и т. М.-Л.: Наука, 1950-1951.

идеала прекрасного и образов низменных человеческих качеств.

Таким образом, важно подчеркнуть не только контурность, но и противоречивость гендера, раскрытого А. Пушкиным. Проблема, которую каждый по-своему решили В.Г. Белинский и Д.И. Писарев. У них существовало, говоря словами Г. Плеханова, «социологическое чутье», которое он нашел, прежде всего, у В. Белинского. А Д.И. Писарев много гневных слов высказал в адрес мужских черт Е. Онегина, но и, одновременно, детально разобрал противоречивые отношения Онегина с Татьяной (Писарев 1956) в социальном аспекте.

Структура гендерных отношений в «Евгении Онегине»

Теперь попробуем обрисовать структуру гендера, как она выражается в главном художественном произведении, «Евгении Онегине». Разумеется, сделаем это тоже контурно, схематично, что и является особенностью социокультурного подхода.

В поэтическом романе мы видим образ Татьяны Лариной как «девы гордой идеал». Эта сторона особенно подчеркивалась В.Г. Белинским и была близка самому поэту, создателю возвышающего женщину образа. Однако этот образ противоречив и противопоставляется образу Онегина, который как личность представлен в сниженном состоянии, не как идеал, а как пародия. Это видно из того, что Пушкин показал противоречивость гендера мужественности. Покажем это в стиле анализа, который проделал Д. Писарев.

Так, мужественность приписывается Татьяне, так как она мужественно призналась в любви Онегину, а потом также мужественно отказалась от нее, когда вышла замуж за другого человека. Е. Онегин не проявил достойных мужчине черт мужественности по отношению к Татьяне и к Ленскому, но зато он показал качества денди, модного мужчины, имеющего успех у женщин. К тому же он три часа проводил перед зеркалами, как это делают женщины. Через несколько лет показана ситуация тоже не в пользу мужественности Е. Онегина: он смиренно стоит на коленях перед Татьяной, но уже не перед деревенской девочкой, а перед светской дамой. Как в первом, так и во втором случае, Онегин не проявил настоящих мужских качеств, хотя сам Онегин был уверен, что это не так, когда принял вызов на дуэль от своего друга, Владимира. Таков тогда был кодекс мужской чести.

Противоречив и гендер женственности. Внешняя особая красота, внимание к мелочам, заботливость, нежность, верность – этими чертами А. Пушкин наделил Татьяну Ларину, свой идеал. Повторю, что красота ее была необычной: «красотой сестры своей, / Ни свежестью ее румяной / Не привлекла б она очей». По крайней мере, поэта

Владимира не привлекла. Но зато привлекла внимание денди Е. Онегина, на что он обратил внимание своего друга: ««Неужто ты влюблен в меньшую?» / – А что? – “Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт. / В чертах у Ольги жизни нет“». Это делает Онегину честь, что заметила и оценила сама Татьяна, иначе она не написала бы ему знаменитого письма. Правда, в своем объяснении с Татьяной Онегин, отмечая ее «совершенства» (ум, пламенную душу, искренность), выносит такой приговор: «Напрасны ваши совершенства / Их вовсе недостойн я». Онегин отказался от любви, не найдя в себе мужества любить. По этой же причине убил на дуэли и своего друга, Владимира. Денди в нем оказался сильнее мужчины.

Через несколько лет, когда происходит другое объяснение Онегина с Татьяной, верность в структуре женственности Пушкин подчеркнул особо запоминающейся фразой: «Но я другому отдана / И буду век ему верна». Нужно сказать, что эту черту Татьяны каким-то образом сразу оценил Онегин при первом объяснении: «То, верно б, кроме вас одной / Невесты не искал иной». И во втором объяснении Татьяна признается в том, что любит Евгения, то есть она верна ему в любви. Именно эта черта женщины, верность, для А. Пушкина представлялась главной, поскольку она вытекала из биологической и культурной природы женщины, получающей закрепление в замужестве. Но верность Татьяны имеет противоречивый характер: верность в замужестве и верность в любви отделяются друг от друга. В то же время, противоречивость этой черты женственности Татьяны противопоставляется женской неверности ее сестры, Ольги, так как «недолго плакала» после смерти Владимира и вышла замуж за улана.

Таким образом, А. Пушкин производит художественный анализ гендерных отношений, который дисциплинарно, естественно, не приписывается к социологическому, но по своему новаторству и проникновению в социальные отношения полов не уступает современным гендерным исследованиям, а в чем-то и превосходит их. Это объясняется тем, что в своем романе стержнем поэзии А. Пушкин сделал соотношение частной и публичной жизни, духовную культуру своей эпохи. Поэтому ему и удалось показать противоречивость мужских и женских образов, сделав женский образ идеалом, сформированный частной жизнью, а мужской – пародией, поскольку пародийна была публичная жизнь, в которой вращался Онегин. Социологичность здесь в том, что анализ гендера дан через взаимосвязь приватного и публичного в обществе, а не в частной жизни.

Вспомним еще одну пародийную ситуацию, не совсем явную, но которая возникла после долгого расставания Е. Онегина с Т. Лариной. Она вышла замуж за князя, генерала и стала княгиней. Оне-

гин приезжает и влюбляется так же, как когда-то влюбилась в него Татьяна. Но теперь уже он стал писать признательные письма. В конце концов, Онегин стоит на коленях перед Татьяной Лариной и между ними происходит объяснение в любви и, одновременно, разрыв отношений, но теперь уже по инициативе Татьяны.

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку, как это сделал сам поэт в романе. Но если вдуматься, то по сути дела Пушкин дает нам пародию на признание в любви, так как Татьяна давно уже поняла пародийность Онегина, когда посещала его дом, читая его рукописи и пришла к выводу: «Уж не пародия ли он?». Давно возникла дистанция в оценке его как объекта поклонения. И ведь она не случайно вспомнила про лукавство в самом признании: «я вас люблю, к чему лукавить». Ее первая любовь не была вытеснена другой любовью. Поэтому любовь к Онегину у нее останется единственной, так как она «другому» лишь «отдана». В этом и состоит элемент лукавства, с которым ей придется остаться до конца жизни: любить Онегина, но считать его пародией; одного любить, а жить с другим, поскольку ему «отдана». Возник гендерный конфликт, который потом попытался разрешить Л.Н. Толстой в «Анне Карениной», но безуспешно. Пушкин поступил мудрее, оставив Татьяну в живых, а Евгения Онегина перед ней на коленях.

Но вернемся к ситуации, когда Татьяна поняла пародийность Онегина. По мере вживания в атмосферу онегинского дома, Татьяна постепенно обретает реалистичное понимание характера своего кумира. С представления об Онегине спадает романтический ореол до такой степени, что в сознании Татьяны возникает шокирующе отрезвляющий вывод о пародийности Онегина. Как известно, превращение человека в пародию означает внутренний разрыв с ним, создание дистанции к объекту поклонения.

Следовательно, средство раскрытия тайны гендера – дом человека, его отношение к дому. Если Пушкин дом Онегина называет «модной кельей», то дом Татьяны-княгини – это «модный дом». Модный в том смысле, что он является требованием света, «постыдной жизни мишуры». Но если это все же модный дом, как модной была «келья» Онегина, то по отношению к себе Татьяна Ларина тоже могла бы сделать вывод: не пародия ли она? И такой вывод она косвенно делает, только другими словами: «Что в них?». Но Татьяна понимает пародийность своего положения, а Онегин – нет. И она будет терпеть свое пародийное состояние, поскольку вышла замуж за светского человека.

И все же Пушкин потом дал образец гармоничных отношений мужчины и женщины в «Капитанской дочке». Такими представлены отношения Петра Гринева и Марии Ивановны, а также ее ро-

дителей, Ивана Петровича и Василисы Егоровны. Василиса Егоровна была хозяйкой в доме, но и делила обязанности своего мужа, коменданта крепости. И оба они проявили мужество, защищая крепость.

Следуя своей традиции, главной героиней повести названа Маша, капитанская дочка, которая отстояла свою честь в отношениях со Швабриным, а затем защитила честь и жизнь своего любимого человека. Храбро, мужественно и с высоким чувством чести вел себя и Петр Гринев.

Таким образом, возникает проблема идентификации гендера, имеющего маскулинный или фемининный характер. А. Пушкин специально смешивает их стереотипную половую принадлежность. В этом инновация его анализа, которая приобретает социологическую направленность. Он приписывает черты маскулинности женщине (честь, мужество), а фемининности в виде слабости – мужчине (Швабрину). Это возможно тогда, когда гендер рассматривается как отделившийся от реальных отношений полов социокультурный продукт, который имеет генетическую половую принадлежность, но получает модификацию в противоречивой социокультурной среде, которую детально и остроумно описывает А. Пушкин, но не оставляет читателя в неведении, давая ключ к разгадке всех гендерных хитросплетений.

Пушкинская традиция анализа гендера в художественной литературе Серебряного века

В качестве продолжателей пушкинской традиции в новую эпоху мы рассмотрим только двух ее представителей: А. Блока и М. Горького. Лишь для того, что бы показать, как «работает» поэтическая модель гендера, созданная А. Пушкиным в объяснении отношений мужчины и женщины. Причем, ограничим этот краткий анализ началом и концом творчества каждого.

Вначале пушкинская традиция обращения к женскому образу в частной жизни как идеалу была развита А. Блоком в стихах о прекрасной даме. Гендер женственности поднят им на пьедестал как «вечный» и воспет с различными романтическими оттенками в духе философии софийности В. Соловьева. Но все же итоговая характеристика гендера в поэме «Возмездие» реалистична: «Вглядись – увидишь ряд один / Теней неясных, вереницу / Каких-то женщин и мужчин» (Блок, Возмездие 1960, с. 311). Определенность феноменов женственности и мужественности приобрели в представлении А. Блока размытый, опустошенный характер.

Поэтому в поэме «Двенадцать» он раскрывает уже противоположный женский гендер в образе Катюшки, гуляющей по улице с революционными матросами и лишенной атрибута вечной женственности. Хотя сцена ее гибели изображена потряса-

юще: «А Катька где? – Мертва, мертва! / Простреленная голова! / Что Катька, рада? – Ни гу-гу... / Лежи ты, падаль, на снегу! / Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг!» (Блок, Двенадцать 1960, с. 353). Особо потрясает этот вопрос к женщине с простреленной головой: «Что Катька, рада?» Его смысл в том, что Катька знала только удовольствия: «гуляла», «гетры серые носила», «шоколад Миньон жрала», но приняла смерть от человека, который любил ее, Петьки. Поэтому к нему другой потрясающий вопрос: «Али руки не в крови / Из-за Катькиной любви?» (Блок, Двенадцать 1960, с. 356). Частное принесено в жертву публичному, но революционному.

Блок немало теоретизировал и выступал с философскими докладами. Однако он в своих теоретических суждениях и оценках не затрагивал проблему отношений мужчин и женщин. Даже в докладе «Крушение гуманизма». Нет этой темы и в переписке с А. Белым (Андрей Белый 2001). В современной литературе обсуждение этой темы Блоком тоже не отмечается (Магомедова 2017). Можно было подумать, что эта проблема Блока не волновала. Однако это не совсем так. Она волновала его поэтически.

В итоговых стихах «Пушкинскому дому» драма женского и мужского, частного и публичного была разрешена Блоком в пользу «тайной свободы», то есть творческой свободы в частной жизни, как это было у Пушкина. А в доме хозяйкой выступает женщина. То есть в решении гендерной проблемы он возвращается к пушкинскому идеалу, который был представлен Пушкиным в «Капитанской дочке». Так Блок совершил свою революцию, но уже в области духа, посвятив этому переходу стихи «Пушкинскому дому».

В произведениях М. Горького противоречивость гендера в русской культуре раскрывается многообразно. Именно в это время она была предметом общественных дискуссий, активно проявляло себя феминистское движение и женщины стремились к равенству с мужчинами во всех сферах жизни.

Нужно сказать, что богатым источником для анализа гендерных отношений имела и жизнь самого писателя. Несомненно, что личный опыт писателя оказал влияние на его художественные произведения. Это отдельная сложная тема для исследования, но ее важно отметить, чтобы подчеркнуть, что его частная жизнь, как и жизнь Пушкина, обросла мифами. Достаточно назвать только книгу Н. Берберовой «Железная женщина» (Берберова 2022). Поэтому мы берем для анализа только художественный опыт Горького.

К гендерной проблеме Горький обращался с самых ранних произведений. Это идейное наследие требует отдельного большого исследования, поэтому мы приведем только ряд общих моментов с

позиции пушкинской традиции. Его интересовало, прежде всего, отношение мужчины и женщины в частной жизни. Например, один персонаж, как «человек высокой культуры, он внешне относился к женщине, как к существу умственно равному, но в глубине с иронией» (Горький, т. 2, 1949, с. 535). То есть публично мужчина относился к женщине как к равной, а в частной жизни – с иронией, освобождая себя от требований культуры.

В другом произведении Горький переходит в иную плоскость анализа: категорий мужественности и женственности. Так, его герой приходит к выводу, что «мужество в мужчине так же редко, как и женственность в женщине» (Горький, т. 2 1949, с. 43). Это суждение имеет уже статус гендерного обобщения и сразу связывает писателя с пушкинской традицией смешивания этих категорий применительно к полу, к теме пародии.

В повести «Горемыка Павел» противоречивость гендера показана уже форме социального антагонизма. Герой повести в душе был уверен, что «женщина играет в жизни громадную, всеохватывающую роль» (Горький, т. 1, 1949, с. 275), но персонажи в ней живут стереотипом, что «женщина – это вечный враг мужчины, враг, который только и выжидает удобного момента, как бы поработить и высосать кровь» (Горький, т. 1, 1949, с. 274).

Примеров таких крайних гендерных позиций в русской литературе описано много. Но больше все же чаще приписывается деструктивная роль мужчине, а не женщине. Особенно в сочинениях феминистов. Нами уже приводилась оценка Зиммеля роли женщины в культуре.

Такие крайности в анализе гендера не описываются в творчестве Пушкина. Как мы показали, смена позиций в отношениях Онегина с Татьяной произошла без антагонизма, без враждебности друг к другу, хотя их любовь, при всех элементах лукавства, что мы отмечали, получилась трагичной: они признались в любви друг к другу, но жить вместе не могли.

В одном из последних произведений, повести «Жизнь Клима Самгина», М. Горький создал своеобразную энциклопедию представлений о гендерных отношениях. Обычно это произведения анализируются как энциклопедия истории русской интеллигенции вместе с анализом их мировоззрения в его развитии (Спиридонова 2011). Но уже в этом аспекте Горький подходит дифференцированно, давая яркие образы рассуждающих мужчин и женщин. Мужчины и женщины в его произведениях всегда склонны и к общим выводам об отношениях полов. Он показал развитие человека, как «системы фраз», в его частной жизни. Причем, эти отношения показаны в их эволюции, как в прогрессивном направлении, так и в регрессивном, что ведет к «разрушению личности», что рассмотрел Горький в особой статье (Горький, т. 24, 1953).

Гендерная проблематика рассматривалась в отраженном выражении, во взаимодействии частной и публичной жизни. В «Самгине» ее вторичность нарастает от тома к тому. В первой части больше философских рассуждений, потом осмысление личного опыта, а потом уже Самгину стало важно понять, как женщина участвует в революции и остается любящей женщиной. На всем протяжении повести читатель много узнает, как интеллигенция раскрывала смысл любви. Если Пушкин говорил, что «любви нас не природа учит, а Сталь или Шатобриан», то Горький называет других учителей любви: Шопенгауэр, Соловьев и др., но тоже философов.

С этой точки зрения судьба Самгина складывалась параллельно революционным публичным процессам. И закончилась она трагично, как и жизнь Катки в произведении Блока «Двенадцать», погибая в революционных баталиях. Самгин не смог никого полюбить, как и Онегин, который все же вышел из своей «модной кельи» и проехал по России. Мы не знаем, чем закончилась жизнь Онегина. Возможно, он надеялся в путешествии на то, что изменится со временем и станет настоящим мужчиной, и Татьяна примет его любовь. Но мы этого уже не узнаем.

Таким образом, в русской литературе Серебряного века происходит развитие пушкинской традиции в воспроизведении и осмыслении гендерных отношений. Раскрытие их противоречивости доводится до исследования антагонизма. Анализ этой традиции и тенденций ее развития показывает, что носителем мужественности и женственности в социальной жизни могут быть, как мужчины, так и женщины в зависимости от реальных социокультурных условий, соотношения частной и публичной сферы.

Вместо заключения: идеальные образы гендерных отношений в произведениях Пушкина

В сочинении «Медный всадник», так и не опубликованном полностью при жизни Пушкина, создан образ простой девушки, Параша, и такой же образ Евгения, с именем как у Онегина. Но это уже не «денди лондонский», а простой чиновник. И Параша уже не подражательница мадам де Сталь, как Татьяна Ларина, а простая русская девушка. В гендерном отношении каждый из них представлен без внутреннего конфликта, как цельные личности без всякой иронии и сказочности в изображении Пушкина.

Более полно идея гармоничных отношений полов развивается в «Капитанской дочке». Пушкин в эти годы сам уже другой, создав «Бориса Годунова», проведя историческое исследование «Пугачев» и начав создание романа в прозе «Арап Петра Великого». Отсюда и возникают образы целостных персонажей. И достигается это через соотне-

сение личности с домом. Пушкин использовал тот инструмент познания личности, который применил уже в «Евгении Онегине». Упрощая структуру гендера, Пушкин возвеличил дом человека.

Идею о решающей роли дома в художественном познании личности А. Пушкиным высказал Ю.М. Лотман. Он пришел к выводу, что «в поэзии Пушкина второй половины 1820-х–1830-х гг. тема дома становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и “самостояньи человека”» (Лотман 2000, с. 315). Напомню, что Татьяна Ларина поняла пародийность личность Евгения Онегина, посещая его дом. Можно еще заметить, что в «Медном всаднике» Пушкин впервые в русской литературе дает образ женщины не в патриархальном, сентиментальном или романтическом стиле, а в общечеловеческом.

Эта цельность, «самостоянье человека» не были разрушены страшной природной катастрофой, наводнением. Его масштабы были велики, но поэт показывает масштаб катастрофы не через демонстрацию ее величины, а черед раскрытие глубины трагедии одного человека, потерявшего свою невесту и семейный дом, где она жила. Гендер вне дома приобретает абстрактный характер. В этом социокультурное существо концепта идеального гендера в творчестве Пушкина.

Таким образом, Пушкин дает образы идеальных и пародийных гендерных отношений. В культуре Серебряного века пародийность во многом остается в образах, созданных Блоком. Есть она и в воспроизведении новой российской эпохи Горьким. Пародийность гендерных отношений, которую впервые открывает А. Пушкин, усилилась тогда, когда атрибуты мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности) превратились в один из предметов рынка, в привлекательную форму массовой культуры и в стремлении феминистов к «гендерной симметрии». В ответ на этот большой общественный спрос и возникла потребность в детальном анализе структуры отношения людей разного пола и стали развиваться гендерные исследования. Внимательное прочтение наследия Пушкина внесет положительный вклад в развитие этой научной дисциплины.

Источники фактического материала

Блок А. Возмездие // собр. соч.: в 8 т. Москва: Худож. лит., 1960. Т. 3. С. 295–346.

Блок А. Двенадцать // собр. соч.: в 8 т. Москва: Худож. лит., 1960. Т. 3. С. 347–359.

Горький М. Варенька Олесова // собр. соч.: в 30 т. Москва: Худож. лит., 1949. Т. 2. С. 476–568.

Горький М. Горемыка Павел // собр. соч.: в 30 т. Москва: Худож. лит., 1949. Т. 1. С. 206–330.

Горький М. Открытие // собр. соч.: в 30 т. Москва: Худож. лит., 1949. Т. 2. С. 38–45.

Горький М. Разрушение личности // собр. соч.: в 30 т. Москва: Худож. лит., 1949. Т. 24. С. 36–79.

Библиографический список

Smith, A. (2006), *Montaging Pushkin: Pushkin and Visions of Modernity in Russian 20th-c. Poetry, Studies in Slavic Literature and Poetics*, vol. XLVI, Amsterdam – New York, 361 p.

Stewart, A. (2018), *History and Identity: Pushkin and the Time of Troubles*, [Online], available at: https://scholar.smu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=hum_sci_history_etds (Accessed 03 February 2024).

Why do Russians call Pushkin “our everything”? Are there no more eminent Russian poets and writers? [Online], available at: <https://www.quora.com/Why-do-Russians-call-Pushkin-our-everything-Are-there-no-more-eminent-Russian-poets-and-writers> (Accessed 03 February 2024).

Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. Москва: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.

Берберова Н.Н. Железная женщина. Москва: Изд-во: Редакция Елены Шубиной, 2022. 464 с.

Бояринова П.А. Надежда Дурова: феномен гендерного беспокойства в России в первой половине XIX в. // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 2 (79). С. 57–68.

Волков Г.Н. Мир Пушкина: Личность, мировоззрение, окружение. Москва: Мол. гвардия, 1989. 269 с.

Герасименко И.Е. Гендерные модели в текстах лингвокультуры. Монография. Praga: Publishing House «Education and Science» (Прага), 2020. 96 с.

Григорьев А.А. Искусство и нравственность. Москва: Современник, 1986. 351 с.

Дьяков А.В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления». Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2008. 357 с.

Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. Москва: Юрист, 1996. 607 с.

Козырьков В.П. Идеи В.С. Соловьева по разработке альтернативной социологии в контексте русской духовной культуры // *Соловьевские исследования*. 2019. № 3. С. 79–92.

Козырьков В.П. Странность и приватность социологии В.В. Розанова // *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность*. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 58–63.

Леонова МП. Фрактальная перспектива на гендерные роли в сказках Пушкина (на примере «Сказки о царе Салтане») // *Болдинские чтения*. Сб. материалов международной научной конференции. Нижний Новгород: Нижегородский госу-

дарственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 84–91.

Лифшиц М.А. Пушкин и его время. Главы незавершенной работы // Лифшиц М.А. *Очерки русской культуры*. Москва: Академический проект, 2010. С. 210–274.

Лотман Ю.М. Пушкин притягивает нас, как сама жизнь // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 439–441.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000. 704 с.

Магомедова Д.М. «Крушение гуманизма» А.А. Блока и «Закат Европы» О. Шпенглера: источники и параллели // *Новый филологический вестник*. 2017. № 2(41). С. 130–155.

Набоков В.В. Пушкин и Ганнибал. Версия комментатора // *Легенды и мифы о Пушкине: Сб. статей*. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. С. 5–53.

Писарев Д.И. Пушкин и Белинский // соч.: в 4 т. Москва: Худ. литература, 1956. Т. 3. С. 306–416.

Рябов О.В. Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново: Издательский центр «Юнона», 1999. 359 с.

Спиридонова Л.А. «Жизнь Клим Самгина» М. Горького – книга века // *Литературный календарь: книги дня*. 2011. Т. 10. № 1. С. 5–21.

Сталь Ж., де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. Москва: Искусство, 1989. 476 с.

Шкловский В.Б. Евгений Онегин (Пушкин и Стерн) // А.С. Пушкин: Pro et Contra. Антология. В 2-х т. Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. 1. С. 490–504.

References

Smith, A. (2006), *Montaging Pushkin: Pushkin and Visions of Modernity in Russian 20th-c. Poetry, Studies in Slavic Literature and Poetics*, vol. XLVI, Amsterdam – New York, 361 p.

Stewart, A. (2018), *History and Identity: Pushkin and the Time of Troubles*, [Online], available at: https://scholar.smu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=hum_sci_history_etds (Accessed 03 February 2024).

Why do Russians call Pushkin “our everything”? Are there no more eminent Russian poets and writers? [Online], available at: <https://www.quora.com/Why-do-Russians-call-Pushkin-our-everything-Are-there-no-more-eminent-Russian-poets-and-writers> (Accessed 03 February 2024).

Bely, A. and Blok, A. (2001), *Correspondence. 1903–1919*, Progress-Pleiada, Moscow, Russia.

Berberova, N.N. (2022), *Iron woman*, Publishing house: Edited by Elena Shubina, Moscow, Russia..

Boyarinova, P.A. (2016), Nadezhda Durova: the phenomenon of gender anxiety in Russia in the first half of the 19th century, *Woman in Russian society*, no. 2 (79), pp. 57–68.

Volkov, G.N. (1989), *Pushkin's world: Personality, worldview, environment*, Mol. Guard, Moscow, Russia.

Gerasimenko, I.E. (2020), *Gender models in linguistic culture texts. Monograph*, Publishing House "Education and Science", Prague, Czech Republic.

Grigoriev, A.A. (1986), *Art and morality*, Sovremennik, Moscow, USSR.

Dyakov, A.V. (2008), *Jean Baudrillard: Strategies for "radical thinking"*, St.-Petersburg State University Publishing House, St.-Petersburg, Russia.

Simmel, G. (1996), *Women's culture, Simmel G. Favorites, vol. 2: Contemplation of life*, Lawyer, Moscow, Russia.

Kozyrkov, V.P. (2019), B.C. Ideas Solovyov on the development of alternative sociology in the context of Russian spiritual culture, *Solovyov studies*, no. 3, pp. 79–92.

Kozyrkov, V.P. (2018), The strangeness and privacy of V.V.'s sociology Rozanova, *Private and public in the everyday life of the population of Russia: history and modernity*, pp. 58–63, Leningrad State University named after. A.S. Pushkina, St.-Petersburg, Russia.

Leonova, M.P. (2023), Fractal perspective on gender roles in Pushkin's fairy tales (using the example of "The Tale of Tsar Saltan"), *Boldin Readings. Sat. materials of the international scientific conference*, pp. 84–91, Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

Lifshits, M.A. (2010), Pushkin and his time. Chapters of unfinished work, *Lifshits M.A. Essays on Russian culture*, pp. 210–274, Academic Project, Moscow, Russia.

Lotman, Yu.M. (1994), Pushkin attracts us like life itself, *Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school*, pp. 439–441, Publishing house "Gnosis", Moscow, Russia.

Lotman, Yu.M. (2000), *Semiosphere*, Iskusstvo-SPB, St.-Petersburg, Russia.

Magomedova, D.M. (2017), "The Collapse of Humanism" by A.A. Blok and "The Decline of Europe" by O. Spengler: sources and parallels, *New Philological Bulletin*, no. 2(41), pp. 130–155.

Nabokov, V.V. (1995), Pushkin and Hannibal. Commentator's version, *Legends and myths about Pushkin: Sat. articles*, pp. 5–53, Humanitarian Agency "Academic Project", St.-Petersburg, Russia.

Pisarev, D.I. (1956), *Pushkin and Belinsky, op. in 4 vol.*, vol. 3, pp. 306–416, Khud. literature, Moscow, USSR.

Ryabov, O.V. (1999), *Russian philosophy of femininity (XI–XX centuries)*, Yuno Publishing Center, Ivanovo, Russia.

Spiridonova, L.A. (2011), "The Life of Klim Samgin" by M. Gorky – the book of the century, *Literary calendar: books of the day*, vol. 10, no. 1, pp. 5–21.

Steel, J. de. (1989), *About the literature reviewed in connection with social institutions*, Art, Moscow, Russia.

Shklovsky, V.B. (2000), Evgeny Onegin (Pushkin and Stern), *A.S. Pushkin: Pro et Contra. Anthology. In 2 volumes*, vol. 1, pp. 490–504, Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, St.-Petersburg, Russia.

Submitted: 03.03.2024

Revised: 02.06.2024

Accepted: 15.06.2024

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-123-126

Дата поступления: 04.05.2024
принятия: 16.06.2024

Л.Б. Четырова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: chetirova.lb@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5064-8735>

О плодах дистанта и перспективах высшего образования. Рецензия на монографию Д. Рогозина, О. Солодовниковой «Зум и безумие в высшей школе»

Аннотация: в вводной части рецензии дается характеристика той базы данных, на которой построено исследование, формулируется задача, которую выдвинули авторы монографии. Основная часть рецензии посвящена характеристике тех выводов, к которым приходят авторы, рассматривая результаты цифровизации в высшей школе сегодня. Положительно оценивается рассмотрение отношения преподавателей вузов к дистанционному образованию и гибридной модели обучения в более широком контексте, включающем в себя социально-экономические факторы. Важным является рассмотрение темы преподаватель-администрация в их отношениях к дистанту и друг к другу. Отмечаются недостатки, касающиеся выборки, что ставит под сомнение некоторые выводы, касающиеся региональных и демографических различий.

Ключевые слова: цифровизация; дистанционное образование; зум; высшее образование; вуз; преподаватели.

Цитирование: Четырова Л.Б. О плодах дистанта и перспективах высшего образования. Рецензия на монографию Д. Рогозина, О. Солодовниковой «Зум и безумие в высшей школе» // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 4, № 2. С. 123–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-123-126>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Четырова Л.Б., 2024 – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC REVIEW

L.B. Chetyrova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: chetirova.lb@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5064-8735>

On the Fruits of Distant Learning and the Prospects of Higher Education. Review of the Monograph by D. Rogozin and O. Solodovnikova "The Zoom Platform and Madness in Higher Education"

Abstract: the introduction of the review characterizes the database on which the study is based and formulates the task that the authors of the monograph put forward. The main part of the review is devoted to characterizing the conclusions that the authors come to when considering the results of digitalization in higher education today. Consideration of university teachers' attitudes towards distance education and hybrid model of learning in a broader context, including socio-economic factors, is positively evaluated. Consideration of the teacher-administration theme in their relationship to distance and to each other is important. Shortcomings regarding the sample are noted, which calls into question some of the findings regarding regional and demographic differences.

Key words: digitalization; e-learning; zoom; higher education; university; teachers.

Citation: Chetyrova, L.B. (2024), On the Fruits of Distant Learning and the Prospects of Higher Education. Review of the Monograph by D. Rogozin and O. Solodovnikova "The Zoom Platform and Madness in Higher Education", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 123–126, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-123-126>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Chetyrova L.B., 2024 – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Рецензируемая книга написана членами команды Центра полевых исследований ИНСАП РАНХиГС на основе базы данных, полученной в результате пятой волны мониторинга преподавателей российских вузов. В ходе этой волны мониторинга было опрошено более 20 тысяч преподавателей почти трехсот вузов в 82-х российских регионах. В настоящий момент проводится седьмая волна мониторинга. Подобная масштабность данного полевого исследования указывает на то, что гипотезы, выдвинутые в ходе анализа, и выводы основаны на солидной эмпирической базе.

Авторы монографии задались целью выяснить, чем закончилось для российских вузов введение дистанционной формы обучения. В итоге исследования они дали характеристику состояния российского высшего образования в перспективе цифровой трансформации, учитывая при этом социально-экономическое положение вузовских преподавателей.

Избранный авторами формат изложения свидетельствует об их успешной интегрированности в пространство цифровой культуры и новых медиа, формирующих такой режим чтения, который задает избегание как текстов излишней сложности, так и лонгрида. По их словам, «структура книги организована так, чтобы все сложное – методология проведения исследования, особенности организации выборки, теория гибридных форм обучения и прочее оказалось в приложениях 1–5. А все понятное без специальных пояснений могло быть схвачено сразу» (Рогозин 2024, с. 6). Действительно, книга читается легко и с удовольствием.

Основная часть

Характеризуя ситуацию с дистанционным образованием в России на основе базы данных, полученной в период с 2020 по май 2022 года, авторы приходят к выводу, что цифровизация стала рутинным, отнюдь не революционным подходом в образовании. Однако цифровизация образования так и остается скорее вызовом и проблемой, чем желаемым результатом цифровых реформ (Рогозин 2024, с. 8). Авторы утверждают, что место дистанта в системе высшего образования до сих пор остается неопределенным и многие преподаватели рассматривают дистант как экстренную меру (Рогозин 2024, с. 17). Почти 60 % респондентов имеют соответствующую практику и технические навыки к работе в гибридном формате, сочетающем оффлайн- и онлайн-преподавание (Рогозин 2024, с. 19). Наиболее открытыми к дис-

танционной работе являются такие направления подготовки, как экономика и менеджмент, социальные науки, педагогика, а также гуманитарные науки. Объясняется это тем, что в этих учебных дисциплинах необходимость использования таких сложных инструментов, как онлайн-эксперименты и имитационные программы невысока, в отличие от преподавания естественнонаучных дисциплин (Рогозин 2024, с. 21). Мониторинг пятой волны показал, что онлайн-преподавание активно развивается в тех предметных областях, которые могут быть «цифровизированы» силами энтузиастов, без направленной работы вузовской администрации и закупки дорогостоящих программ и оборудования. По мнению авторов, все это свидетельствует о том, что переход к активной фазе цифровой реформы еще не наступил (Рогозин 2024, с. 21).

В своем анализе исследователи опираются как на свои результаты, так и на результаты опросов зарубежных коллег и приходят к выводу, что отношение к дистанционному формату обучения определяется множеством факторов. Одним из важных при этом является удовлетворенность преподавателей своей работой. Полностью удовлетворенные преподавательской деятельностью респонденты в два раза чаще сообщают, что дистанционный формат обучения для них удобен и комфортен, чем в любой другой группе (табл. 2). И, наоборот, в целом недовольные своей работой преподаватели находятся на полюсе неудовлетворенности цифровой трансформацией (Рогозин 2024, с. 9–10).

Далее, восприятие дистанционного формата как комфортного, положительно коррелирует с оптимистичным видением респондентами социально-экономической ситуации в стране (табл. 3). Вместе с тем, об удобстве и комфортности дистанционного формата также заявляют респонденты, оценивающие социально-экономическую ситуацию в стране как очень плохую. К сожалению, какого-либо объяснения схожести оценок дистанционного обучения как удобного и комфортного носителями крайне противоположных оценок социально-экономического положения страны авторы не дают.

Мониторинг выявил важную управленческую проблему: преподаватели не уверены, нужны ли им вообще администраторы в управлении дистанционным обучением. На вопрос, должна или не должна администрация вуза предпринимать какие-либо дополнительные действия по организации дистанционного образования, 40 % респонден-

тов затрудняются ответить, а 38 % респондентов дают отрицательный ответ (табл. 4). Исследователи резонно объясняют такое распределение ответов негативными установками, сложившимися у преподавателей за долгие годы реформ, в ходе которых бюрократический прессинг многократно вырос, становясь подчас непосильным бременем. Любопытно, что согласно ответам, сама вузовская администрация не рассматривает проведение цифровой трансформации обучения как комплекс направленных реформ. Апеллируя к зарубежному опыту, авторы рассматривают подобные настроения и преподавателей, и вузовской администрации как знак провала любой реформы (Рогозин 2024, с. 14). Единственная группа, высказавшаяся в пользу грамотного администрирования управления цифровизацией, – преподаватели, у которых дистанционный формат занимает 50 % учебного времени и более (табл. 5).

Анализ данных мониторинга позволил наглядно продемонстрировать существующие подходы к проведению цифровой трансформации – более авторитарный и более либеральный. Если сторонники первого подхода высказываются за усиление контроля не только над студентами, но и преподавателями, то сторонники второго – выступают за свободу в онлайн-преподавании (Рогозин 2024, с. 16–17). В целом же, у преподавателей существует запрос на методическое сопровождение хода цифровой реформы, на разработку отечественной модели гибридного обучения, соответствующего наличному уровню их подготовленности (Рогозин 2024, с. 18).

С точки зрения преподавателей, активно занятых в дистанционном преподавании, самое оптимальное количество времени, которое студент проводит в дистанте, составляет 25 % учебного времени (Рогозин 2024, с. 20).

Касаемо сетевых образовательных программ, как разновидности гибридного обучения, лишь чуть более трети преподавателей знают о них, приблизительно столько же слышали о них, а одна шестая опрошенных слышит о сетевых программах впервые (Рогозин 2024, с. 22). Набор инструментов в таких программах консервативен – лекции в Zoom, индивидуальные консультации по электронной почте, групповые обсуждения в мессенджерах, а также занятия во внутренней электронной системе. Кроме этого, в сетевых программах используются, во-первых, готовые курсы из MOOC – Coursera, EdX, Открытое образование, Stepik и др., записанные на платформе университета, YouTube; во-вторых, электронная интерактивная учебная литература; в-третьих, игровые обучающие решения, онлайн-эксперименты и имитационные программы (Рогозин 2024, с. 25).

Заслуживает внимания проведенный авторами анализ того, насколько востребованы различные

модели дистанционного и смешанного обучения в регионах, входящих в те или иные федеральные округа.

Были выделены регионы с наиболее наполненными выборками в каждом из федеральных округов. В дополнение к этим регионам в анализ были включены те, которые имеют специфику из-за своих социокультурных и экономических особенностей – Москва (Центральный федеральный округ) и Чеченская Республика. На этой основе была составлена новая выборка для анализа региональных особенностей цифровизации (Рогозин 2024, с. 31–32).

Анализ выявил следующие региональные особенности; во-первых, высокую в сравнении со средневыворочной поддержку дистанционной формы образования демонстрируют два очень отличающихся друг от друга региона – Москва и Якутия (табл. 13). В Якутии почти 42 % опрошенных относятся к дистанту положительно или скорее положительно. Если положительное отношение московских преподавателей к дистанту ожидаемо, то подобное отношение у якутских преподавателей, на первый взгляд, кажется неожиданным (Рогозин 2024, с. 33). Однако, следует напомнить, что экстерриториальность является главным преимуществом дистанционного образования. В Якутии с ее громадными расстояниями дистанционная форма обучения решает многие проблемы. Во-вторых, в целом отрицательное отношение к дистанту в Крыму, где 58 % преподавателей не поддерживают или скорее не поддерживают его. Одна из причин, по мнению авторов, заключается в недостаточной материальной обеспеченности процесса обучения. Рекордное число по выборке – 54 % опрошенных сообщают, что не имеют ноутбука или рабочего компьютера (Рогозин 2024, с. 33). При этом преподаватели Крыма по отношению к действиям федеральных властей в сфере образования не критичнее своих коллег из других регионов. Однако, на наш взгляд, при анализе следовало бы учесть то обстоятельство, что к 2022 году большая часть крымских преподавателей находилась в российском образовательном пространстве не более восьми лет, а значит не проходила тот двадцатилетний путь реформ образования, опыт которого сформировал у российских преподавателей готовность к разного рода инновациям, в том числе негативно ими оцениваемых. В-третьих, высокий процент – 7 % в сравнении с 2 % в среднем по выборке, затруднившихся выразить свое отношение к дистанционному образованию в Чеченской Республике. Авторы объясняют это тем, что в Чечне дистанционный формат оказался мало востребованным, поэтому половина преподавателей не имеет опыта работы в нем (Рогозин 2024, с. 33–34).

В книге выделены три группы российских регионов по цифровой трансформации: 1) пионеры

цифровой трансформации, к которым относятся Москва и Якутия; 2) основная масса регионов, где цифровая трансформация переживается как шок, а скорейшее свертывание позволяет преподавателям вздохнуть с облегчением (Ставропольский край и Тамбовская область); 3) регионы, где цифровая трансформация всерьез даже не началась, как в Чеченской Республике (Рогозин 2024, с. 39).

Сама по себе идея рассмотрения региональных различий и группировка регионов по федеральным округам привлекательна и полезна. Однако, критерий, согласно которому осуществлялось, а именно, наполненность выборки, вызывает возражения. В результате получилось, что Приволжский федеральный округ, «лицо» которого в сфере образования формируют вузы Самарской, Нижегородской и Саратовской области, оказалось представленным Чувашской Республикой, явно уступающей названным областям. Здесь следовало бы озаботиться об улучшении наполненности выборки по этим регионам, чтобы делать выводы по различиям в федеральных округах.

Указывая, что дистант более комфортен для молодых, авторы утверждают, что разница в оценках между преподавателями самой молодой и старшей возрастных когорт не превышает 10 %. На этом основании они предостерегают читателей от «поверхностного эйджизма» (Рогозин 2024, с. 11–12). Однако такое предостережение ничем не подкрепляется. К тому же, 10 % достаточно высокий показатель. Как указывают авторы, выборки не квотировались по социально-демографическим признакам. Таблица 2 в Приложении 1 демонстрирует половозрастную структуру выборки (Рогозин 2024, с. 75–76). Выделение возрастных когорт вызывает возражения, так как расходится с данными, приведенными по результатам исследования распределения преподавателей по возрастным группам – Таблица 1 (Пугач 2023, с. 121). Возможно, ответы бы распределились иначе, соответственно, выводы также.

Важным является вопрос об отношении преподавателей к роли государства в образовании. Почти 70 % опрошенных преподавателей получают в месяц не более 60 тыс. руб. (Рогозин 2024, с. 43). Преподаватели указывают на недостаточность поддержки сферы образования государством. Всего 1 % говорит о чрезмерной опеке со стороны государства, подавляющее же большинство – 65 % преподавателей считает, что государство недостаточно поддерживает образование. Среди последних более четверти преподавателей полагают, что администрация вузов также должна предпринимать дополнительные меры по организации дистанционного образования. Возникший запрос на государственно-административное вмешательство в образовательную сферу авторы рассматривают как возможную предпосылку для перехода

к следующему этапу цифровой трансформации и создания продуманной стратегии реформ. Отсутствие такой стратегии чревато, как предупреждают авторы, масштабированием «крымского феномена» (Рогозин 2024, с. 44).

Резюмируя итоги своего анализа, авторы заключают, что российское образование стоит на пороге второго этапа цифровой трансформации. Для прохождения самой сложной ступени между шоком и уверенным использованием инновации необходимы как хорошо разработанная стратегия реформ, так и грамотное администрирование. В противном случае многие цифровые достижения времен пандемии будут потеряны (Рогозин 2024, с. 57).

Заключение

Данная монография несомненно представляет большой интерес для всех преподавателей вузов, так как в ней анализируются результаты многолетнего мониторинга введения дистанционного образования. Выводы, к которым приходят авторы, основаны на солидном эмпирическом материале, обоснованы и дают более или менее полную картину плодов цифровизации в российском высшем образовании. Монография интересна тем, что открывает перспективы для дальнейшего анализа непростого процесса цифровизации и перехода к гибридной модели образования.

Материалы и исследования

Рогозин Д., Солодовникова О. Зум и безумие в высшей школе. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 160 с.

Библиографический список

Рогозин Д., Солодовникова О. Зум и безумие в высшей школе. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 160 с.

Пугач В.Ф. Ещё раз о возрасте преподавателей в российских вузах: старые проблемы и новые тенденции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 3. С. 118–133.

References

Rogozin, D., Solodovnikova, O. (2023), *Zoom and madness in higher education*, Publishing House "Delo", Moscow, Russia.

Pugach, V.F. (2023), Once again about the age of teachers in Russian universities: old problems and new trends, *Higher Education in Russia*, vol. 32, no. 3, pp. 118–133.

Дата поступления: 04.05.2024
принятия: 16.06.2024

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ
УДК 82

Дата поступления: 10.05.2024
принятия: 16.06.2024

В.Н. Иванова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ivanova.vn@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6463-1763>

М.А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: perepelkin.ma@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

Л.Г. Тютелова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: tyutelova.lg@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

«Самарский текст в русской литературе. У истоков отчего дома»: Всероссийская конференция, посвященная 140-летию «Самарской газеты» и 160-летию Е.Н. Чирикова (18-19 апреля 2024, Самара)

Аннотация: статья посвящена научному мероприятию – всероссийской научной конференции «Самарский текст в русской литературе. У истоков отчего дома», посвященной 140-летию «Самарской газеты» и 160-летию Е.Н. Чирикова. Производится краткий обзор итогов конференции, основных тем и проблем, которых коснулись в своих докладах участники.

Ключевые слова: конференция; «Самарская газета»; Е.Н. Чириков; самарский текст.

Цитирование: «Самарский текст в русской литературе. У истоков отчего дома»: Всероссийская конференция, посвященная 140-летию «Самарской газеты» и 160-летию Е.Н. Чирикова (18–19 апреля 2024, Самара) / сост. В.Н. Иванова, М.А. Перепелкин, Л.Г. Тютелова // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 2. С. 127–131.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Иванова В.Н., 2024** – старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Перепелкин М.А., 2024** – директор МБУК г.о. Самара «Самарский литературно-мемориальный музей имени М. Горького», 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 155; профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Тютелова Л.Г., 2024** – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

EDITORIAL ARTICLE

V.N. Ivanova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: ivanova.vn@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6463-1763>

M.A. Perepelkin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: perepelkin.ma@ssau.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

L.G. Tyutelova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: tyutelova.lg@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

“Samara text in Russian Literature. At the Origins of the Ancestral Home”: All-Russian Conference Dedicated to the 140th Anniversary of “Samarskaya Gazeta” and the 160th Anniversary of E.N. Chirikov (18–19 April 2024, Samara)

Abstract: the article is devoted to a scientific event – the All-Russian scientific conference “Samara text in Russian literature. At the Origins of the ancestral home”, dedicated to the 140th anniversary of “Samarskaya Gazeta” and the 160th anniversary of E.N. Chirikov. A brief review of the conference results, the main topics and problems touched upon by the participants in their reports is given.

Key words: conference; Samarskaya Gazeta; E.N. Chirikov; Samara text.

Citation: Ivanova, V.N., Perepelkin, M.A., Tyutelova, L.G. (2024), “Samara Text in Russian Literature. At the Origins of the Ancestral Home”: All-Russian Conference Dedicated to the 140th Anniversary of “Samarskaya Gazeta” and the 160th Anniversary of E.N. Chirikov (18–19 April 2024, Samara), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 127–131.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Ivanova V.N., 2024** – Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Perepelkin M.A., 2024** – Director of the Samara Literary and Memorial Museum named after M. Gorky, 443010, Russian Federation, Samara, 155 Frunze str.; D.Sc. (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Tutelova L.G., 2024** – Dr. philol. habil., Docent, head of Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Научные встречи в рамках всероссийской конференции «Самарский текст в русской литературе. У истоков отчего дома» состоялись в середине апреля текущего года на знаковой территории – в музее-усадьбе А.Н. Толстого. Организаторами конференции выступили МБУК г.о. Самара «Самарский литературно-мемориальный музей имени М. Горького» и ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».

В конференции приняли участие представители семи вузов России, а также представители Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького и Литературного музея Е.Н. Чирикова (Нижний Новгород). В течение двух дней исследователи обсуждали разные отзывы «самарского», «волжского» в произведениях русских писателей. Конференция была посвящена 140-летию «Самарской газеты» и 160-летию писателя, публициста и драматурга Евгения Николаевича Чирикова.

Евгений Чириков начинал свою литературную деятельность в Самаре, в «Самарской газете» и «Самарском вестнике», опыт жизни в городе на Волге лег в основу его первых произведений. Самарское в его текстах, а также его творческий путь особенно активно обсуждали на конференции – его драматургии и прозе были посвящены 9 докладов. Заключительным аккордом разговора о Е.Н. Чирикове была встреча с внуком писателя – Михаилом Александровичем Чириковым, идейном вдохновителе, создателе и руководителе Литературного музея Е.Н. Чирикова в Нижнем Новгороде.

Профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета Сергей Алексеевич Голубков выступил с двумя обзорными докладами в каждый день работы конференции – о волжском тексте русской литературы и о филологической Самаре. В докладе «Волжский текст русской литературы и его смыс-

ловые доминанты» шла речь о том, что культурный текст Самары неразрывно связан с пространством великой реки, этого «русского Нила», как назвал Волгу Василий Розанов. Реальность волжского города на протяжении многих десятилетий давалась и старожилам, и гостям, и случайным проезжим в ощущениях, мимолетных впечатлениях, бытовых подробностях, услышанных местных словечках, знаковых событиях, встречах. Это все находило многомерное отражение в литературе, о чем свидетельствует творчество Н.Г. Гарина-Михайловского, В. Гиляровского, М. Горького, А.Н. Толстого, Е.Н. Чирикова, С.Г. Петрова-Скитальца, А. Малышкина. Причем художественно постигаемой приметой места становилось парадоксальное соединение тесноты и простора, уездного локуса и евразийского размаха, герметизма и беспредельной открытости.

В докладе «Самара филологическая: лица, книги, судьбы» Сергей Алексеевич Голубков рассказал о филологах, которые в 1960–1990-е годы посвящали свои статьи и книги изучению самарского текста. Среди них и вузовские исследователи (В.П. Скобелев, Л.И. Янкина, Л.А. Соловьева, М.П. Лимарова), и школьные учителя-словесники (В.П. Финкельштейн, Э.Г. Фрейтаг, Т.Ф. Брадулина, А.А. Галяшин, В.А. Никитин). Они фактически заложили основы литературоведческого самароведения, успешно развивающегося сегодня.

Региональная тематика конференции позволила установить необычный ракурс рассмотрения произведений И.А. Бунина, С.Н. Дурылина, А.Л. Бостром, С.Г. Петрова, Н.Г. Гарина-Михайловского, А.В. Геласимова, В. Шарова, С. Паляя и других. Город на Волге и сам был рассмотрен как текст через пешеходные экскурсии и образовательную урбанистику, биографирование и историю водного транспорта.

Доклад директора Самарского литературного музея и профессора кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета Михаила Анатольевича Перепелкина «Волжский сюжет в творчестве Е.Н. Чирикова и А.Н. Толстого» посвящён сравнительному изучению «волжского сюжета» в «Волжских сказках» Е.Н. Чирикова и в трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам». На основе сделанных наблюдений автор доклада пришёл к выводу, что Волга у Е.Н. Чирикова – это последняя истина и константа в мире подлогов и энтропии, «времяпространство, подлинный хронотоп» (М.М. Бахтин), тогда как Волга А.Н. Толстого – условие и причина приключений, искомых и с жадностью обретаемых героями и автором, она и есть – главное приключение, до и после которого жизнь останавливается и стоит на месте и вместе с которым начинает переливаться красками и звучать, обретает значение и смысл. Отношение ав-

тора к Волге у Чирикова – это отношение практически религиозного характера, а автор «Волжских сказок» читает по волжским волнам и береговым камням и развалинам историю мира от дней творения к дням сегодняшним; Толстой же не рассказывает жизнь, а воспроизводит её, проживает вместе с героями все их действия и реакции, чувствует всеми рецепторами, данные которых могут наслаиваться и смешиваться, радуется и балагурит за пиршественным столом, даже если этот стол – кровавая бойня братоубийственной войны.

В докладе доцента кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета Ксении Алексеевны Сундуковой «Смерть провинциала: классическая традиция в рассказе Е.Н. Чирикова “Как это случилось”» были рассмотрены стратегии обращения Е.Н. Чирикова к традиции русской классической прозы рубежа XIX–XX веков на примере рассказа «Как это случилось». По наблюдениям докладчика, Е.Н. Чириков, сознательно отсылая читателя к произведениям Л.Н. Толстого («Смерть Ивана Ильича»), М.Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города»), А.П. Чехова («Смерть чиновника», «Человек в футляре»), создает свой вариант сюжета о смерти «маленького человека» и свое видение провинциальной бюрократии.

Доклад профессора Марии Викторовны Михайловой и Анастасии Викторовны Назаровой (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) «Размышления Е.Н. Чирикова об участии писателя в России» был посвящён анализу пьесы Е.Н. Чирикова «За славой», в которой драматург поставил вопрос о судьбе писателя и о взаимоотношениях писателя с представителями прессы. На основе всех наблюдений сделан вывод о том, что семейная драма в пьесе – это внешняя сторона вопроса, подлинная сущность которого имеет социально-психологическую подоплёку, которая вырастает из драматических отношений творческой личности и прессы, программирующей художника по своему усмотрению и отчуждающей от него создаваемый им творческий продукт.

Драматургия Е.Н. Чирикова стала материалом исследования в работах профессора Самарского государственного социально-педагогического университета Ольги Валентиновны Журчевой («Жанровое многообразие драматургии Евгения Чирикова»), Валерии Николаевны Ивановой, старшего преподавателя кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета и Ларисы Геннадьевны Тютеловой, заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета («Женский вопрос на рубеже веков в драме»). В частности, авторское решение женского вопроса позволило исследова-

телям сопоставить драматургию Чирикова и Чехова. Сравнение было неслучайным. Именно постановка «Дяди Вани» в МХТ вдохновила Чирикова стать серьезным драматургом.

Работая с драмой «Иван Мироныч», В.Н. Иванова и Л.Г. Тютелова определили, что Чириков стремится, как и его современники, исследовать роли, которые играет женщина в обществе. Его героиня не соглашается с тем, что ее место – это только место жены и матери. Атмосфера в доме не дает ей стать ни той, ни другой. Но других ролей у нее нет. Они могут появиться, как стремится доказать автор, только благодаря сущностному изменению жизни.

Сопоставление драмы Чирикова и Чехова могло не только определить особенности взгляда Чирикова на женский вопрос, но и указать на своеобразие его поэтики. В силу четкой поляризации позиций персонажей у Чирикова не получилось создать чеховский ансамбль героев, позволяющий ему рассмотреть столкновение человека со временем его жизни. Поэтому «Иван Мироныч» оказывается ближе к тем пьесам, в которых действие строится на основании того, что случается в жизни одного персонажа, как у Гарина-Михайловского, например. Но от него Чирикова отличает позиция человека, который не видит спасения для личности в мире современной семьи.

Доклад Михаила Александровича Чирикова «Военная история семьи Чириковых на страницах книги Е.Н. Чирикова “Эхо войны”» был одновременно и первой презентацией в Самаре недавно изданного в Санкт-Петербурге сборника «Эхо войны», в который вошли тексты одноименного сборника 1916 года и статьи военного корреспондента Чирикова в газете «Русское слово», фронтовые фотографии и стихотворение в прозе дочери писателя Валентины Чириковой «Реквием», фотографии из семейного архива внучки писателя В.Г. Чириковой и материалы, находящиеся в фондах Литературного музея Е.Н. Чирикова в Нижнем Новгороде. Все это позволило погрузить слушателей в семейную историю, отраженную на страницах книги, в том числе связанную с пребыванием брата писателя штабс-капитана Алексея Николаевича Чирикова и героя рассказов «Свидание» и «Дядя Алеша» в Самаре.

Студент Самарского университета Иван Перепелкин рассмотрел различные географические и смысловые проявления «домашнего» в тетралогии Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова». Так, по его наблюдениям, казанская часть являет собой такой сюжет поиска дома, как жизненный путь героя от радостей к страданиям. Симбирская часть продолжает логику развития сюжета распада домашнего пространства, а ставропольская – реализует инвертированный сюжет «Обломовки» как идеального пространства дворянской культуры. При

этом большая часть доклада Ивана Перепелкина была посвящена самарскому домашнему локусу и тюрьме как «дому памяти». Самарский тюремный локус у Чирикова оказался достаточно необычным по сравнению со всеми рассмотренными ранее. Он реализует себя как пространство, в которое сам герой стремится попасть, а негативная семантика локуса не только не реализуется, но, наоборот, обнаруживает себя как уютное, родное и «домашнее».

Доклад профессора кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета Геннадия Юрьевича Карпенко «“За рекой...”». Океан-море в лирике И.А. Бунина: что там?» был посвящен типологическому рассмотрению метафизической оппозиции «река – море», выявлению их специфических характеристик в русской литературе и в творчестве И.А. Бунина в частности. Г.Ю. Карпенко обратил внимание на то, что море является духовно-онтологическим, сущностным водным пространством, обеспечивающим человеку встречу со «сверхмерным» (Бунин), а река – течением, соотносимым с образами пути, дороги, поиска, обретения и утрат: она «психологична». В тетралогии «Жизнь Тарханова» Е.Н. Чириков создает волжский – самарский – текст, который по своим качествам не только феноменологичен, но и онтологичен, он синтезирует две традиции русской классики, тем самым сохраняет ее теоантропность и ценностную иерархическую центрированность.

К образу реки, но в творчестве другого писателя – Н.Г. Гарина-Михайловского – обратилась Ольга Вячеславовна Полежаева (Самарский университет). Волга издавна считается любимым символом России. Тема Волги заняла особое место и в творчестве Н.Г. Гарина-Михайловского, и его рассказ «Переправа через Волгу» позволяет увидеть реку в другом свете: непредсказуемую, черную, опасную, с желтым льдом и страшной птицей – чкой: «Чка – это льдина в несколько десятков саженей, которую несет по незамерзшему еще руслу». Поистине для такой переправы во время бурана нужны «железные нервы русского человека, его железное здоровье».

С докладом о творчестве С.Н. Дурылина выступила доцент кафедры языкознания Самарской семинарии Екатерина Александровна Щепалина. Герой доклада, Сергей Николаевич Дурылин, – священник, писатель, религиозный философ, театровед, педагог, археолог, человек, сумевший сохранить онтологическую связь и с земным отчим домом, и с духовным Отечеством вопреки боли и страданиям XX века. Домашнее, родное пространство сопряжено в текстах писателя с Домом вечностного толка, иконичность и вместе тем светлая человечность читаются в образах

отца, матери, бабушки, няни, всех близких круга С.Н. Дурьлина людей.

Ануранг Кумар (Самарский университет, Делийский университет) рассмотрел историческую концепцию книги «От Волги до Ганга», которая неожиданна для русского и даже европейского читателя. Дело в том, что в XIX веке разрабатывалась концепция восточного пути европейских народов, согласно которой арии («благородные, из хорошего семейства»), вышедшие из Цейлона и Индии, расселились по всему евразийскому континенту. Санкритьян в книге «От Волги до Ганга» выстраивает противоположную историческую концепцию. Родина ариев, народа-прародителя, располагалась между реками Днестр и Урал, а основной рекой была Волга. А. Кумар оценивает цикл легенд «От Волги до Ганга» как полный исторический отчет о миграции ариев из Центральной Европы (с Волги) в индийский субконтинент, символизированный рекой Ганг, и утверждает важную для индусов ментальную установку: сакрализованная легенда воспринимается как высшая историческая реальность. И в этом смысле она – легенда – соотносима со «священным текстом».

Доклад «Самарский след в биографии художников русского зарубежья Владимира, Зинаиды, Елены и Генриетты Боберман. Эффект отсутствия» Елены Михайловны Жидковой рассказал о совершенно неизвестных краеведам, но знакомых любителям искусства потомкам самарского купца Моисея Бобермана, руины мельницы которые до сих пор возвышаются на окраине города, за Са-

маркой. Сотруднице Музея Модерна Елене Жидковой удалось связаться с потомками этой некогда большой еврейской семьи, с коллегами из других музеев, хранящих предметы их семейной коллекции. Удивительно, что, прожив долгие и творчески богатые событиями годы жизни, художники и антиквары из семьи Боберман никогда не упоминали родную Самару в своих воспоминаниях и мемуарах. В чем причина этого забвения? Разгадке этого музейного детектива и был посвящен доклад.

Доклад Анны Владимировны Синицкой (Самарский филиал Московского городского педагогического университета) содержал краткое описание программы образовательной урбанистики «Закрой учебник, открой город», реализуемой в Московском городском педагогическом университете; была дана краткая характеристика некоторых самарских кейсов – проектов, раскрывающих образовательный и семиотический потенциал города.

Отрадно, что конференция вызвала и интерес, и отклик как среди горожан, так и среди российских учёных. Среди участников конференции были не только профессиональные исследователи, преподаватели и работники музеев, но и студенты, доклады которых также имеют профессиональную ценность, являются вкладом в региональное литературоведение и детально изучают страницы «Самарского текста». Планируется, что конференция станет традиционной.

Дата поступления: 10.05.2024
 принятия: 16.06.2024

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanity, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

...

Ход исследования

...

Полученные результаты и выводы

...

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

С требованиями к оформлению статей для размещения в журнале можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Прием статей»:

<https://journals.ssau.ru/semiotic/about/submissions>